

Copyrighted material

ГИГАНТ ЮЖНОГО У

Copyrighted material

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 9 (1810)

25 ФЕВРАЛЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Проходчики ингурского обводного тоннеля Миха Липарталиани, Зазри Гвенцадзе, Алексей Герасимов и Омар Гвенцадзе.

Многоэтажное, большеокое здание залито огнями. Море окон и огней. Этот корпус построен год назад специально для конструкторов орского завода «Южуралмаш». Просторный вестибюль, многочисленные отделы, залы различных проектных бюро...

Вот бюро непрерывно-заготовочных станов. Молодые лица конструкторов. Начальник бюро, тридцатилетний Вадим Макаров, рассказывает о своих товарищах, о работе конструкторов:

— Работаем смело. Проектируем станы-гиганты, каждый из них прокатывает столько металла, сколько прокатывала раньше вся Россия. Ни один зарубежный стан не сравнить по мощности и степени автоматизации с нашим...

Да, видно, есть чему поучиться на «Южуралмаше». За опытом сюда приехал индийский специалист господин Кинду. Он работает в бюро непрерывно-заготовочных станов под руководством конструктора А. П. Синеокого.

Н а с н и м к а х (слева направо):

Токарь В. М. Модлин обрабатывает вал для прокатного стана, который установлен на Орско-Халиловском комбинате. Вес заготовки — 55 тонн!

Руководитель группы А. П. Синеокий, конструктор Валентина Макарова и специалист из Индии господин Кинду.

Фото Я. Рюмкина.

18 МАРТА—ВЫБОРЫ В ВЕРХОВНЫЙ СОВЕТ СССР

ОТ СВАНСКИХ ХЛАДНЫХ СКАЛ...

И. МЕСХИ

Фото В. Джейранова.

Что ни говорите, любобытно, когда на одном конце избирательного округа зеленые плантации, а на другом — все сковано льдом, все бело-бело. На одном похаживают да пощипывают травку черные, медлительные буйволицы, эти теплолюбивейшие из домашних животных, а на другом шустрые, маленькие свинки длинными, как хобот, носами ищут корм под снегом. На одном люди ходят чуть ли не на босу ногу, а на другом передвигаются по горной лыжне. И все это не где-нибудь за тридевять земель друг от друга, а в одном избирательном округе, новом, 707-м, по выборам в Совет Союза, с центром в Зугдиди.

Вряд ли многим известен городок Зугдиди. Ничем особым он до сих пор не выдавался: маленький, чистый, тихий, на улицах пальмы. Сейчас они предусмотрительно укутаны марлей. Правда, в тридцати километрах отсюда искрится теплое Черное море, но посмотришь в другую сторону — кажется, что совсем близко снежные вершины Центрального Кавказа.

Городок стоит на реке Ингури. Несколько слов о ней, поскольку все здесь вокруг нее: занятия людей, жизнь нескольких районов, а теперь и целого избирательного округа.

В верховьях живут сваны. Они рубят и сбрасывают в бурное течение пихту с ольхой, из которой в Зугдиди варят целлюлозу и делают бумагу. На берегах Ингури, в глубоких ущельях, пробитых долгой работой воды, сваны добывают мрамор, знакомый москвичам по некоторым станциям метрополитена. Ниже начинаются плантации чая. Они стелются до самого моря сплошным зеленым ковром. Впрочем, нет, не сплошным. В низовьях много кукурузы, цитрусов, благородного лавра. В соседнем с Зугдидским Хобском районе более полтысячи гектаров под лавром, и скоро специальное промышленное предприятие будет здесь сортировать, подсушивать и расфасовывать миллиарды лавровых листочков. А у самого устья Ингури, в селе Анаклиа, расположились двенадцать ферм буйволоводческого совхоза. Из жирного молока буйволиц в Анаклиа приготовляют сыры.

Вот какая пестрая мозаика на протяжении всего лишь двух сотен километров по движению реки от сванских «хладных скал до пламенной Колхиды»...

Теперь представьте Ингури, пенистую, стремительную, быстро сбегающую по узкой тропе с высоких гор. И вот там, где, казалось бы, нужен последний прыжок, чтоб вырваться из тесных объятий гор, ее встречает преграда. Плотина? Да, но какая? Ее называют арочной, то есть выпуклой по отношению к реке. Это нужно для того, чтобы вода не очень-то пробовала на ней свою силу. Лучше, чтоб она, подойдя к ней, тотчас растекалась по сторонам. А там, по сторонам, горы, в которые упираются концы арки. Горы помогут плотине выдержать любой напор реки.

Высота Ингурской плотины — 300 метров. Эйфелева башня, точь-в-точь!

Что же делается с Ингури? Она

Copyrighted material

Символические похороны ОАГ на Площади революции. Фото получено от кубинского журнала «Трабахо».

МЫ ЗНАЕМ: КУБА НЕ ОДИНОКА

Энрике **ПИНЕДА БАРНЕТ**, кубинский поэт

В воскресенье 4 февраля ослепительное солнце расцветило яркими красками Гавану и многочисленные колонны демонстрантов. Над людским морем, заполнившим улицы нашей столицы, парусами плыли флаги и плакаты. На них слова: «Родина или смерть!».

Мужчины, женщины, старики, дети, приехавшие из всех провинций, шли по широким проспектам, ведущим к огромной Площади революции.

Голоса крестьян, рабочих, студентов сливались в один, когда они пели в ритме народной «Конги» или в эпическом ритме революционного гимна: «Народы да, ОАГ нет».

А там, на площади, огромная статуя Марти, казалось, улыбалась делегациям братских народов; и солнце одинаково ласкало венесуэльского студента и аргентинского рабочего, уругвайского поэта, перуанского крестьянина — представителей всей Латинской Америки, представителей всех социалистических стран, братьев со всего мира.

Стихли на некоторое время возгласы:

«Да здравствует Вторая Генеральная национальная ассамблея кубинского народа!», «Да здравствует марксизм-ленинизм!»

Голос президента Дортикоса поднялся над раскаленным вечером:

«Мы сказали в ОАГ, и всему кубинскому народу следует повторить это сегодня, что наша страна, наш народ имеют суверенное право избирать социализм для достижения лучезарного и счастливого будущего... Куба — социалистическая страна, и она останется ею!»

Потом было зачитано послание Никиты Хрущева Второй Генеральной национальной ассамблее народа Кубы и премьер-министру Фиделю Кастро. Звучат последние слова послания: «Да здравствует нерушимая дружба народов Кубы и Советского Союза, способствующая укреплению мира и дружбы между всеми народами!» Огромное множество людей взрывается возгласами радости и волнения: «Фидель, Хрущев — мы с вами обоими!» И бесконечно продолжаются аплодисменты... Люди как будто хотят, чтобы их услышали за океаном дорогие советские братья.

Делегаты латиноамериканских стран, одетые в национальные костюмы, тоже поднимают в воздух свои флаги: Аргентина, Венесуэла, Колумбия, Никарагуа, Гватемала, Доминиканская республика, Панама...

Вдали, среди огромной массы людей, появляются черные гробы с надписями «ОАГ». Народ символически хоронит организацию, попытавшуюся его осудить. Как будто кучка людей, продавшихся за тридцать сребреников, может осудить волю народов!

На трибуне, перед гигантской статуей Марти, с взволнованной речью выступил Фидель. Это нельзя описать словами. Весь народ на ногах, час за часом внимательно слушал каждое слово Декларации. Вместе с ним братские делегации. Присутствует Латинская Америка! Европа! Азия! Присутствуют социалистические страны! И взволнованный голос гимном заставлял звучать то, что всегда будет историческим документом, хартией свободы всей Латинской Америки.

Декларация была поставлена на голосование. Все собравшиеся: кубинский народ, а с ним делегации дружественных народов — подняли не одну, а обе руки и спели кубинский национальный гимн.

Сердца и голоса множества людей слились воедино: они требовали продолжать, продолжать Великую Ассамблею. На трибунах делегации зарубежных друзей встали, чтобы приветствовать Кубу и ее народ. Повсюду — на площади и на трибунах — на разных языках зазвучали слова «Интернационала».

Мальчик, сидевший на плечах своего отца, вдруг показал на группу делегаций латиноамериканских стран и спросил у отца:

— Папочка... они хорошие?

Отец ответил ему:

— Да, сынок, все народы хорошие.

Мальчик снова спросил:

— А почему они аплодируют?

И отец продолжал свой ответ, но на этот раз к его горлу подкатился комок, и голос его дрожал от волнения:

— Это мы просто обнимаемся на расстоянии.

Да, мы обнимались в этой нескончаемой овации. Ладони покраснели, и глаза увлажнились. В наших сердцах была уверенность: КУБА НЕ ОДИНОКА!

Сейчас, несколькими днями позже этого волнующего собрания, я нахожусь в Москве, и в моей памяти снова и снова появляются незабываемые образы — ликование народа на площади, непоколебимый лозунг: «Жить для Родины или умереть за нее!».

Москва покрыта снегом, необычным для нас, привыкших к солнцу и пальмам. Но сегодня утром газеты принесли нам тепло, тепло дружбы.

Заявление Советского правительства всему миру о своей прочной и нерушимой солидарности с кубинским народом взволновало нас. На наших часах мы сохраняем кубинское время, и мы знаем, что в эти мгновения наш народ также охвачен волнением и выражает свою благодарность советскому народу возгласами, улыбками и слезами радости.

Североамериканские империалисты смогли в Пунта-дель-Эсте купить министров иностранных дел, но не смогли купить народы. Они попытались изолировать и запугать Кубу. Но слово «Куба» заставляет сильнее биться сердца всей Латинской Америки, всех благородных людей мира.

КУБА НЕ ОДИНОКА. Кубинский народ знает это. И кубинский народ протягивает дружескую руку и дарит свою улыбку — улыбку волнения и благодарности — народам мира, советскому народу и его правительству.

Кубинский народ уверен, что светлым будущим земли явится нерушимый союз всех народов, борющихся за мир и социализм. Куба не подведет! Мы победим!

Москва, 19 февраля.

образует горное «море», а главное, устремляется в чрево хребта в деривационный тоннель. Сечение этого тоннеля — 11 метров. Иначе говоря, сюда может «въехать» трехэтажный дом.

Шестнадцать километров идет Ингури под землей и вдруг падает вниз. Куда? На турбины, разумеется. Думаете, она уже вышла на свет? Ничуть. Турбины тоже стоят под землей. Вся станция глубоко под землей. К ней нет никаких подходов, кроме вертикальной шахты. Невидимая, неслышимая, входит и выходит от нее Ингури. Но вот, кажется, и все: небо, солнце сияет, горы родные... Горы... Значит, еще есть сила у воды! Снова падение вниз. Турбины. И еще раз. Две наземные перепадные ГЭС, после чего отводной канал и море.

Все это будет.

Короткая и сравнительно немноговодная Ингури даст 1 миллион 630 тысяч киловатт энергии. Это больше, чем все станции, ныне работающие в Закавказье. Это около трех Иркутских ГЭС, это четыре Новосибирских ГЭС.

Начальник строительства знакомит нас с главным инженером Нодари Дмитриевичем Эмухвари, приехавшим сюда со стройки Храмгэс № 2. Едем с ним на объекты. Нодари Дмитриевич просит, если придется говорить о нем, не называть его молодым. Охотно исполняем его просьбу.

Впереди горы. Издали они похожи на макет из папье-маше. И все (не без помощи наших спутников!) отчетливо рисуется в воображении. Вот в этом ущелье справа станет плотина. В глубине этой горы, похожей на трапецию, пройдет тоннель. Где-то, не доходя до другого склона, в земле будет проложен напорный трубопровод и «вырыто» громадное здание подземной ГЭС.

Пока мы едем низом, по трассе будущей железнодорожной ветки, «макет» куда-то исчезает. Минуя висячий мост, который тут называется «воротами Сванетии», начинаем восхождение по каменистому, крутому пути. Здесь кипит работа: бригады дорожников расширяют трассу, бульдозеры, кажется, вот-вот повиснут над отвесными скалами. Мы вынуждены то и дело останавливаться: либо проходить трудный участок пешком, либо дожидаться разрешительного сигнала взрывников.

Дорога приводит к месту будущего котлована. Вот здесь, между этими высокими горами, станет ингурская великанша. Нодари Дмитриевич показывает на едва различимый снизу белый флажок — отметка верхнего гребня плотины. На противоположном берегу копошатся редкие человеческие фигурки. То там, то здесь виднеются так называемые «печи» — пещерки для взрывных работ. Экспедиции разведчиков еще и еще раз «прощупывают» характер горных склонов. Ведь их придется порядком обработать. Чувствуют ли они, как бесцеремонно собираются с ними обойтись? Подозревает ли что-нибудь вольная Ингури? Сейчас, зимой, она выглядит довольно послушной и присмиревшей, точно готовится к первому своему испытанию — прогону через обводной тоннель. Это нужно для того, чтобы освободить дно будущего котлована.

Тоннель уже строится. Входим отдохнуть от сквозного, пронизывающего ветра и сразу же встречаемся с четверкой молодых (теперь уже можно так сказать!) сменных мастеров. Женя Маевский, Важа Микава, Зураб Гвентадзе и Гизо Шерозия только что окончили институт. Это их первое дело в жизни. Правда, жизнь в ущелье, на отшибе, трудновата. И камни с потревоженных склонов порой прямо залетают в окно. Но настоящие инженеры рождаются не на проспекте Руставели.

К самой реке притулился поселок плотиностроителей: дома-вагончики, мехмастерская, бензозаправочная, баня. Строится лаборатория для исследования бетона. На верхней площадке будет большой бетонный завод. Плотине понадобится не менее трех миллионов кубометров бетона.

Начальник всего этого хозяйства Гизи Кучухидзе строил Ладжанурскую ГЭС. Семь лет жил в одном ущелье, семь лет будет жить в другом. А ведь на Ингури со временем появится еще одна ГЭС, выше по реке, в районе сванского села Тобари. И более мощная, чем эта. Вот когда вся Верхняя Сванетия, страна вековых башен, засияет тысячами сказочных огней!

Знакомимся со сваном Павлом Гиргвлиани. Он спустился со своих высоченных гор для того, чтобы войти в эти горы, в самую их сердцевину. Павел — проходчик.

К вечеру спускаемся в основной поселок ингурцев. Вот где идет страшная гонка — строится жилье, крупноблочные восемнадцатиквартирные дома. С десяток домов уже почти подведены под крышу; а нужен не десяток — много десятков! Нервничает начальник участка Володя Чарбадзе: не хватает транспорта, чтоб подво-

Copyrighted material

У МИРА ЕСТЬ ВЫБОР— МИР

Жители японского города Фукуока — самого большого города на острове Кюсю — не знают покоя. Всего лишь в двух километрах от центра его расположена американская военно-воздушная база. На головы горожан уже не раз падали бомбы с американских самолетов, совершавших учебные бомбардировки. Недавно самолет, потерявший управление в воздухе, рухнул на район жилых домов. Трое было убито, пять человек ранено. Пилот-американец остался жив — он выпрыгнул с парашютом.

На снимке, который напечатан здесь, вы видите, как жители города Фукуока ставят подписи под требованием наказать американских военных.

Базы США, которые даже в мирное время становятся источником смерти, во время войны могут принести неисчислимые беды народам, на территориях которых они расположены. Все отчетливее представляют люди, какую опасность несут с собой военные приготовления.

Сейчас мир живет новой надеждой: в Женеве 14 марта должен начать работу Комитет по разоружению 18 стран. Повсюду на земле знают о предложении Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева, чтобы начало работы Комитета восемнадцати было положено главами правительств или государств. Газеты всего мира комментируют это послание, и нередко даже те из них, которые обычно встречают в штыки всякую советскую инициативу, требуют принятия советского предложения. В поддержку его выступили социалистические страны, ряд нейтралистских государств.

А США — страна, где гонка вооружений стала основой политики? А союзники США — Англия и Франция? Неужели так и не дойдет до них голос разума, требование всех народов мира?

Гонкой вооружений, которую ведет Запад, созданы в самых разных точках земного шара такие пороховые погреба, которые в случае военной искры станут источником страшных катастроф. И в то время, когда руководители США и Англии отказываются принять советское предложение, на Западе в костер военных приготовлений подбрасывают побольше топлива. Министр обороны США Р. Макнамара потребовал, чтобы на создание ядерного потенциала США было дополнительно израсходовано еще четыре миллиарда долларов.

Народы не хотят оставлять судьбы мира на усмотрение тех, кто не желает думать, как предотвратить военную угрозу. Вот маленькая иллюстрация на эту тему. Премьер-министр Англии Макмиллан недавно посетил Оксфордский университет. С трудом пробрался он через толпу студентов, которые требовали, чтобы премьер-министр Англии отказался от планов проведения испытаний атомного оружия. Судя по выражению лица английского премьера, эту встречу со студентами нельзя было назвать приятной...

«Пусть главы правительств сядут за стол переговоров о разоружении!» — эти слова все громче и громче звучат сегодня. История дает новую возможность, чтобы сдвинуть дело разоружения с мертвой точки. Мир не должен быть поставлен на грань катастрофы. У него есть выбор: мир!

Весна в Праге.

НАРОД ИЗБРАЛ ВЕРНЫЙ ПУТЬ

«Очень кстати», — сказал о правительственном кризисе, вызванном министрами-реакционерами в Чехословакии в феврале 1948 года, прилетевший тогда в Прагу американский посол. Этот кризис казался «кстати» тем, кто рассчитывал нанести удар в самое сердце республики, свергнув народно-демократическое правительство, повернуть историю страны вспять, возродить в Чехословакии капитализм. Но народ решительно осудил действия реакции. Это убедительно показал многотысячный митинг, который состоялся 21 февраля на Староместской площади в Праге.

События последующих дней привели к полному разгрому заговора контрреволюционной буржуазии Чехословакии. Народ единодушно поддержал коммунистическую партию, выдвинувшую программу дальнейшей демократизации, быстрого и самостоятельного развития страны.

В феврале 1948 года окончательно был решен вопрос о дальнейшем пути Чехословакии. Путь, по которому пошла республика после февральской победы, привел страну к расцвету экономики, техники и культуры. Чехословакия стала Чехословацкой Социалистической Республикой.

Мартены и автомобили, новые жилые кварталы и образцовые госхозы, гидростанции и детские сады — все это за короткое время построил и создал народ под руководством своей Коммунистической партии. Успехами братской Чехословакии гордятся все ее друзья из лагеря мира и социализма.

зить блоки на высокое плато, не хватает кранов. Володя кипит, как молодое вино. Кстати, он родом из села Хванчкара...

Главный инженер настойчиво приглашает нас в поселковую пекарню.

— Вы и не представляете, какое сегодня у нас замечательное событие: поселок получил первый «свой» хлеб! Помню, на участке в Храмгэсе сколько мы мучались с хлебом: то доставят поздно, то не доставят вовсе, и нам самим приходилось таскать мешки с хлебом в гору. А теперь научились начинать строительство с жилых домов, школ, пекарен, столовых...

После уплотненного рабочего дня дружно общипываем белую теплую булку, отданную нам на растерзание пекарем Бидзиной Гобеджишвили.

...И вот снова управление Ингуригэсстроя. В отделе кадров толпятся будущие проходчики, бетонщики, каменщики, штукатуры. Все они будут голосовать в Зугдидском избирательном округе № 707. Получено сообщение, что из Братской ГЭС отгружен шагающий экскаватор «ЭШ-4-40», который следует на 27 платформах. И с ним «братские» люди, механизаторы.

Теперь они станут ингурскими...

Семен КИРСАНОВ

Стрела

Пока наш самолет
летит на грани звука,
внизу
«Стрела»
ползет
так медленно, что мука.
Похоже, так вот полз
на лошадях
Радищев
через ухабы сел
проселком в городище.

Ползет «Стрела» среди
лошадок и коровок
и тащит
позади
хвост спичечных коробок.

А наш гигант спешит
к свиданью от разлуки,
и тень его
лежит
в траве, раскинув руки.

Вот так и Гулливер
дивился,
лежа в путах,
на ползшие в траве
кареты лилипутов.

Что лес?
Он мурава
с потертостью лужаек.
Что конь?
Он с муравья,
чуть движется и жалок.

Но эти рельсы, с нить,
и этот тополь, с колос,
не могут объяснить,
где медленность,
где скорость.

На звездный небосвод
ракету шлет
наука,
и самолет ползет
так медленно, что мука.

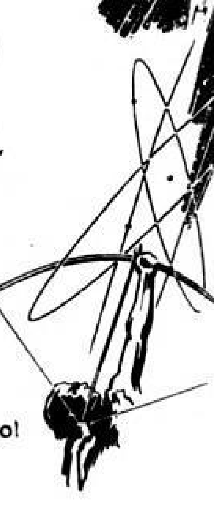
Нам кажется: старо
его винтов
круженье,
так тянет вниз ядро
земного притяженья!

А в Дубне — вихрь частиц,
на зависть всем ракетам,
несется,
чтоб настичь
другую скорость — света!

И все ж во сколько раз
мы быстроту ни мерим —
я славлю
узкий глаз
меж тетивой и зверем!

Я горд тобой,
дикарь,
у камня под скалою,
открывший
у древка
способность быть стрелою!

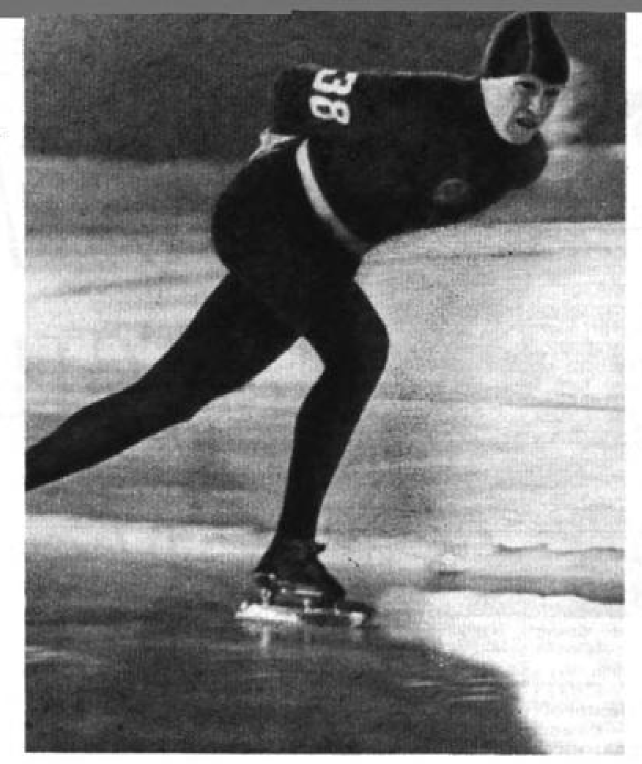
Натянут лук — лети,
торчи в лопатках барса,
стрела,—
ты часть пути
от нас — и дальше Марса!

Copyrighted material

Парад участников. Двадцать стран мира прислали своих сильнейших скороходов в Москву.

На дистанции Виктор Косичкин.

ЛЕД, КОНЬКИ И МЕ

Мне хочется начать этот коротний рассказ о большом спортивном событии зимы с одного, казалось бы, малопримечательного эпизода. Когда на стадионе имени В. И. Ленина в Москве светлый голос фанфар возвестил об открытии мирового чемпионата, когда на ледяной дорожке показались быстрейшие конькобежцы двадцати стран мира, был на этом льду один русский мальчишка, наверняка самый взволнованный и счастливый из всех мальчишек Москвы.

Вряд ли кто его приметил. Он просто нес, легко скользя на настоящих «бегунках», дощечку с надписью: «СССР». Длинноногий подросток в вязаной шапочке, он вел за собой Виктора Косичкина, Евгения Гришина, Бориса Стенина, Роберта Меркулова, Валерия Котова. Он знал, что не ему, конечно, адресован сейчас могучий вал приветствий громадного стадиона. Но все равно он был тут, в самом центре события, и алое полотнище родного флага, раздуваемое ветром, ласково касалось порой его разгоряченного лица.

— Это мой парень! — послышалось рядом на трибуне.— В тринадцать лет пятисотку ходит за сорок семь!..

Это было сказано с удивлением и, разумеется, не без гордости. Я обернулся и увидел Игоря Ипполитова, заслуженного мастера, еще недавно одного из сильнейших скороходов страны. И почему-то подумалось, что просто не может проиграть в этом чемпионате наш! Под западной трибуной, там, где гудел разноязыкий говор корреспондентов и осторожно проходили на коньках на парад спортсмены четырех континентов, я видел портреты чемпионов мира прошлых лет. Были среди них увешанные медалями Николай Струнников и Яков Мельников, были деды паренька Василий и Платон Ипполитовы — зачинатели наших успехов на ледяной дорожке. Были там Олег Гончаренко, Борис Шилков, Борис Стенин... Неужели второй в истории московский чемпионат конькобежцев, самый крупный, завершится чужим успехом? Спорт есть спорт, конечно, и никогда еще не встречалось на льду столько первоклассных, закаленных и стремительных мастеров. Мы, москвичи, радушно, разумеется, приветствовали бы любого победителя. Но все-таки, случись не наша победа, здорово были бы огорчены и садоводы Никитского сада в Крыму, приславшие для венка чемпиона ветви лавра, и паренек с дощечкой «СССР», и все мы...

Вы помните, начало было превосходным. Какой восторженный рев стоял на стадионе, когда неувядаемый и непревзойденный Евгений Гришин промчал свою коронную пятисотметровку за 41,7.

— Замечательный Женя спортсмен,— сказал в раздевалке Борис Стенин.— Поди попробуй теперь достань его!..

Прошло несколько забегов, и старт принял Виктор Косичкин. Многим, наверное, трудно было представить себе, какое значение имела эта первая дистанция для лучшего нашего стайера. Само время как бы подстерегало его: каждая промедленная доля секунды вырастала здесь в длинный ряд секунд, которые пришлось бы потом наверстывать. Конечно, потому так горячо поздравляли конькобежца друзья, когда он показал хорошее спринтерское время — 43,6. Виктор отмахивался: «Что вы! Еще сколько ехать!..» Но сам был доволен, заметно доволен...

И вдруг новая задача, да еще какая! Швед Ивар Нильссон внушительно напоминает, что соперничество только начинается. Он стремительно мчится сквозь снег и ветер, круг за кругом, будто и не знает усталости. В ложе прессы ветеран-конькобежец Владимир Прошин в изумлении смотрит на секундомер: «5 000 метров за 8.03,2 секунды! Быть не может по такой погоде!.. Что же делать всем остальным?..»

А ведь есть еще Кнут Юханнесен, Хенк ван дер Грифт, молодой Пол Энок из Канады, Йонни Нильссон... Что сделают они? Что бы ни сделали, лучшему советскому стайеру надо, необходимо отдать все силы, все умение, мужество, чтобы первый день чемпионата остался за ним. 8.04,9 — это хорошо, здорово. Но хватит ли для лидерства?.. Почти до полуночи идут забеги, почти до полуночи напряженно думает, ждет Виктор Косичкин: «Хватит ли?..»

Хватило! Два друга стали рядом в таблице многоборья после первого дня. Оба наши — Виктор Косичкин, Борис Стенин. Но впереди еще и еще борьба!..

Были минуты, когда казалось, что лавровый венок чемпиона может оставить Москву. Великолепно пробежал ван дер Грифт спринтерскую дистанцию в полтора километра, уступив только Борису Стенину. Четыре секунды проиграл ему на этой дистанции наш Виктор — много, слишком много... Что скрывать, тренер москвича Константин Кудрявцев тоже немало озабочен: четырнадцать секунд должен отыграть его воспитанник у ван дер Грифта в десятикилометровой гонке. Удастся ли?.. Бо-

Большой успех завоевали в чемпионате спортсмены из Китая Ван Цзинь-юй и Ло Чжи-хуань. По сумме четырех дистанций они заняли пятое и шестое места. На старте: Ван Цзинь-юй (справа) и Герд Циммерман (ФРГ).

Быстрее всех пробежал 5 тысяч метров Ивар Нильссон, призер чемпионата в Москве.

Немало волнений испытал в эти дни тренер нового чемпиона Константин Кудрявцев.

Быстрейшим в беге на полуторакилометровую дистанцию был Борис Стенин.

Пришла трудная победа!.. →

ДАЛИ

рис Стенин идет пока впереди, но стайерская дистанция не его «специальность», да и устал он очень...

Как все мы кричали «Вик-тор! Вик-тор!..», когда на труднейшей, последней дистанции мирового чемпионата шел напряженнейший поединок Косичкина с девятнадцатилетним шведом Йонни Нильссоном! Нам хотелось вложить в каждый размашистый, скользящий шаг земляка и свои силы. Нильсон бежал быстрее. Как же, наверное, трудно было Косичкину удержаться, не рвануться обогнать. Но железный расчет сил требовал выдержки. Да, стремительным должен быть темп, но рваться, рискуя, он не имеет права!..

Пришла большая победа. Лавровый венок чемпиона мира 1962 года, как того и хотели садоводы Крыма, как хотели все мы, увенчал москвича Виктора Косичкина, студента, нашего земляка.

Победил советский спорт, а значит, те, кто некогда открывал ему дорогу в большой спортивный мир, и те мальчишки, которые несли сегодня на параде дощечки с названием стран, и страшно волновались потом на трибунах, и страшно ликовали, встречая почетный круг чемпиона факелами из старых газет и восторженными криками.

Чемпионка мира Инга Воронина.

Поздним вечером по радио передавались, как всегда, последние известия. Среди новостей минувшего дня, среди трудовых побед народа хорошей, светлой вестью прозвучала наша двойная победа в спорте: на льду в Москве и в финском городке Иматре. Здесь три наши спортсменки — Инга Воронина, Лидия Скобликова, Алевтина Тузова — завоевали три высших места в чемпионате мира для женщин!

М. АЛЕКСАНДРОВ

Фото Л. Бородулина и А. Бочинина.

Горячо поздравили друзья Йонни Нильссона, победителя в беге на десять километров.

На пьедестале почета лучшие спринтеры мира: Б. Стенин, Е. Гришин, экс-чемпион мира ван дер Грифт.

Copyrighted material

Крупнейший знаток охотничьих ружей — ведущий конструктор Михаил Иванович Скворцов.

ТУЛЬСКИ

О. КНОРРИНГ

Фото автора.

Передо мной обыкновенная винтовка. Знаменитая русская «трехлинейка» образца 1891 года. Сколько воспоминаний связано с ней у людей старшего поколения!

Нет мужчины, перевалившего за тридцать лет, который не взволновался бы, увидев самую старейшую в семье «трехлинеек» винтовку — № 00001. Ведь почти каждому из них в жизни приходилось держать в своих руках одну из ее сестер, но уже с номером, состоящим из длинного ряда цифр. Много послужила «трехлинейка» своей родине. С ней шли на войну с Японией солдаты в 1905 году, с ней они сидели в окопах первой мировой войны. Из нее стреляли революционеры, штурмовавшие Зимний. С ней ходили на Врангеля и Колчака. Она состязалась с винчестерами интервентов. Верную службу сослужила она и в Великой Отечественной войне. Нет, до конца жизни мы не забудем своей «трехлинейки» — верной спутницы грозных военных лет.

* * *

Много потрудились оружейники Тулы для своей родины. Еще в XV веке вооружали они русских ратников, преграждавших путь на Москву татарским ордам.

Производство Тулы развивалось. Ведь ее окрестности богаты железной рудой и лесом, а это то, что нужно оружейникам. Русское правительство поддерживало здешние «железные промыслы». Специальными указами кузнецам даны были особые привилегии с тем, чтобы они делали оружие для казны.

В середине XVII века здесь уже вовсю плавили чугун. А четыре домны слыли по тому времени самыми высокими в мире. При Петре I оружейное дело развернулось еще больше. Предприимчивому Никите Демидову было дозволено строить на реке Тулице чугуноплавильный завод. Остатки плотины его сохранились до сих пор.

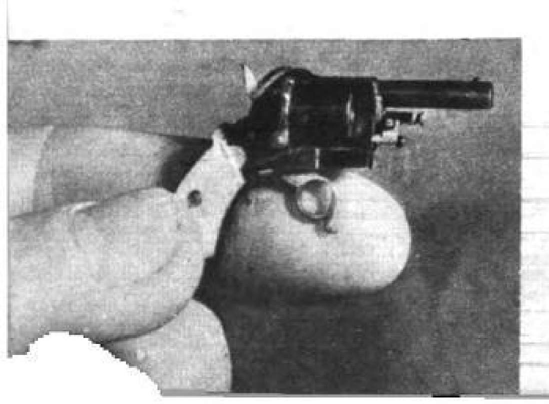
А в 1712 году был построен первый казенный оружейный завод. Вот ему-то и исполнилось в этом году 250 лет. Строили этот завод русские мастера М. Красильников и С. Шелашников. Красильников же построил тогда вододействующие станки для сверления стволов ружей, а вскоре после него Яков Батищев сконструировал первый в мире агрегатный станок, на котором можно было одновременно обрабатывать несколько разных деталей. Это уже был переворот в технике оружейного дела.

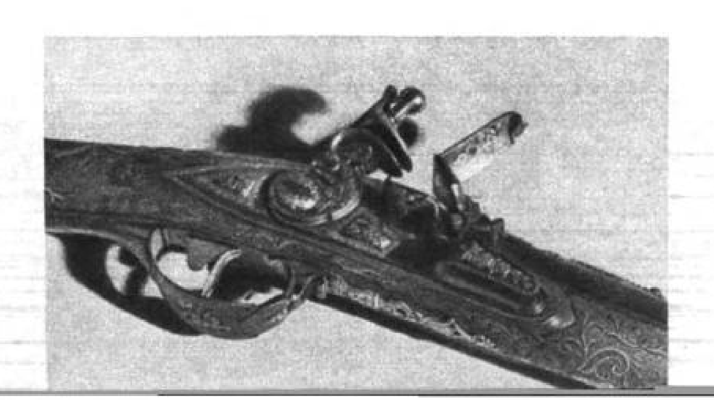
Селились мастера гнездами. Улицы Курковая, Замковая, Штыковая, Литейная сохранились в городе и поныне.

Шестьсот тысяч ружей сделали туляки для русской армии, разгромившей полчища Наполеона. Ружья их работы совершили путь от Москвы до Парижа.

Тульский оружейный завод всегда славился своими мастерами. Именно здесь выдающимся изобретателем С. Мосиным была создана знаменитая «трехлинейка». Здесь работали конструкторы Ф. Токарев, В. Дегтярев, И. Михалев, Д. Пинаев.

Далеко за пределами завода известны мастера-умельцы — потомки тех, кто, по преданию, подковал «аглицкую блоху». Нынешние мастера не уступят им в искусстве. Современный «левша» М. И.

Д. А. Сергеев. В его бригаде коммунистического труда перешли на новую систему зарплаты. Общий заработок бригады поровну делится между ее членами.

Е УМЕЛЬЦЫ

Почукаев на стекле площадью в 3,45 квадратных сантиметра выгравировал Герб и Гимн Советского Союза — 614 знаков. И если работу Левши можно было разглядеть только в самый «мелкий мелкоскоп», то и буквы Почукаева прочтешь, только вооружившись десятикратной лупой.

В 1923 году туляки подарили Владимиру Ильичу Ленину охотничье ружье. Оно хранится в Москве, в Музее Ленина. Это настоящее произведение искусства. Посылая его, оружейники писали: «...Пусть это ружье, до последнего винтика выкованное любящими руками, в самые ближайшие дни будет в твоих руках брать прицел так же точно, как за всю свою жизнь ты брал на мушку всех врагов пролетариата».

1941 год. Немцы подошли к Туле. Нет, не отдали оружейники врагу своего города. Грудью встали они на его защиту, преградив путь неприятелю, рвущемуся к Москве. И пока их рабочий полк отражал на окраинах атаки гитлеровцев, оставшиеся на заводе спешно эвакуировали его оборудование на восток. И там в немыслимо короткий срок возобновили производство оружия. А в опустевших заводских корпусах на станках, собранных буквально со свалок, умудрялись делать какое-то оружие и даже минометы для своего полка.

...Последний выстрел. Анатолий Богданов устало опустил винтовку. Судьи объявляют результат. И вот он уже стоит на верхней ступени пьедестала почета. Его поздравляют, жмут ему руки, а над его головой развевается знамя Советского Союза. Это было в 1952 году на XV Всемирной олимпиаде в Хельсинки. Молодой, никому не известный спортсмен, стреляя из винтовки тульского Оружейного завода, завоевал первое место и золотую медаль олимпиады!

Слава советских стрелков росла. Одновременно росла и слава тульских оружейников, изготовивших для них винтовки «МЦ-13», «МЦ-12» и ружья «МЦ-8». Перейдя на производство спортивного оружия, тульские мастера не ударили в грязь лицом и поддержали честь родного города.

Времена изменились. Рабочим теперь приходится управлять машиной, подчас очень сложной. Нужно делать расчеты, читать чертежи. И у станков появились люди, окончившие десятилетку. А старых мастеров-практиков заменили инженеры — их дети, получившие высшее образование.

Тула славна теперь не только оружием. Тульские комбайны, мотороллеры, швейные и стиральные машины, самовары и баяны пользуются признанием покупателей в Советском Союзе и за границей.

На снимках внизу:

Миниатюрный действующий револьвер.

Кремневое ружье с гравировкой.

Орнамент украшает ложе винтовки.

Для нарезки ствола винтовок, тех, из которых стреляют наши чемпионы, изготовляется уникальный инструмент «шпалер». Это точнейшая ручная работа. Старые мастера С. В. Елисеев и А. С. Румянцев не делают из этого «секрета» и обучают тонкому делу ученика Володю Ульянова.

Руководитель бригады коммунистического труда В. В. Кузьмин (справа). Его бригада выполнила свою семилетку за три года и три месяца.

Вечером в читальном зале заводского клуба.

Copyrighted material

Голубые нивы

В. МОВЧАН,
член-корреспондент Академии наук УССР

Очень часто в столовых не только районных, но и областных городов трудно получить рыбное блюдо — карпа, линя, судака, форели. В лучшем случае вам предложат треску, выловленную где-нибудь в Баренцовом море и завезенную сюда только потому, что местные руководители не замечают собственных ресурсов. А ведь они, эти ресурсы, рядом. Почти в каждой области есть свой водоем, да не один, пусть не море, разумеется, даже не большая река, а речки районного масштаба, озера или, наконец, пруды.

Если с любовью «возделать» все — большие и малые — голубые нивы, то самые разнообразные рыбные блюда пополнят наше каждодневное меню. Зеркальный карп, радужная форель, стерлядь, лососевые, выращенные в прудах,— это же превосходное блюдо.

А водоплавающая птица? Ведь каждый гектар голубой целины можно превратить в птичье царство.

Наша страна обладает неисчислимыми природными и искусственными водоемами, они составляют наше национальное богатство. Чудесные реки, озера, пруды и вновь созданные моря таят щедрые дары. Но богатства голубой целины во многих районах лежат нетронутым кладом природы.

Возьмите долины и балки по руслам малых рек. У хороших хозяев глубокие балки давно залиты водой и превратились в озера. А по берегам их раскинулись перелески, а то и сады, виноградники.

Огромные богатства могла бы давать пойма небольшой речки Стугны, той самой Стугны, которая воспета в «Слове о полку Игореве». Живописны ее берега. Небольшая эта речка несет свои воды среди дубрав и привольных лугов Фастовского, Васильковского и Обуховского районов Киевской области.

В селах Малая и Большая Султановка на этой речушке сооружена сотня больших и малых прудов. В колхозе «Родина» создан свой рыбопитомник. Вода здесь такая синяя, что кажется, это небо опрокинуто. В зеркальной глади прудов отражаются вербы, плакучие ивы, яблони.

Когда-то здесь была организована научно-исследовательская станция рыбоводства. Но вот уже несколько лет, как станция ликвидирована. Оскудели пруды, перевелись карпы. А между тем в свое время в одном из самых больших прудов было выращено по двенадцать центнеров карпа на каждом гектаре водного зеркала, а в селекционных прудах и рыбопитомнике выращивались племенные карпы. Повсюду шла слава о султановских племенных карпах.

На этой же речушке в селе Здоровка раскинулось прудовое хозяйство совхоза «Кожуховский». Здесь только взялись за рыбоводство и уже убедились, какой огромный эффект оно дает. В прошлом году с каждого гектара получено по одиннадцать центнеров карпа.

Стугна пересекает старинный город Васильков. Украшает город и обширный пруд, но он... пуст, так как рыбу здесь отравляют сточные воды кожевенного завода.

Есть в Фастовском районе село Ставки, но прудов в нем нет. Сейчас нет, а ведь они были, о чем свидетельствует и само название: «ставки» значит пруды. И в них выращивали рыбу и водоплавающую птицу...

Но дело не только в рыбе. Густая сеть водоемов в сочетании с полезащитными полосами, садами и рощами увлажняет климат края, способствуя повышению урожайности зерновых и огородных культур.

Возьмем, к примеру, степную зону Украины.

В Донецкой степи, на выжженной солнцем земле, разлегся Велико-Анадольский лесной массив с двумя прудами. А в Каменной степи, Воронежской области, целый каскад прудов. Эти оазисы созданы выдающимся русским ученым В. В. Докучаевым, они являются «магазинами влаги» в Каменной степи. Не случайно на землях, прилегающих к ним, обычно урожай выше, чем в соседних безводных и безлесных местах.

Еще недавно бесполезными были сухие балки Красная Долина и Маячики в безводной степи Донбасса. Но советские люди преобразовали этот когда-то ничем не примечательный уголок донецкой земли. Нынче степные пруды протянулись здесь на много километров. Спокойная гладь их сверкает под лучами солнца. Воздух напоен тонким, нежным ароматом. Эту долину теперь можно назвать долиной изобилия. Здесь организовано рыбоводное хозяйство площадью в семьсот пятьдесят гектаров. Изобилие рыбы и водоплавающей птицы создали энтузиасты-рыбоводы и зоотехники-птицеводы!

А какие сокровища таят яготинские пруды на Киевщине! На малой речке Супой у древнего украинского города Яготина сооружены два пруда — Большой и Малый Супой общей площадью более тысячи восьмисот гектаров,— и это на месте непроходимых болот!

Но не только рыбой и дикой птицей славится яготинский Супой: здесь серьезно начали заниматься и разведением домашних уток. До двухсот тысяч уток ежегодно выращивают на этих прудах! И все же возможности яготинских прудов далеко не исчерпаны. Яготинцы учли свои резервы и планируют вырастить миллион уток.

Это все хорошие примеры. Между тем берега многих прудов обваливаются, вода просачивается в трещины плотин, образуя болота, поросшие кислой травой. В таких прудах обитает только захудалый карась. Растеряны кадры рыбоводов, а новых не готовят. Центральные, областные и районные организации выносят много решений о развитии прудового рыбоводства, но, как известно, из директив ухи не сваришь. Никто не требует от колхозов и совхозов, чтобы они заселяли зеркальным карпом все пруды. А потребовать надо! Раз есть в колхозе или совхозе пруд, в нем должна быть и рыба.

А сколько разрушенных прудов в Воронежской, Саратовской, Волгоградской, Тамбовской областях! Все колхозы Кировоградской области выращивают меньше, чем один колхоз имени Котовского, Ульяновского района, той же области. А разве нельзя повысить рыбопродуктивность ильменей средней части дельты Волги, пойменных озер Днепра и других рек, выращивая в них сазана и культурного карпа! Ведь каждый гектар водного зеркала пруда может дать две и даже три тысячи рублей дохода.

Если использовать под строительство прудов хотя бы пять процентов так называемых непригодных для земледелия угодий из числа балок и оврагов, болот и заболоченных сенокосов, то голубые нивы заняли бы не менее миллиона гектаров! На этой площади можно выращивать до пяти миллионов центнеров карпа. А сейчас эти земли лежат без пользы... Ежегодно вешними и ливневыми водами смывается и уносится без всякой пользы наиболее плодородный слой пахотной земли. Образуются новые овраги, заболачиваются низины...

Надо всюду взяться за освоение голубой нивы, как это сделали в Донбассе. Колхозы и совхозы Донецкой области только на побережье Азовского моря вырастили свыше трех миллионов уток. В дельтах Дуная, Днепра гнездится множество дикой птицы. Почему же там не разводить и домашних гусей и уток?

Народ вправе спросить у нерадивых хозяев: почему у вас пруды наполнены только водой, а не кишат рыбой и водоплавающей птицей?..

АМЕРИКАНСКИЙ КОСМОНАВТ

В течение последних недель телеграфные агентства США несколько раз передавали с мыса Канаверал сообщения о том, что запуск ракетной системы «Меркурий — Атлас — 6», в головной части которой расположена кабина космонавта, откладывается. Несколько раз подполковник морской пехоты Джон Гленн надевал скафандр и поднимался в кабину космического корабля «Френдшип-7». Но полет снова и снова отменялся.

Наконец, 20 февраля, в 9 часов 47 минут по местному времени, ракетная система стартовала с испытательного полигона. Совершив три оборота вокруг Земли, космический корабль «Френдшип-7» приводнился в Атлантическом океане.

Американский космонавт Джон Гленн в кругу семьи. Слева — сын Дэвид и жена Анна, справа — дочь Кэролин.

Фото Юнайтед Пресс Интернейшнл.

СТАРОЖИЛ

Лет семь назад его называли новоселом. Борис Гаврик приехал в «Ленинский», когда степь, все еще холодная, но уже раскисшая под апрельским солнцем, не была пашней. Она лежала безбрежная, тихая, убеленная сединами ковыля... И вот пришли они, добровольцы, посланцы партии, которые отныне и радио, и газеты, и диктор кино называли новоселами, целинниками. С десятками тысяч был и он, комсомолец Борис Гаврик.

Он приехал в «Ленинский» шофером. А потом, когда стало трудно на пахоте, взялся за рычаги трактора. А потом, когда стало трудно на жатве, стал за штурвал комбайна.

Сейчас Борис Гаврик зажил своим домом, обзавелся семьей. Он уже старожил.

На снимке: Борис Гаврик, механизатор совхоза «Ленинский», Северо-Казахстанской области.

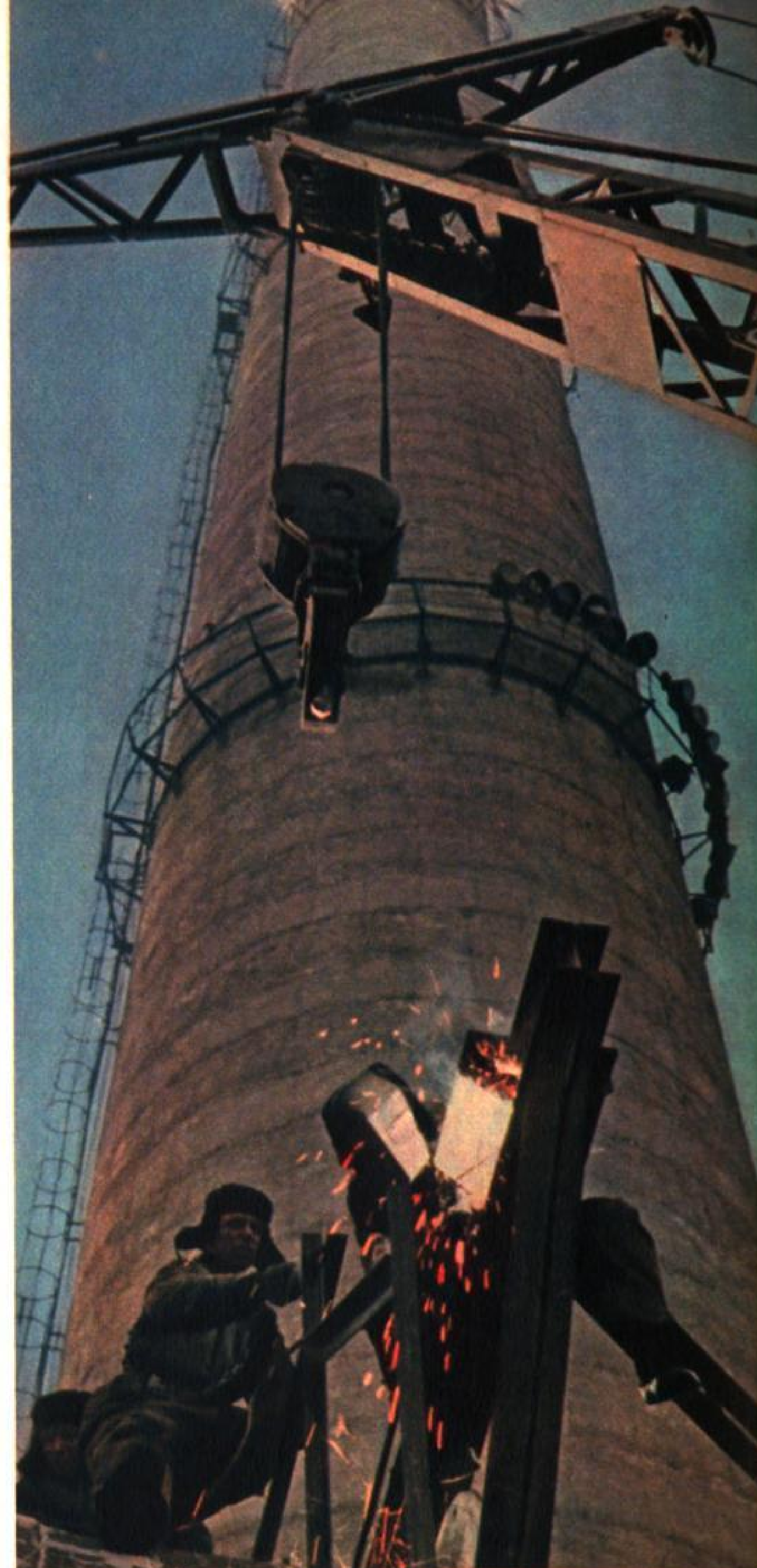
Фото Я. Рюмкина.

Copyrighted material

Copyrighted material

СТАЛЬНОЙ БОГАТЫРЬ И ЖИВЫЕ ЛЮДИ

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

...С самого возвышенного места Липецка, площади Ленина, вечерами долго любуешься огнями левого берега реки Воронеж, багровыми сполохами от вспышек плавильных печей и коксовых батарей. Там Новолипецкий металлургический завод, большая стройка семилетки — «Липецкая Магнитка».

Липецк расположен сравнительно недалеко от недавно открытых богатейших рудных кладовых Курской магнитной аномалии. Не так уж далеко отсюда и до мощного источника энергии — Волгоградской ГЭС. Все это, а также и другие экономические соображения и предопределили расширение Новолипецкого металлургического завода.

Я поехал на этот завод, на площадку строящейся там новой доменной печи.

Стальная громадина вздымалась на высоту более 70 метров. С верхних поясов домны сыпались вниз искры электросварки. И казалось, что печь сердится от нетерпения, швыряя в серый полусвет зимнего дня красные охапки искр.

Домна-исполин, узнал я, будет работать на форсированном режиме и давать в сутки тысячи тонн чугуна. Конструкция рассчитана так, чтобы расход кокса был сравнительно невелик, чтобы рудная мелочь не пропадала в облаках газа и пыли. Всюду автоматика. Приборы будут командовать не только подачей шихты, но и распределением по фурмам природного газа и температурой дутья — она достигнет 1 200 градусов. На литейном дворе рядом с горновыми займут места их механические помощники — электрические магнитно-грейферные краны; лопатой пользоваться почти не понадобится.

Мне хотелось повидать вожака бригады коммунистического труда, делегата XXII съезда партии А. Романова.

— Романова ищете? Не так-то просто его найти,— сказали в штабе стройки.

И тут же рассказали, что Александр Романов со своей бригадой, которая первой пришла на эту стройку и год назад забетонировала фундамент под домну, заканчивает сейчас водоводный тоннель. Под землей смонтированы и уложены тысячи кубометров железобетона, тремя рядами проложены толстые трубы, по которым скоро пойдет на печь вода. Тоннель есть, но вот насосная станция еще не готова. Обнаружились дефекты во всасывающих колодцах и в насосах. Если бы все работали так, как романовцы, вода пришла бы на домну уже сегодня и печь можно было бы поставить на сушку.

Я спустился под землю возле насосной станции. Тоннель был широк, как в московском метро, здесь свободно могли разойтись два железнодорожных состава.

Мы обошли с Романовым «подземное царство». Одним концом тоннель уходил к домне, другим — к реке. Сооружение рассчитано на десятилетия вперед. Трубы будут питать не только эту домну, но и будущие: ведь «Липецкой Магнитке» расти и расти! Попыхивая папиросой, Александр Дмитриевич говорил:

— Зима в разгаре. Каждый час на учете. А летом, бывало, неделями маялись без дела. То техническая документация отсутствует, то цемента нет, то оборудование запаздывает. Плохо еще у нас планируют такие ответственные стройки!

Поздно вечером мы вместе возвращались в город. Дома Романова ждали жена и четверо ребят. Он рассказывал о своих детях... Ветер швырял нам в лицо мокрые хлопья снега. Прожектор на башенном кране выхватывал из темноты трепещущий красный флаг над вершиной домны. Мы оглянулись на стройку и снова зашагали.

Романов заговорил о своих товарищах.

Народ дружный. Виталий Крюшин женился на Шуре Стуровой. Вся бригада поздравляла молодых, а теперь хлопочет о комнате для молодоженов. Саша Насонов ушиб ногу, попал в больницу. Девушки бригады все время навещали Сашу; теперь он поправляется. На работе никто за другого не прячется. Нет того, чтобы один грелся у костра, а другой за него работал.

И вдруг вспомнил о другом, улыбнулся:

— Был я на одном вечере в Доме литераторов в Москве, так там Расул Гамзатов здорово читал стихи. Как он, бедняга, влюбился, и все ходил к дому той девушки, и все в окно папаху забрасывал...

Сказал еще, что в Москве, на съезде, накупил целую библиотеку художественной литературы. Но еще ни одну книгу, признаться, не прочитал. Какое там! Живешь сейчас только одним — поскорее пустить домну.

...В двадцатых числах декабря на смену сравнительно нехолодным дням пришли морозы и метели.

...Ночью через тонкую стенку гостиничного номера я слышал, как соседка — командированный из Москвы в Липецк инженер «Сталконструкции» — говорила по телефону с домом, с дочкой: «Люсенька, ты? Как себя чувствуешь? Лучше пропусти еще день-два, но с кашлем в школу не ходи. Нет, Люсенька, на той неделе не приеду. Домну поставим на сушку, тогда...»

На стройке разжигали костры. Монтажники-верхолазы нетерпеливо отбрасывали в сторону рукавицы, чтобы быстрее освободить от тросов поднятые на высоту трубы газопровода. Нередко, чтобы не терять темпа, они отказывались от своего права через определенные промежутки времени спускаться вниз, обогреваться.

...Электросварщица Люба Ершова варила с подругами трубы газопровода.

— Кузнецов сегодня злой,— говорила Люба про бригадира монтажников.— И я его понимаю. Смотрите, ничего не видно, как тут работать.— Она показала на белое облако пара, наползавшее со стороны паровоздушной станции.— Нашли время прокручивать турбину! Как же ребятам поднимать в таком тумане?

Любе очень подходит ее имя. Когда смотришь на ее миловидное темноглазое лицо, слушаешь мягкий грудной голос, невольно вспоминаешь песенку о «Любушке-голубушке».

Отец ее — монтажник, такой же строгий и придирчивый на работе, как и Кузнецов. Муж — тоже монтажник. Работает тут же, только на соседнем участке. Встретились на другой стройке. Там родилась у них дочка. Через некоторое время перебросили их сюда, на «Липецкую Магнитку». Здесь семейство прибавилось: родился сын. Недавно дали им двухкомнатную квартиру. Девочка ходит теперь в школу продленного дня, а с мальчиком так наладили: утром Виктор отводит его в детский сад, а вечером заезжает за ним и вместе возвращаются домой...

Про свою работу Люба говорит скупо:

— Варим и варим. Электроды есть. И желание есть... Только бы срок не сорвать.

Бригадир монтажников Анастас Иванович Кузнецов добавил к этим словам:

— Желание есть, да беспорядки мешают.

Любит Кузнецов точность во всем. Иные монтажники поднимут звено труб и опустят, опять поднимут и опять опустят. Монтажный «почерк» Кузнецова другой: прицелится, прикинет, и уж если поднимет, то звено, можете не сомневаться, встанет на свое место прочно.

Живет Анастас Иванович неподалеку от Липецка, в селе Таволжанка. Сюда добирается каждое утро рабочим поездом. Его село — знаменитое на всю Россию. Все лучшие монтажники-металлисты родом из Таволжанки. И его однофамильцы Кузнецовы, и Шкатовы, и Голощаповы, и Федянины... Где в России мост, где большой завод, где электростанция, там обязательно приложили свой труд люди из Таволжанки. Совсем недавно он, Кузнецов, вместе с земляками возводил в Москве Кремлевский Дворец съездов.

— Вот там *ходовая* была работа!

В понятие «ходовая» Кузнецов вкладывает слаженность, четкость, быстроту, ответственность. Он согласен с Александром Романовым, что всего этого здесь, на строительстве домны, частенько и не хватало. Техники сконцентрировали много, и начальников много, а четкости настоящей не было. Ему обидно, когда из-за чьей-то дурости («Вот как сегодня чуть не сорвали нам работу, напустив пару на всю площадку») понапрасну теряется время. А ведь каждый сэкономленный час... Ох, много он стоит рабочему человеку!

Был недавно такой случай. На сорокатонном башенном кране сработался вал полиспаста. Возникла серьезная опасность. Могло обломать стрелу.

Потребовалось срочно заменить вал. Это значит на высоте семьдесят метров при леденящем дыхании ветра сначала закрепить стрелу на дополнительном тросе, потом осторожно выбить тяжелый вал полиспаста, опустить его вниз, поднять новый, потом еще продеть почти 700 метров троса через шестнадцать блоков — все это вручную, потому что никакие механизмы помочь в таком деле не могут. Такая работа требует минимум пять смен. А сделали за две.

...Сейчас богатырская доменная печь в Липецке уже выдала первые плавки чугуна. Празднично озарила сумрак высокого литейного двора сверкающая бело-желтая река расплавленного металла, огненный поток стремительно вырвался из летки печи и побежал по канавам, чтобы жарким водопадом перелиться в ковши-вагоны.

В летопись семилетки вписана еще одна трудовая победа. С ней горячо поздравили строителей Центральный Комитет КПСС и Советское правительство. Далась эта победа нелегко. Люди работали самоотверженно, этого требовали интересы дела. Но интересы дела, интересы быстрейшего построения материально-технической базы коммунизма требуют и другого: лучше планировать, ответственней руководить, бережливей относиться к Человеку-Строителю.

Ведь ради Человека мы и строим!

Новолипецкий металлургический завод. Рядом с действующими домнами встала в строй новая печь-исполин.

Александр Дмитриевич Романов. Его бригада геройски работала на строительстве домны от первого дня до последнего.

Монтажники Анатолий Савенков, Алексей Бушин, Анатолий Яковлев, бригадир Александр Воронцов, Игорь Магаков, Александр Медведев.

Высота — семьдесят метров. Работают верхолазы из бригады Анастаса Кузнецова.

«Липецкая Магнитка» — бурно растущий металлургический гигант в центре Европейской части СССР.

Фото Л. Бородулина.

В АЛЬБОМЕ — АВСТР

Л. ВЛАДИМИРСКИЙ

Художник Леонид Владимирский в составе первой группы советских туристов побывал в Австралии. Вот его рисунки, сделанные там, и впечатления об этой стране.

Как Москву можно узнать по силуэту университета на Ленинских горах, так, увидев огромный однопролетный мост в городе Сиднее — гордость австралийцев, — можно сказать, что это Австралия.

Рядом с мостом порт, где дымят пароходы всех стран мира (длина его причалов 25 километров), и центр города — Сити. Здесь высятся современные многоэтажные здания банков, промышленных фирм, универмагов. Дальше море одноэтажных домиков, в которых живут горожане.

Сто семьдесят четыре года тому назад к этим берегам пристали первые одиннадцать кораблей с первой тысячей переселенцев из Англии. На том месте, где они высадились, был построен порт, к нашему времени превратившийся в самый большой город Австралии с населением в два миллиона человек.

* * *

Австралийские друзья встретили нас в Сиднейском аэропорту букетами цветов и крепкими рукопожатиями; в руках у этой девушки был блокнот. «Что-то напишет про нас такой симпатичный на вид репортер? Как-то встретит нас, первых советских туристов, буржуазная пресса?» — подумали мы.

Пока что, выбрав минутку среди сутолоки первых знакомств, я попросил девушку смотреть только на меня и набросал ее портрет.

Мы побывали почти во всех крупных городах страны, и везде простые люди относились к нам очень хорошо. Всюду мы наблюдали огромный интерес к стране Гагарина и Титова. Видимо, учитывая это, газеты писали о нас довольно много и в благожелательном духе.

Вот типичные заголовки: «Русские туристы приехали к нам, чтобы найти здесь друзей», «Из России с дружбой», «Мимоза в подарок русским».

* * *

Аборигенов редко встретишь в городах Австралии. Правительство заставляет их жить в специальных поселениях — резервациях, далеко от городов, в неплодородных районах страны. Там плохо с водой, а температура воздуха летом достигает +50°. С каждым годом аборигенов становится все меньше и меньше. Голод, нищета и болезни делают свое дело.

Буржуазная пропаганда уверяет, что «люди каменного века» неспособны принять современную цивилизацию и потому у целого народа нет будущего. Так зачем же, мол, о них заботиться? Зачем им давать равные с белыми гражданские права, свободу передвижения, учить их? И правительство ничего не делает, чтобы улучшить положение коренных жителей страны.

Прогрессивные люди Австралии, коммунистическая партия не могут мириться с таким положением. Создана Лига борьбы за прогресс аборигенов.

На вечере среди этих людей я и встретил Дениса. Юноша с темной кожей чувствовал себя среди белых друзей, как равный с равными. Он охотно согласился мне позировать.

Конечно, жизнь опровергает вымыслы лжеученых. Абориген Альберт Наматжира оказался столь талантлив, что после нескольких недель учебы стал рисовать не хуже своего белого учителя. Его пейзажи находятся теперь во многих музеях страны. Стихи поэтессы Кэт Уолкер, полные глубокого чувства, печатаются в журналах.

А сколько еще талантов раскроется, когда аборигены станут свободными, полноправными гражданами!

* * *

Мы познакомились и подружились со многими австралийцами — с рабочими и художниками, профессорами и студентами, инженерами и врачами, с членами «Юрики» — австралийскими комсомольцами и пионерами в синих галстуках.

На страницы моего альбома попали и незнакомые австралийцы: вот, например, эти дамы на мотороллерах или ученицы из католической школы, выбирающие губную помаду.

Copyrighted material

АЛИЯ

* * *

Когда моряки Джеймса Кука высадились впервые в Австралии, они увидели странное животное с длинным хвостом, передвигавшееся большими прыжками. «Как оно называется?» — спросили они у туземца. «Кенгуру»,— ответил тот. Так и стали называть это животное, хотя ответ туземца означал «не понимаю».

Изображение кенгуру стало символом Австралии. Его вы можете увидеть не только на марках, значках и эмблеме авиакомпании, но и в гербе страны.

Конечно, в первый же день пребывания в Сиднее мы поспешили в зоопарк.

Когда кенгуру играют, они становятся на задние лапы и толкают друг друга передними. Это очень напоминает бокс.

Видели мы, как большой кенгуру «боксировал» со служащим зоопарка. Сначала все шло «по правилам», но потом один из боксеров вошел в раж и, упираясь хвостом в землю, пустил в ход все четыре лапы. Этот момент я и зарисовал.

* * *

На дороге, недалеко от города Брисбена, рабочие прокладывали телефонный кабель.

Устроившись в десяти шагах от них, я начал рисовать. Продолжая свой разговор, рабочие обращали на меня мало внимания. Как я узнал позднее, передо мной был почти международный «форум»: один «старый» австралиец что-то доказывал трем новичкам — англичанину, голландцу и итальянцу.

Ежегодно в Австралию в поисках работы приезжают десятки тысяч бедняков из разных стран Европы, но получить работу нелегко. Ведь сейчас в самой Австралии около двухсот тысяч безработных. А для страны, в которой все население составляет 10 миллионов, это немало.

Пожалуй, одно из самых интересных знакомств — с известным писателем Аланом Маршаллом.

Внук одного из первых переселенцев и сын объездчика лошадей, деятельный и энергичный Алан Маршалл прошел суровую жизненную школу. Умные, чуть усталые глаза, нос с горбинкой, упрямый подбородок и лихо заломленная шляпа — даже внешне Алан Маршалл показался мне типичным австралийцем.

Писатель хорошо знает жизнь своего народа, природу Австралии. Поговаривают, что он один во всей стране понимает язык животных!

У нас в Советском Союзе переведено и издано несколько его книг: «Люди незапамятных времен» (сказки и мифы аборигенов), автобиографическая повесть «Я умею прыгать через лужи». Алан Маршалл — большой друг советских людей. Он вице-президент общества «Австралия — СССР».

В любом путешествии, в Европу, Азию или далекую Австралию, самое интересное — это узнавать людей, дружить с ними и рассказывать им о своей Родине.

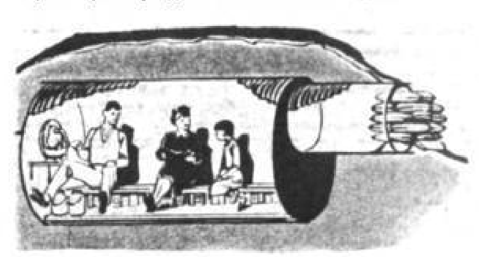

Брошюра, которую читает эта американка, не руководство по кулинарии или рукоделию. Она называется «Защита от радиации. Что нужно знать и делать в случае ядерной атаки». Пентагон распространил 25 миллионов экземпляров этой брошюры среди населения США.

Атомная истерия, раздуваемая в стране, приносит огромные барыши монополиям, занявшимся изготовлением атомных бомбоубежищ различных типов, начиная от небольших щелей, предназначенных для

одной семьи (смотри рисунок, взятый из брошюры), и кончая гигантскими подземными лабиринтами, сооружаемыми в каменоломнях близ Чикаго.

Но народ Америки не хочет зарываться в землю. Все большее число американцев требует от правительства Кеннеди не атомных приготовлений, а политики мира и разоружения. Молодые борцы за мир устроили недавно сидячую демонстрацию перед зданием выполняющей военные заказы компании «Дженерал Дайнэмикс корпорейшн» в Гротоне, штат Коннектикут. Полиция арестовала участников демонстрации.

Запретная зона

Анатолий КАЛИНИН Роман Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Отзвучали праздничные речи, замерла и мелодия гимна. Еще не увезли дощатую трибуну из-под откоса плотины, но уже блекнет кумач на флагах, линяет под августовским солнцем.

Давно ли Греков стоял на крутобережье над этой же поймой, зеленеющей заливными лугами. Как будто никогда и не было здесь ничего, кроме этой воды, окаймленной бетоном, и этого бетона, отраженного водой.

Но в том, что это совсем не так, он уверен так же твердо, как и в том, что вместе с этой поймой ушла под воду и самая беспокойная часть его жизни. Иначе и не подкралась бы теперь грусть по дорогам отзывчивой памяти.

* * *

Ему надо было поскорее попасть на правый берег, откуда таким невеселым голосом звонил в политотдел Цымлов, но и нельзя было объехать стороной эту большую юрту на откосе плотины, не узнав, что за причина заставила Федора Сорокина созвать сегодня туда всех своих комсомольцев на собрание. И, оставив машину на шоссе, Греков стал взбираться к юрте, втыкая носки сапог в песок свеженамытой плотины.

Как только приглох мотор машины, так сразу и слышны стали голоса, бурлившие под брезентом юрты-клуба. И, конечно, это голос самого Федора парил над всеми другими. Никто больше, кроме него, не умел говорить с той же властно-небрежной интонацией, с какой умел здесь говорить еще только один человек — начальник стройки Автономов. В невольном восхищении Греков замедлил шаги у юрты.

— И совсем не исключено,— говорил Федор,— что тот, кто в этот ответственный предпусковой момент выпадет из нового графика, тот свободно может выпасть и из рядов комсомола.

После этих слов все голоса в юрте смолкли. И вдруг тишину смыло волной яростных воплей:

— Это что, угроза?

— Да он совсем зазнался!

— Нет, он забыл пообедать!

— А если спецконтингент нам устроит затор?!

— Шпана будет вольнить, а ты клади комсомольский билет?..

Человеку постороннему ни за что бы не разобраться в этих криках. Но за три года можно узнать людей, а тем более молодых, которые еще не научились скрывать свои чувства. И еще не заглядывая в юрту, Греков вскоре уже знал не только причину всей этой ожесточенной перестрелки, но и те главные цели, куда были направлены залпы.

— А не лучше ли тебе, Федя, одному из наших рядов выпасть? Вместе с твоими новыми носочками?!

Вот этот последний насмешливо-дружелюбный вопрос мог принадлежать только Изотовой. Только она и позволяла себе задавать Сорокину такие вопросы. И вообще Греков мог бы безошибочно сейчас сказать, кто с кем спорит и даже как они там расположились в брезентовом клубе. Люба Изотова, разумеется, сидит в седьмом или восьмом ряду рядом с другой электросварщицей, тоже Любой, Карповой. А где-то поблизости должна сидеть и третья их подруга по комнате в женском общежитии — Тамара Чернова, диспетчер на эстакаде, и, конечно, в тесном окружении двух крановщиков: Игоря Матвеева и Вадима Зверева. И, чтобы окончательно убедиться в этом, Греков отогнул брезент, вошел в юрту и сел у прохода в среднем ряду на свое обычное место.

В юрте, что называется, яблоку негде было упасть. Никто его появления не заметил, потому что как раз к этому времени на собрании и накалились страсти. Федор Сорокин, как всегда, занимал соответствующее его положению председательское место за столом президиума, водруженным на помост в глубине клуба, а протокол вела Люся Солодова — секретарь политотдела. Склонив коротко остриженную голову, она вписывала в общую тетрадь все эти крики.

Если, слушая выступления Федора Сорокина, сразу же можно было сказать, что он старается говорить, как Автономов, то осанкой и всей повадкой он, вероятно, превосходил и самого Автономова. И теперь Федор стоял, опершись руками о стол и слегка изогнув стан, в излюбленной Автономовым позе. Но красная скатерть на столе президиума была узкой, и всем взорам открыты были под столом ноги Федора в спортсменках и в носках оранжевого яркого цвета. Чувствовалось, что они явно смущают Федора, мешая ему поддерживать свой авторитет на собрании на должном уровне, и время от времени он переступал под столом ногами, как гусь на лугу.

Самым главным для секретаря комитета комсомола Федор считал неприкосновенность своего авторитета, и ради этого ему всегда приходилось вести на собраниях упорную войну с самой неустойчивой частью аудитории — с девушками. Продолжалась эта война и теперь. Как всегда, девушки шумели больше всего, переговаривались, смеялись и перебегали с места на место. Но можно было заметить, что и председатель собрания слишком к ним придирался. По-ястребиному вытягивая из президиума голову, он кружил над ними, как над стадом куропаток, и, выбрав очередную жертву, камнем падал вниз. И Грекову казалось, что он правильно догадывался о причинах столь сурового отношения Федора к девушкам на собраниях. Во всякое другое время они позволяли себе делать с Федором все, что им было угодно, тормошили его, называя фамильярно Федькой, и он таял в их руках, как воск, ничему не препятствуя и ни на что не обижаясь.

Теперь же никто не вправе был ожидать от него поблажек.

— Я бы па-просил комсомолку Любовь Изотову,— зловеще говорил он, выпрямляясь за столом,— повторить, что она сказала.

— И в порядке, так сказать, уточнения будущих отношений,— добавил иронический голос.

Федор немедленно оборвал его:

— Вадим Зверев, тебе я слова не давал.

— Понятно, Федя,— глубокомысленно произнес тот же голос.

При этих словах Федор побагровел.

— Во-первых, здесь никакого Феди нет,— сказал он с автономовскими нотками в голосе,— а есть председатель собрания, а во-вторых, мы с Игорем уже подсчитали все по хронометру. Весь цикл от бетонных заводов до

Copyrighted material

эстакады и обратно займет двенадцать минут. Правильно, Игорь?

— Одиннадцать с половиной,— вставая, уточнил парень в такой же, как у Андрея, ковбойской рубашке.

Вот у кого нельзя было бы найти ничего напускного, так это у Игоря Матвеева, чью кудрявую голову с крупными ушами, как обычно, можно было увидеть рядом с каштановой головкой Тамары Черновой. Там же сидел и Вадим Зверев — у них за спиной, играя ремешком аккордеона, поставленного сбоку на лавку.

И вообще, окидывая взглядом этот брезентовый клуб, Греков убеждался, что он не ошибся. Правда, обе Любы — Изотова и Карпова — сидели сегодня не в седьмом, а в пятом ряду, но все равно они были вместе, и обе пришли на собрание в платьях фиалкового цвета. И только совсем уж черствый человек смог бы остаться равнодушным к тому, как самозабвенно Федор играет роль Автономова и какими обожающими глазами смотрит Игорь на Тамару, а Вадим, перехватывая его взгляды и поигрывая ремешком аккордеона, старается всех уверить, что Тамара не внушает ему никакого иного чувства, кроме чувства самого глубочайшего презрения за то, что знали о ней все, исключая одного лишь Игоря.

А та, что своими руками с накрашенными ноготками поднесла спички к топкам этих сердец, сидела тут же, недоступно строгая и прямая, в сиреневой блузке из легкого шифона, сквозь который просвечивали плечики лифа, в плиссированной юбке и в белых лосевых босоножках. И хотя бы отблеск пылающего рядом пламени отразился на ее лице, оно оставалось все таким же белым. Только крупные губы на белом лице были такими же яркими, как и лак ногтей у нее на пальцах. Но этим губам не нужна была краска.

И только тот, кто вообще в своей жизни никого не любил, не согласился бы, что она заслуживала, чтобы так смотрел на нее Игорь, не желая знать ничего из того, что знали все о ее отношениях с начальником центрального района Гамзиным, и чтобы так негодовал на нее Вадим. По красоте у Тамары здесь не могло быть соперниц. Она была настолько красива, что ей уже не завидовали подруги. Но было у нее и еще нечто, что, пожалуй, было выше самой красоты,— полное пренебрежение тем, красива она или нет, и равнодушие к тому, как могут посмотреть на нее и что могут подумать о ней другие.

* * *

И вот уже опять на Грекова волной нахлынуло то настроение, которое всегда овладевало им, когда он видел вокруг себя эти юные лица с блестящими глазами. Как будто запахло ландышем. Он так и не смог бы разобраться в том своем чувстве, что при этом начинало пощипывать ему сердце. Конечно, было здесь и воспоминание о собственной молодости, хотя она и была совсем другой. И все же можно поклясться, что едва уловимый отблеск ее играет на их лицах. Но было что-то в них и такое, чего не было у поколения, к которому принадлежал Греков. Люди его поколения лучше умели повиноваться, видимо, потому, что захватили и то время, когда большинство людей вообще вынуждено было повиноваться меньшинству, а эти привыкли, что все им доступно и все можно, и попробуй заставь их сделать, если до этого ты не сумел их убедить. В этом было их превосходство перед людьми поколения, к которому принадлежал Греков, но в этом же коренилась и причина их ошибок. Часто они незаметно для себя перешагивали ту черту, за которой начиналось н е л ь з я, и потом за это дорого расплачивались, оказываясь иногда и за бортом жизни. Корабль жизни уходил вперед, и только самые сильные из них успевали догнать его на одной из стоянок.

Попробуй принудить к чему-нибудь того же Вадима Зверева, который так и шевелит своими круто вырезанными ноздрями, так и вспыхивает румянцем, готовый каждую секунду ринуться в бой по любому поводу. И теперь он не может удержаться от того, чтобы не умерить восторги своих ближайших товарищей — Игоря и Федора.

— Вся эта статистика, конечно, неотразима,— говорит он, играя ремешком аккордеона.— Но, как замечено давно, не существует «да» без «но».

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я хочу сказать, что хронометр, бесспорно, великое изобретение двадцатого века, однако...

— Однако, девочки, Вадим сейчас толкнет речь,— произнес за его спиной вкрадчивый голос.

Вадим немедленно обернулся с полупоклоном.

— Нет, я как раз собирался уступить это право нашим фиалкам.

— Прошу не выражаться, — предупредил Федор.

Никто не смог бы упрекнуть его в том, что он поступается своими обязанностями из приятельских соображений. Но и Вадим был не из тех, кто остается в долгу.

— С каких это пор на слово «фиалки» у нас наложено вето? Вот когда на арматурном дворе шпана поднимет бузу и электросварщицы зашьются, ты почувствуешь, чем это пахнет. Можно подумать, что с арматурой у нас на все сто процентов.

Этому доводу даже Федор не смог ничего противопоставить. Невольно он поискал взглядом тех, кого Вадим называл «фиалками». Так с легкой руки Вадима стали называть обеих электросварщиц с того дня, когда они впервые появились на эстакаде в одинаковых платьях фиалкового цвета.

— Изотова или Карпова, кто из вас будет говорить? — поинтересовался Федор.

На пятой скамье началась возня.

— Ты всегда выскакиваешь, ты и говори,— подталкивала Любу Изотову под бок Люба Карпова, которую в отличие от подруги и потому, что работала она в ночной смене, называли Ночной Фиалкой.

Изотова невозмутимо отводила от себя ее руки.

— В вашей смене больше всего простоев, ты и скажи.

— Пускай Вадим сам говорит! — с белыми пятнами на покрасневшем лице крикнула Карпова.

Вадим снова поклонился.

— Благодарю.

Copyrighted material

— Так что же ты предлагаешь конкретно? — спросил у него Федор.

— Я уже, кажется, не раз предлагал отказаться от отдельных бригад из н а с и из н и х.

Люся Солодова, отрываясь от протокола, в ужасе подняла стриженную под мальчика головку.

— По-твоему, значит, смешаться с н и м и?

Вадим встряхнул золотистым чубом так, что он переметнулся у него от левой брови к правой и повис над глазом.

— Девчат, разумеется, можно от этого избавить.

На это немедленно последовал вопрос Ночной Фиалки:

— Интересно, почему?

— Думаю, это и так ясно.— И чуб Вадима улегся на свое место.

Тамара Чернова через плечо удостоила его холодным взглядом.

— А я бы не возражала взять к себе в диспетчерскую девушку из н и х.

Чей-то голос присовокупил:

— Ну, ты-то ее быстро вышколишь!

Федор не упустил случая ввернуть вопрос, как это делал Автономов:

— И ты полагаешь, что это может дать результат?

— Полагаю, да,— в тон ему ответил Вадим.

— На каком основании?

Кто-то бросил из глубины юрты:

— На основании личного опыта.

Вадим побледнел, но не оглянулся.

— Этого я не отрицаю.

— Только без реплик! — угрожающе повысил голос Федор. И, опираясь обеими руками о стол, веско напомнил: — Но, как известно, весь этот вопрос в нашу к о м п э т э н ц и ю не входит.

* * *

Только сам Федор не замечал, как он подражает Автономову, который был для него образцом руководителя безупречной чеканки. Впрочем, Федор был в этом убеждении не одинок. Для Грекова давно уже перестало быть секретом, что, например, половина девушек в этой юрте откровенно влюблена в Автономова, а другая половина лишь не признается в этом, умея прятать от посторонних глаз свои сердечные тайны. Не только молодые, но и люди многоопытные так или иначе испытывали на себе влияние Автономова и даже подражали ему в словах и в жестах, искренне думая, что это их собственные слова и жесты. Но из всех только два человека на стройке умели подражать ему так, как этого, наверное, не сумел бы сделать и сам Автономов. Но если один из них — начальник центрального района Гамзин — усвоил себе не только голос, походку и одежду Автономова, но и носил такие же в меру длинные, в меру короткие усы, то Федор Сорокин этой возможности был лишен. В тембре голоса Федора при всем его желании еще не могло появиться металла, китель, бриджи и хромовые сапоги были ему не по карману, а заводить усы в его двадцать три года было бы нелепо. И все-таки каждый, кто знал и его и Гамзина, сказал бы, что первенство в их необъявленном соревновании остается, бесспорно, за Федором, потому что в его подражании Автономову не было никакого умысла. За это многие и прощали Федору эту слабость. Однако не все.

— Федор, как тебе не стыдно кривляться? — раздался негодующий голос.

И многие невольно пригнули головы, потому что это был голос диспетчера Черновой, которая по целым дням распоряжалась на эстакаде. Даже Федор не стал обижаться на Тамару: он знал, что на нее опасно обижаться,— а лишь проворчал:

— Ты, Чернова, можешь командовать у себя на эстакаде.

При этом под столом его ноги в тапочках и в оранжевых носках почесались одна о другую.

Из доброй сотни молодых, здоровых глоток грянул давно назревавший хохот. Не зная истинной причины этого всеобщего веселья и охотно отнеся его на счет собственного остроумия, засмеялся и Федор. Это вызвало новый взрыв. И тут же заблуждение Федора было рассеяно восхищенным вопросом, заданным ему на южном русско-украинском наречии:

— Федю, будь ласка, скажи, дэ ты соби эти классные карпетки оторвал: в универмаге чи у спецторге?

Застигнутый врасплох, Федор не нашел ничего лучшего, как чистосердечно ответить:

— Нет, на правом берегу в ларьке сельпо.

После этого девчата уже стали повизгивать и, срываясь с мест, выскакивать из дверей клуба.

Один Вадим остался совершенно серьезным и, неуловимо подражая подражающему начальству Федору, сказал:

— Но в таком случае вышеупомянутый уважаемым председателем вопрос, возможно, входит в компэтэнцию нашего партийного руководства?

И он повернулся в ту сторону, где сидел Греков. Все глаза устремились к этому месту. Вслед за этим в тишине раздался растерянный возглас Люси Солодовой:

— Но ведь товарища Грекова уже нет!

Федор возмутился:

— Как это нет? Только что он был здесь. Я сам видел.

— Был, да, как говорится, сплыл,— бросил Вадим.— Как потянул ноздрями воздух,— и Вадим затрепетал своими тонкими ноздрями,— почуял, чем запахло, и...

Федор Сорокин выпрямился за столом и покраснел так, что его лицо уже почти не отличалось от кумача клубной скатерти, а русые волосы казались совсем белыми. И еще неизвестно, какой бы силы гнев обрушился на голову Вадима, если бы Федора не опередил Игорь Матвеев. Он повернулся к Вадиму с незлобной укоризной:

— Вот это ты действительно сморозил, Вадим. Товарищ Греков, конечно, ушел до того, как был поднят этот вопрос. И потом, кто-кто, но только не он похож на дезертира.

Вадим движением головы перебросил чуб справа налево.

— Факт налицо.

— Вадим! — понижая голос, повторил Федор. Тем сердитее был его голос, что он тоже был явно смущен внезапным исчезновением Грекова. Всего пять минут назад Федор видел его на обычном месте в проходе.

Но и Вадим уже ожесточился.

— Я уже двадцать третий год Вадим. Сбежал ваш товарищ Греков с собрания! Фьють! — Вадим присвистнул.

Это было уже выше всяких сил Федора. В тенорке у него наконец-то появился металл:

— Това-арищ Вадим Зверев, немедленно выйдите из зала!

Вадим сочувственно улыбнулся.

— На этот раз, Федя, ты в самом деле загнул.

Все дружно засмеялись. Все согласны были с Вадимом, что Федор хватил через край. Это было тем очевиднее, что нельзя было назвать более неразлучных друзей, чем Федор, Вадим и Игорь. Все трое в один час, в одном вагоне приехали на стройку. Все они поселились в общежитии в одной комнате. Даже их ковбойки в крупную клетку были куплены в универмаге в один и тот же день. И поэтому вслед за Вадимом последние слова Федора были восприняты как веселая шутка.

Однако не из тех комсомольских работников был Федор Сорокин, чтобы позволить поставить свой авторитет под удар.

— Товарищ Зверев,— повторил он дребезжащим тенором,— я попрошу вас покинуть собрание.

Самоуверенная улыбка сбежала с бледно-загорелого лица Вадима. Он понял, что Федор совсем не склонен к шуткам.

— За что?

Ответ Федора прозвучал с неумолимой четкостью:

— За недостойный выпад против партийного руководства!

— Ну, если ты все это поворачиваешь так...— криво улыбаясь, сказал Вадим и встал, вскидывая на руку аккордеон. Хромированный звук пронесся под крышей юрты, и Вадим, опустив голову, быстро вышел.

Еще минуту в юрте длилась тишина, и потом колыхнулись ее брезентовые стены. Те же самые девушки, что больше всего возмущались на собрании поведением Вадима, теперь вознегодовали против Федора:

— Нет, ты скажи, за что?!

— Он же ничего такого не сказал!

— Это неслыханный произвол!

Та же Ночная Фиалка, которая чаще всего вступала на собраниях в ожесточенные схватки с Вадимом, встала и заявила:

— Требую поставить на голосование! Это нельзя так оставлять! Собрание обязано сказать свое слово.

— Голосовать, голосовать! — закричали и все другие девчата с тем большей яростью, что изгнание Вадима с собрания означало также и крушение их надежд потанцевать после собрания под его аккордеон на площадке в сквере.

Греков очень удивился бы, увидев, что яростнее всех наскакивает на Федора всегда такая тихая, застенчивая Люся Солодова.

— Ты не секретарь комитета! — кричала она, потрясая перед лицом Федора кулачками.— Ты... сатрап!

Откуда же было знать Грекову, что у его секретаря-машинистки есть в жизни одна всепоглощающая страсть — танцы и что есть у нее единственное место на земле, куда она каждый вечер спешит с сердечком, замирающим в предвкушении блаженства,— танцплощадка в поселковом сквере? Спешит, как на свидание. И теперь она видела в лице Федора того, кто сегодня лишил ее этой радости свидания, отравил ее блаженство.

Тучи сгущались над головой Федора. Даже Игорь, вставая, присоединился к всеобщему протесту:

— Это, Федор, уже слишком, это ты чересчур. Предлагаю, пока не поздно, вернуть Вадима. Я берусь его догнать.

Обстановка для Федора складывалась явно неблагоприятная. Признаться, он и сам не ожидал, что его мера воздействия на Вадима вызовет такую бурю. Но не в такие ли моменты и проверяется закалка комсомольского вожака? Федор стоял, упершись руками в стол и наклонясь вперед. И таким же, как у Автономова, трубным голосом он сказал:

— Нет, на поклон мы к нему не пойдем. Во-первых, Вадима Зверева давно пора проучить. Во-вторых, тот, кто хочет его догнать, пусть догоняет. Повестка исчерпана. Собрание считаю закрытым.

Девчата ответили ему исступленным воплем. Но Федор рассчитал безошибочно. Тут же все они и хлынули из юрты в надежде, что им еще удастся догнать Вадима и затянуть его с аккордеоном на танцплощадку.

* * *

Если бы Греков знал, за что изгнали с собрания Вадима, он бы вернулся, чтобы восстановить справедливость. Но к тому времени он уже находился далеко, шагая по гребню плотины на правый берег. Он не стал спускаться к дороге, а махнул рукой шоферу, и тот сообразил, что Греков хочет пройти трассой намываемой земснарядами плотины, пешком, а машина должна ехать внизу, делая остановки.

На границе правобережной зоны Греков только на минуту заглянул в будку вахтера, чтобы позвонить домой. Вахтер — молодой узбек — знал Грекова уже три года, но все же потребовал у него пропуск.

— Что это тебе вдруг вздумалось, Усман? — поинтересовался Греков, пока тот рассматривал пропуск.— Разве я для тебя новый человек?

— А вдруг, товарищ Греков, это совсем и не вы?

В его черных, красивых глазах Греков уловил лукавинку.

— Иначе говоря, шпион?

Глаза Усмана стали печально-недоуменными.

— Так будет спокойнее,— сказал он, складывая и возвращая Грекову пропуск.— Меня товарищ Козырев на всю жизнь научил. Я не потребовал у него пропуска, а он рапорт начальнику караульной команды подал. А я его тоже три года знаю.

В будке у вахтера Грекову пришлось пробыть несколько дольше, чем он предполагал. Телефонистки коммутатора, как всегда, долго соединялись с зоной, и дома взяла трубку не жена, а его пятилетняя дочь Таня.

Copyrighted material

— Это ты, папа? — спросила она, посвистывая сквозь свои два выпавших зуба.

— Я. А почему ты еще не спишь, Таня?

Он слышал в трубке ее дыхание и немедленно представил себе ее глаза — серо-зеленые, самые любопытные на свете. Она, конечно, прижимает трубку к уху левой рукой. Он немного гордился, что его дочка тоже левша.

— Я, папа, хочу дождаться Алеши.

— Но это будет уже совсем поздно: пароход приходит в двенадцать часов.

— Я все равно, папа, буду ждать, — настойчиво сказала Таня.

Бесполезно было бы ее переубеждать, и, откровенно говоря, ему не хотелось этого делать. Его и самого волновало, как она встретится с Алешей. Это будет ее первая встреча с тринадцатилетним братом, который жил в городе с другой мамой. До этого бывшая жена Грекова наказывала его тем, что не отпускала к нему сына. И вдруг она сменила гнев на милость.

— Хорошо, Таня, позови к телефону маму.

Однако не так-то просто было справиться с Таней, когда она завладевала трубкой. Ее дыхание участилось. За этим обязательно должен был последовать один из ее вопросов:

— Сейчас, папочка, позову. Кстати, ты где?

И это слово «кстати» она могла унаследовать только от того, кто чаще других в их доме разговаривал по телефону.

— Я сейчас, Таня, иду на правый берег.

И тут же он пожалел о сказанном, потому что она немедленно зловеще просвистела:

— К Федору Ивановичу Цымлову?

— Мне, Таня, некогда. Иди и позови маму.

— Сейчас... Если только ты пообещаешь мне привезти эту монету, — медленно сказала Таня.

Он искренне изумился:

— Какую, Таня, монету?

— Ты уже забыл? — Ее дыхание в трубке стало совсем учащенным. — На этот раз я заставлю тебя ее привезти.

Теперь он вспомнил. Как-то дома за ужином он рассказывал, что земснаряд, намывая в плотину песок, вымыл из-под кручи глиняный горшок с древними монетами, и тогда же неосмотрительно пообещал одну из них привезти Тане. Боясь, что она может заплакать, он быстро проговорил в трубку:

— Обязательно, Таня, привезу.

— Не забудешь?

— Ни за что не забуду. Но только на время. Ее нужно будет сдать в музей.

— Я, папа, только поиграю ею и отдам.

Трубка кричала так громко, что в будке было слышно каждое слово. Усман слушал их разговор и улыбался.

— Теперь, Таня, зови маму.

Оказалось, и на этом ее претензии к нему не кончились.

— Ты, папа, не так меня попросил.

— А как я должен попросить?

— Ты забыл сказать «пожалуйста».

Он покорно сказал:

— Пожалуйста, Таня, позови к телефону маму.

Вот только когда он услыхал в трубке, как она спрыгнула со стула на пол и ее голосок заверещал вдали от трубки:

— Мамочка, иди скорей, тебя зовет к телефону папа.

В ответ послышались те шаги, которые он узнавал даже по телефону.

— Я, Вася, слушаю тебя.

Он спросил у жены, не сможет ли она встретить Алешу, если его задержит что-нибудь неотложное.

— Конечно, Вася, смогу, но ты постарайся не задержаться.

И опять повторилось то же, что испытал он, разговаривая с Таней: он представил себе глаза жены. Они были такие же, как у Тани, серо-зеленые, но только как будто с грустью. Когда Греков спрашивал у жены, о чем она грустит, она, смеясь, отвечала, что это ему кажется.

Он вышел из будки и тихо пошел на правый берег. Ему нравился этот путь трассой плотины, местами уже намытой, местами еще только угадываемой по тем эстакадам, которые воздвигались для пульповодов на картах намыва. Вечер уже сполз со склонов восточных холмов в пойму Дона, окутывая сизой мглой рассыпанные по зелени займища белые острова станиц и темные острова уже поредевших вербных лесов и левад. Оттуда докатывался глухой гул: это саперы выковыривали аммоналом из земли пни деревьев, вырубаемых перед затоплением поймы.

Дон изгибался посредине займища, блистая чешуей, как большая рыба. Над всем этим волнистой грядой нависал правый берег. Недаром на ранней заре Руси по всей этой бугристой цепи стояли сторожевые посты против хазар, половцев, нагайцев и татар. Не одна голова в феске, в чалме и в железном шлеме скатилась с этих крутых суглинистых яров прямо в донские волны.

Так же, как и тогда, несся по низменной степи, закусив удила, ветер. Так же он гикал и бубенчато рассыпался над руинами того самого хазарского городища, где археологи теперь снимали лемехами бульдозеров и сдували кисточками древний прах с надгробных плит, спеша прочесть письмена предков, пока еще не скрылась навсегда под водой эта донская Атлантида.

* * *

Но Цымлов, должно быть, уже давно устал ждать его на правом берегу, а он идет себе не спеша, любуясь пейзажами степи и стройки. Конечно, никогда не устать ему любоваться ими, особенно когда наступает вечер и огни, загораясь на эстакаде, в котловане, на шлюзах и на проране, постепенно обрисовывают контуры всей стройки, а потом к ним присоединяются мерцающие точки станиц и хуторов, красноватое свечение костров в пойме, где жгут пни, и, наконец, огни археологической экспедиции на развалинах древней крепости.

Какое-то из этих светящихся озер принадлежит и станице Приваловской. Скорее всего, самое крайнее слева, у Дона. Вот это, должно быть, фонари у правления колхоза, а четыре ручья, впадающие в озеро с разных сторон, — цепочки улиц. Конечно, правление давно уже размещается в новом доме, а не в здании бывшего атаманского правления, где чуть было не сгорел в феврале 1930 года вместе с бригадой крайкома Греков. Подперли кольями все двери, а рамы окон снаружи облили керосином и зажгли. Пришлось уполномоченным крайкома по коллективизации выпрыгивать из горящих окон.

Теперь там давно уже все устоялось. И вот опять все должно прийти в движение, стронуться с места. Как только перекроют русло Дона и вода начнет заполнять пойму, Приваловская окажется под угрозой затопления в числе первых.

Он не знал ничего красивее этих огней, внезапно вспыхивающих в вечерней степи, как будто чья-то рука разбрасывала их по обоим берегам Дона. И вообще он не возражал бы до конца своей жизни остаться строителем, если бы не все тот же самый в о п р о с, от которого он только что поспешил незаметно уйти из юрты. Себе-то он мог признаться, что ускользнул, а проще сказать, дезертировал, как только почувствовал, что разговор на собрании принимает тот оборот, когда все взоры неизбежно должны будут обратиться в его сторону. Он видел, как Вадим Зверев уже начинал прицеливаться к нему, и счел за самое благоразумное вовремя исчезнуть. В тридцатом году не бегал, когда его обстреляли из виноградных садов у Дона, был и на фронте, а тут сбежал.

А что ему оставалось делать, если он так и не смог бы ответить им на э т о т вопрос?.. Если он и сам еще не нашел на него ответа?

Тем охотнее встречался он всегда с начальником правобережного района Цымловым, который, кажется, не склонен был отмахиваться от этого вопроса сводом законов. В голосе у Цымлова, когда он позвонил в политотдел, Грекову послышалось нечто такое, что должно бы заставить его поторопиться. Разговаривая по телефону, Цымлов больше обычного растягивал слова, чтобы не заикаться, а это бывало у него только тогда, когда появлялись серьезные основания для волнений.

И, спустившись на дорогу к машине, Греков

Copyrighted material

„Орла с печати соскоблить..."

В Историческом музее имеются небольшие ящички. В них — карточки с фамилиями тех, кто в 1917 году сражался на Дворцовой площади у Зимнего, брал Московский Кремль, завоевывал власть Советам в Красноярске и Уфе, Перми и Киеве, а потом боролся за нее против Дутова, Колчака, Деникина, Врангеля; тех, кто в 1920 году принимал план ГОЭЛРО, а в первую пятилетку строил Днепрогэс, поднимал целину колхозов, рыл котлован под цех «Уралмаша». Словом, это фамилии тех, кто завоевывал, отстаивал, строил наше счастье.

В Москве есть несколько домов, где живут старые большевики. Стучись в любую дверь — не ошибешься, найдешь много интересного. Пусть у хозяев квартиры не сохранились вещи и документы — война, переезды, годы, — но сколько замечательных рассказов о прошлом! Слушай, пиши.

Вот так, побывав в доме № 12 в переулке Стопани, у одного из жильцов я получила совет: «С Рихтером поговорите, у него должны быть интересные документы».

...Старый большевик Адольф Генрихович Рихтер положил передо мной большой, сложенный вдвое лист. Вверху — фотография Рихтера, под фотографией красная линия зачеркнула слова: «По указу Его Величества Государя Императора Николая Александровича, самодержца Всероссийского, и пр., и пр., и пр.», — а вместо этого впечатано тоже красным: «По указу Временного Российского Правительства». И дальше каллиграфическим почерком выведено: «Показатель сего российский подданный Адольф Генрихов Рихтер, политический эмигрант, отправляется в Россию. В свидетельство чего и для свободного проезда дан ему от меня сей Паспорт с приложением печати Российского Генерального Консульства. Лондон, сего апреля 14/27 числа 1917».

Сорок пять лет хранит Адольф Генрихович этот документ — пропуск в Россию без царя, в Россию революционную.

— У тридцати такие паспорта были, — говорит хозяин, — а теперь, видно, только у меня остался. Знаете, как я узнал о Февральской революции в России? Вышел на улицу ранним холодноватым утром — я тогда работал в Лондоне на заводе — и увидел: на тротуаре мелом выведено: «Революция в России!». Остановился как вкопанный, даже не сразу как-то осознал, что произошло, а потом выхватил у газетчика газету, а там те же слова: «Революция в России!». Все мы, эмигранты, больше и дня не хотели ждать. Выбрали представителей — Максима Максимовича Литвинова, Яна Петерса, — отправили их в консульство с одним наказом: пусть скорее выписывают документы для возвращения в Россию. Были в консульстве паспорта старого образца, знаете: «и пр., и пр., и пр.,» — с двуглавым орлом на печати. Мы потребовали: забить все эти слова к черту, орла с печати соскоблить и вручить нам революционные паспорта в ближайшие дни. Не так-то просто было выехать: английское правительство, военное министерство, министерство иностранных дел, сыскная полиция — все препятствовали нашему возвращению, и все-таки мы добились своего: паспорта получили без «орла» и 14 апреля уже имели разрешение на выезд.

Ехали эмигранты морем; шел корабль к Романовскому (Мурманскому) порту, и было решено при подходе к гавани поднять алый стяг. Вместе с политэмигрантами возвращались в Россию моряки крейсера «Варяг». Они-то и раздобыли красное полотнище. 1 мая 1917 года под красным знаменем подошел корабль к Мурманску.

Эта маленькая история одного документа — память о славных делах и трудной борьбе.

Я. ШОРР

велел шоферу ехать побыстрее. Вскоре колеса прогудели по наплавному мосту через Дон, и машина, взревев, полезла на кручу.

* * *

Он не видел Цымлова с тех самых весенних дней, когда ледоходом угрожало снести железнодорожный мост через Дон, по которому из центра страны шел на стройку основной поток грузов. Поля льда надвигались с верховьев на временные деревянные быки. Цымлов тогда протянул на мост связь и трое суток командовал обороной. Люди и баграми отпихивали льдины от быков и, спускаясь с быков на лед, ставили динамитные шашки. Гремучие взрывы их вместе с лаем минометов, из которых солдаты разбивали лед, опять напоминали местным жителям о войне.

Но и тогда Греков не видел Цымлова таким мрачным. Греков решил, что это абажур настольной лампы, отбрасывая на его лицо зеленый свет, обвел сумеречными тенями и его большие, навыкате глаза, но тут же убедился в своей ошибке.

— Мои опасения, Василий Гаврилович, оправдались,— привставая за своим столом в конторе района, без всякого предисловия заговорил Цымлов.

— Какие, Федор Иванович, опасения?

— Слух подтвердился.

И опять, поднимая брови и морща лоб, Греков тщетно попытался призвать на помощь память.

— Какой слух?

— Помните, я вам говорил о возможности прибытия к нам...

Складка на лбу у Грекова разгладилась, и он перебил:

— Ну да, помню! Ну?!

Цымлов с торжественностью поклонился.

— Можете меня поздравить. С последней партией их величество изволили прибыть.

Со стороны могло бы показаться, что он тяжеловесно шутит. Но Греков знал, что Цымлову теперь не до этого.

— Значит, это все-таки не сказки?

— О чем, Василий Гаврилович, сказки?

— О том, что у них все еще существуют свои короли, атаманы и тому подобная знать.

— И да и нет. Называются они чаще всего просто по кличкам, но дело не в названии. Атаманом его назовите или королем, но это и есть тот, кто владеет у них, так сказать, булавой. По праву сильнейшего. Кто самый хищный, у того и влияние. И борьба за это влияние идет не на живот. А сейчас она, по моим соображениям, приобретает особенно жесткие формы.

— Почему, Федор Иванович, сейчас?

Сидя у стола в кресле, Греков всматривался в притененное абажуром лицо Цымлова. Широкое, с крупными чертами, оно могло бы показаться суровым, если бы большие и словно чем-то удивленные глаза не смягчали его своим наивным выражением.

— По-моему, Василий Гаврилович, потому, что все эти атаманы и короли почувствовали, как их влияние на всю остальную шпану резко падает. Им еще удавалось поддерживать его до тех пор, пока труд не сулил их подданным никаких благ и они отлынивали от него. Все равно надо было отбывать срок. А когда они увидели, что труд — это досрочный пропуск на волю, все их повиновение атаманам и королям затрещало. Теперь, как вы знаете, каждый сам требует: давай работу. Шутка ли, за день хорошего труда ему сбрасывается два, а то и три дня срока. Откровенно говоря, не нравится мне эта система зачетов, по которой и закоренелый преступник и тот, кто случайно ошибся, оказываются в равном положении. Но факт остается фактом. Теперь они сами требуют, чтобы их послали на стройку или на завод. Не их принуждают к труду — они сами рвутся к лопате и к баранке самосвала. К тому же зарплата идет копейка в копейку, хочешь — откладывай ее на книжку, хочешь — отсылай семье. И можно понять, почему ударили в набат все эти атаманы. Они еще оставались сравнительно спокойными, когда это не затрагивало их, так сказать, основных кадров, а когда дрогнул и этот мир, атаманы решили принять свои меры. И вот вам одна из этих мер: просочился сквозь все фильтры.

— И нельзя сказать, чтобы вовремя.

— Еще бы!

— Вы его уже видели?

— Тогда бы все было проще. Но влияние его мы уже чувствуем.

— Например?

— Например, на того же Молчанова.

— Не может быть!

— Мне самому не хотелось верить. Вы знаете, какой это был орешек. И вот, когда уже появилась реальная надежда...— И, вдруг умолкая, Цымлов злобно оглянулся.

Открылась дверь, в мокром клеенчатом дождевике вошел его заместитель Козырев.

— А я сидел, штудировал четвертую главу «Краткого курса», вижу, ваша машина пробежала,— сказал он, пожимая руку Грекова широкой твердой ладонью и ослепительно улыбаясь белозубой улыбкой.

— Опять? — присматриваясь к его дождевику, спросил Цымлов.

— Как из ведра,— откидывая на плечи капюшон, подтвердил Козырев.— А я вижу, остановилась она у конторы. Дай, думаю, загляну на огонек.

— Вот еще печаль номер два,— еще больше помрачнев, сказал Цымлов.— И синоптики обещают дожди на весь месяц.

— Ай-я-яй, перед засыпкой прорана! — подхватил Козырев, снимая фуражку и приглаживая ладонью медно-желтые, мелко курчавые волосы.— Еще, чего доброго, повысится уровень в Дону. А какая же, Федор Иванович, печаль номер один?

— Да вот я только что говорил товарищу Грекову, что некого оставить у телефонов, сходить пообедать,— неожиданно сказал Федор Иванович, вставая.—Каждую минуту может позвонить Автономов.

— Сам?

— В такое время он может позвонить и сам. А начальник района сиди у телефона и жди. Как будто сводку не может передать диспетчер. И себе отдыха не дает и другим.

— Юрий Александрович всегда хочет лично чувствовать пульс стройки,—взглядывая на Грекова, со строгой улыбкой сказал Козырев.

— Идемте, Василий Гаврилович.—И, уже берясь за ручку двери, Цымлов обернулся.— Сведения о проране на столе, а на карты намыва еще нужно позвонить.

— Сделаю,— заверил его Козырев.— А вы, Федор Иванович, передайте Галине Алексеевне мой пионерский привет.

Продолжение следует.

Copyrighted material

В. Басов (Москва). ПРОСПЕКТ МИРА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Г. Нисский (Москва). АЭРОДРОМ.

Copyrighted material

А. Дейнека (Москва).
ПОКОРИТЕЛИ КОСМОСА.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Copyrighted material

Г. Нисский (Москва).
ПОДМОСКОВНАЯ НОЧЬ.

Всесоюзная художественная выставка 1961 года.

Copyrighted material

НОВЫЕ СТИХИ

Евг. ЕВТУШЕНКО

МОНОЛОГ БИТНИКОВ

Двадцатый век нас часто одурачивал,
нас, как налогом, ложью облагали,
идеи с быстротою одуванчиков
от дуновенья жизни облетали.

И стала нам надежной обороною,
как едкая насмешливость мальчишкам,
не слишком затаенная ирония,
но, впрочем, обнаженная не слишком.

Она была стеной или плотиною,
защиту от потока лжи даруя,
и руки усмехались, аплодируя,
и ноги ухмылялись, маршируя.

Могли писать о нас, экранизировать
написанную чушь — мы позволяли,
но право надо всем иронизировать
мы за собой тихонько оставляли.

Мы возвышались тем, что мы презрительны.
Все это так, но если углубиться,
ирония, из нашего спасителя
ты превратилась в нашего убийцу.

Мы любим лицемерно, настороженно.
Мы дружим половинчато, несмело,
и кажется нам наше настоящее
лишь прошлым, притворившимся умело.

Мы мечемся по жизни. Мы в истории,
как Фаусты, заранее подсудны.
Ирония с усмешкой Мефистофеля,
как тень, за нами следует повсюду.

Напрасно мы расстаться с нею пробуем.
Пути назад или вперед закрыты.
Ирония, тебе мы душу продали,
не получив за это Маргариты.

Мы заживо тобою похоронены.
Бессильны мы от горького познанья,
и наша же усталая ирония
сама иронизирует над нами.

Нью-Йорк.

* * *

Ты начисто притворства лишена,
когда молчишь со взглядом напряженным,
как лишена притворства тишина
беззвездной ночью в городе сожженном.

Он, этот город,— прошлое твое.
В нем ты почти ни разу не смеялась,
бросалась то в тряпье, то в забытье,
то бунтовала, то опять смирялась.

Ты жить старалась из последних сил,
но, отвергая все живое хмуро,
он, этот город, на тебя давил
угрюмостью своей архитектуры.

В нем изнутри был заперт каждый дом.
В нем было все недобро умудренным.
Он не скрывал свой тягостный надлом
и ненависть ко всем, кто не надломлен.

Тогда ты ночью подожгла его.
Испуганно от пламени метнулась,
и я был просто первым, на кого
ты, убегая, в темноте наткнулась.

Я обнял всю дрожавшую тебя,
и ты ко мне безропотно прижалась,
еще не понимая, не любя,
но, как зверек, благодаря за жалость.

И мы с тобой пошли... Куда пошли?
Куда глаза глядят. Но то и дело
оглядывалась ты, как там, вдали
зловеще твое прошлое горело.

Оно сгорело до конца, дотла.
Но с той поры одно меня тиранит:
туда, где неостывшая зола,
тебя как зачарованную тянет.

И вроде ты со мной и вроде нет.
На самом деле я тобою брошен.
Неся в руке голубоватый свет,
по пепелищу прошлого ты бродишь.

Что там тебе? Там пусто и серо!
О, прошлого таинственная сила!
Ты не любила прошлое само,
ну, а его руины полюбила.

Могущественны пепел и зола,
они в себе, наверно, что-то прячут.
Над тем, что так отчаянно сожгла,
по-детски поджигательница плачет.

НАД ЗЕМНЫМ ШАРОМ

Я улетаю далеко
и где-то в небе тонко таю.
Я улетаю нелегко,
но не грущу, что улетаю.

Я удаляюсь от всего,
чем жил и жил, не утоляясь,
и удивляюсь, отчего
я ничему не удивляюсь.

Так ударяется волна
о берег с гулом долгим-долгим,
и удаляется она,
когда считает это долгом.

Я над сумятицею чувств,
над миром ссорящимся, нервным.
Лечу. Или, верней, лечусь
от всех земных болезней небом.

Мне очень хочется прикрас.
И возникают, потрясая,
Каракас, пестрый, как баркас,
и каруселью — Кюрасао.

Но вижу зрением другим,
как продают и продаются
и как над самым дорогим,
боясь расплакаться, смеются.

Он проплывает подо мной,
неся в себе могилы чьи-то,
помятый жизнью шар земной,
и просит всем собой защиты.

Он кровью собственной намок.
Он полон болью сокровенной.
Он словно сжатое в комок
страданье в горле у вселенной.

Повсюду базы возвели,
повсюду армии, границы
и столько грязи развели
на нем, что он себя стыдится.

Но был бы я всецело прав,
когда бы, сумрачности полный,
в неверье тягостное впав,
узрел на нем одну лишь подлость?!

Да, его топчут подлецы,
с холодной замкнутостью глядя,
но, сев на взрытые пласты,
его крестьяне нежно гладят.

На нем окурки и плевки
всех подлецов любой окраски,
но в мглистых шахтах горняки
его похлопывают братски.

На нем, беснуясь, как хлысты,
кричат воинственно, утробно,
но по нему ступаешь ты
на каблучках своих так добро!

И пусть он видел столько бед
и слышал столько словоблудья,
на нем плохих народов нет
и только есть плохие люди.

Вращайся, гордый шар земной,
и никогда не прекращайся!
Прошу о милости одной —
со мной подольше не прощайся.

Но даже после смерти я
в тебя войду твоею частью,
и под гуденье бытия
со мной внутри ты будешь мчаться.

Тобой я стану, шар земной,
и, словно доброе знаменье,
услышу я, как надо мной
шумят иные поколенья.

И я, для них сокрыт в тени,
ростками выход к небу шаря,
гордиться буду, что они
идут по мне — земному шару.

[1] Битники — определенная часть западной молодежи, противопоставляющая себя буржуазному обществу. Это своеобразный протест, но протест пассивный, зачастую ограничивающийся бездейственной иронией.

ИЗ СОЛНЕЧНОГО КАМНЯ

Самолет этот, конечно, много меньше настоящего, но делали его художники-камнерезы Г. Горшков и В. Митянин строго по чертежам. Работа художественная и точная.

Изделия янтарного комбината Калининградского совнархоза широко известны: это бусы, брошки, запонки, браслеты, мундштуки.

Камнерезы Калининграда создают и редчайшие произведения искусства. По проекту главного художника комбината А. Меоса исполнен огромный ларец «Дружба народов». На его крышке — карта СССР из янтаря разных оттенков и фигурка девочки, кормящей голубей.

Собирать необычную люстру по рисунку художника А. Квашнина было трудно. Янтарь — камень очень хрупкий, и крепить из него ожерелья так же, как из хрусталя, невозможно. И художник придумал новый способ крепления янтаря крохотными обручами. Тут автору проекта помог опытный ювелир М. Белов, он-то и осуществил идею Квашнина.

Эту люстру, предназначенную для первого в стране магазина янтаря в Калининграде, украшают более двух с половиной тысяч тщательно отшлифованных янтарных шестигранников; самый крупный из них весит 10 граммов. Когда загорается лампочка, каждый камешек вспыхивает теплым огоньком, и кажется, будто он сам излучает мягкий золотистый свет. Недаром янтарь издавна называют солнечным камнем.

Изделия из солнечного камня нравятся, конечно, не только в нашей стране. Правда, несколько лет назад они еще мало вывозились за границу. Сейчас же список стран, покупающих в Советском Союзе янтарь, весьма велик: Швейцария, Польша, Финляндия, Болгария, Югославия. Янтарные изделия отправлены в Японию и Соединенные Штаты Америки.

А. КОРУЗЕВ

Художники-камнерезы Калининградского янтарного комбината Г. Х. Горшков и В. М. Митянин.

Фото В. Кабула.

Copyrighted material

Мыс Раманон

Рассказ

Анатолий ТКАЧЕНКО

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ.

Стелла Ивановна сказала:

— Ребята, напишите сочинение. Расскажите, как вы провели лето, что видели, где жили.

Она села и раскрыла книжку, но читать раздумала. Вырвала из тетради листок и стала рисовать. Она всегда что-нибудь рисовала: чаек, деревья, горы...

Петька Трушин смотрел на ее черные, опущенные ресницы, розовые губы, щурился на маленькое солнце на ее золотых часах и думал. Думал, что очень красивая досталась пятиклассникам учительница, пожалуй, такая же, как у капитана с «Оскола» жена, только та в голубых брючках ходит и папиросу курит...

И звать Стелла Ивановна. Что такое Стелла? Наверно, очень красивое что-нибудь. Потом думал о сочинении и, когда учительница понемногу забылась, начал писать:

«Татарский пролив—старик, он из воды весь и с белой бородой. Мыс Раманон — тоже старик, только каменный и зеленые волосы (из травы) имеет. Третий — Маяк, белый, высокий и светит по ночам сильным прожекторным глазом. Старик Татарский пролив шумливый, как пьяный мужик, и кидается всегда на старика Раманона. Бьет его, наверно, кулаками и опутывает белой бородой. Старик Раманон ворчит, кряхтит и не сдается. Только в самом низу, где у него пещера, гремят и отрываются камни: это, наверно, его зубы. Дерутся эти два старика, что они делят — никто не знает. Не знает и старик Маяк. Он все смотрит по ночам одним глазом, старается распознать что-то, и никак не может, и мигает пароходам, чтобы знали, что здесь дерутся два старика, и не подходили близко. А бывает, тихие станут они. Старик Татарский пролив лижет разбитые щеки Раманона, вползает ему водой в пустой рот, булькает там, шуршит галькой, шепчет что-то, забавляет, наверно. Раманон дремлет, греет волосы свои зеленые (из травы) и про что-то думает. Тогда я прихожу на самый его лоб, смотрю вниз на водяного старика. Вижу бороду, зеленую, она шевелится, в ней плавают рыбки — старик позволяет. А как рассердится он — борода белеет, пенится и цепляется за камни. Лоб у Раманона теплый, другой старик смеется и ластится водой. Но я не верю. Не верит и Маяк. Белый, холодный (особенно внутри), он стоит один и не верит. Никто не верит. Отец мой, начальник маячный, хмурится и ожидает чего-то нехорошего; радист Петр старается побольше загореть, лежит около рубки; моторист хромой Иннокентьев — это мой дед — подкатывает бочки с горючим к моторному домику, проверяет разную свою снасть, чтоб потом на холоду не бегать. И женщины все не верят — стирают, сушат, вытряхивают ковры. Мать меня кличет, гонит за водой. И правильно делает. Потому что скоро, на эту или другую ночь, старик Татарский пролив сначала зашумит, заворчит, а потом набросится на каменного Раманона, будто вспомнит какую-то злость. А Маяк про себя улыбается — он-то не верил — и смотрит на двух страшных стариков и, наверно, догадывается про что-то...»

Зазвенел звонок, резко, громко, так, что Петька Трушин вздрогнул и ткнул в тетрадь пером — получилась жирная точка. Петька глянул на Стеллу Ивановну — она медленно поднималась, не отрывая глаз от книжки и одергивая рукой кофточку. Маленькое солнце на золотых часах мигало, как луч крошечного золотого маяка. Вот сейчас она скажет: «Дежурный, собирайте тетради!» И Петька быстро дописал:

«Вот так я прожил лето».

После уроков арифметики и географии Петька Трушин пошел в столовую, пообедал на 54 копейки: щи, плов и компот,— потом, подумав, выпил еще стакан «Сахалинского освежающего». На улице постоял около киоска, где маленький крикливый старик торговал кедровыми семечками. Хотел купить стакан, но, увидев, как трясутся у старика руки и как он ловко смахивает «верх», рассердился и пошел домой.

Дом Петьки был у бабки Сидорченки. С первого класса Петька жил зимами в комнатке за печкой, и бабка брала с него «схожую» плату. А в этом году бабка подселила Глеба Самохина, шестиклассника, выбросила старый диван и поставила еще одну койку. Он парень ничего, только длинный очень, такой, что ноги его всегда выползают из-под одеяла, мерзнут, и Глеб кричит во сне: ему кажется, что он замерзает в Арктике. Он запоем читает приключенческие книги. И любит шляться по поселку и обзываться словечком «чувак». Сначала Петька ругался с ним, говорил на все: «Да пшел ты...»,— а теперь привык и решил жить вместе, пока Глеб не окончит десятилетку.

Глеб был дома, и бабка Сидорченко ругала его.

— Отдай, говорю, деньги! — кричала она, терзая толстыми руками цветастый фартук.

— Бабуся, да я же сказал, потом,— жалобно отвечал Глеб и так кривил свой рот, будто вот-вот заплачет.

— Отец послал тебе на квартплату, куда задевал? — краснела бабка Сидорченко.— Отдай, говорю, не то выставлю на мороз, стиляжка несчастный!

А какой Глеб стиляжка? Только штаны узкие, да и то купил на барахолке, а пиджак, наверно, довоенной моды, с плечами на вате, как у школьного завхоза в праздничный день. Надо было давно вытащить эту дурацкую вату.

Петька бросил ранец на койку, полез в карман и отсчитал бабке три рубля. Бабка Сидорченко ласково взяла деньги, погладила Петьку по голове, хотела чмокнуть мокрыми губами. Петька увернулся. Бабка вздохнула и сказала Глебу:

— Ты, Самохин, смотри у меня... Я строгая...

Бабка повернулась и пошла за дверь. Седые, скрученные в узел волосы, широкая спина, толстые ноги в суконных шлепанцах — все было очень строгое.

— Благодарю,— сказал Глеб, выставил вперед длинную худую ногу и пожал Петьке руку.— Знаешь, что говорил в такие моменты капитан Ван Тох из «Войны с саламандрами»? «Thanks[1], черт побери!» Я поиздержался, купил китайскую авторучку, 7.50 всего, зато вещь, перо золотое. На, подержи.

Но подержать не дал, повертел, поиграл блестящим наконечником перед глазами и сунул ручку в карман пиджака.

— Знаешь, пойдем-ка работнем, говорят, корюшка речку запрудила, у моста котел. Бери сачок.— Глеб продел лохматую голову сквозь толстый спортивный свитер.— Законно. После уроков два часа каждый учащийся должен вдыхать воздух.

Пошли. Петька нес сачок, а Глеб рассказывал, как капитан Ван Тох подружился с саламандрами и научил их нырять на дно моря за жемчужными раковинами. Саламандры смешно кричали: «Ван Тох! Ван Тох!» И бросались в капитана жемчужинами, как горохом. Интересно, конечно. Петька решил сам прочитать «Войну с саламандрами».

Море шумело холодно и неприютно; послушаешь — и морозцем прохватывает. Небо мутное и тоже холодное, из такого неба в любую минуту может посыпать снег. О снеге напоминают белые хрупкие забереги на речке, сухой ледок в тени домов. А позавчера Петька чуть не заплакал: так жалко стало лета. Всем классом они ходили на рыбокомбинат: был урок-экскурсия, там им показали холодильник. В холодильнике было теплее, чем на дворе, пахло свежей рыбой, теплым берегом...

Глеб и Петька спустились под мост. Здесь никого не было. Рыбаки взмахивали сачками ниже, у забора рыбокомбината. Оттуда несло дымком костра.

— Труш,— сказал Глеб,— давай сачок!

Он сунул сачок в глубокую яму, где кружи-

[1] Спасибо (англ.)

Copyrighted material

лась, взбугривалась и щелкала пузырями вода, поводил проволочным ободом, будто нащупывая что-то на дне, и, как поварешку, выхватил сачок из воды.

В сетчатом мешке шелестела корюшка. Глеб вытряхнул ее на песок — сильно запахло свежими огурцами — и снова метнул сачок в яму. Корюшка стыла на песке, умирал ее цвет, умирал запах. Глеб черпал и черпал, потом заморился и отдал сачок Петьке. А когда и Петька стал утирать рукавом пот, решили кончать. Рыбу уложили в обледенелый, будто стеклянный сачок, Глеб перекинул его через плечо и, пригнувшись чуть не до земли, полез в гору.

На мосту отдохнули и пошли потихоньку.

— Вот корюшка,— говорил Глеб, размахивая рукой,— маленькая рыбешка, а вкус — что надо. Все ее едят: и мы с тобой, и твоя учительница, и капитаны дальнего плавания, и летчики... И космонавты будут есть, только дай. Вот, знаешь, поджарить бы на сливочном масле и Гагарину с Титовым сюрпризик! Небось, ничего такого и не нюхали. Как думаешь? То-то! Вот бы благодарили! А нам что благодарность? Нам бы в космос. Помогите, скажем...

У киоска закоченевший, скрюченный старик торговал семечками, он уже не кричал, только жалобно улыбался и заглядывал в глаза прохожим.

— Продадим ему половину,— сказал Глеб и крикнул: — Дед, купи рыбки, свеженькая, завтра продашь!

Старик дал полтора рубля, но отсыпал больше половины, может, вытряхнул бы все, но Глеб поймал его за руку и ласково посмотрел в глаза. Старик сразу потерял интерес к сачку и стал улыбаться прохожим.

Один рубль Глеб отдал Петьке, в счет долга, пятьдесят копеек оставил себе на обед. В сенях они, гремя, сняли сапоги, позвали бабку Сидорченко и отдали остаток рыбы. Бабка рыбу взяла, а Глебу все-таки погрозила:

— Смотри у меня, Самохин! Я строгая.

Весь вечер бабка жарила корюшку. Петька и Глеб делали уроки. Было тихо, тепло, как дома. И бабка не кричала: «Тушите энергию, не то по рублевке накину!»

Перед уроком русского языка всем раздали тетради. Не было Петькиной, и не получила свою тетрадь Зиночка, беленькая худенькая девочка по прозвищу «Льдинка». Она очень волновалась, испуганно мигала своими большими белыми глазами и царапала ноготками крышку парты. Петька думал, что его тетрадь просто забыли.

Пришла Стелла Ивановна, принесла книгу и две тетради. Книгу и одну тетрадь бросила на стол, вторую раскрыла и близко поднесла к глазам: она была немножко близорукой. Сразу и сердито стала читать:

— «Татарский пролив — старик, он из воды весь и с белой бородой. Мыс Раманон — тоже старик, только каменный и зеленые волосы (из травы) имеет. Третий — Маяк, белый, высокий и светит по ночам сильным прожекторным глазом. Старик Татарский пролив шумливый, как пьяный мужик, и кидается всегда на старика Раманона...»

Стелла Ивановна замолкла, строго оглядела класс и тихо спросила:

— Что это за старики? Камни — старики, волны — старики. Может быть, ты сам, Трушин, старик?

— Старик! — взвизгнул от радости кто-то на задней парте, и Петька вздрогнул от догадки: прозовут «Стариком»!

— «Старик, Старик!» — захихикали девчонки.

— Кто назовет одушевленные и неодушевленные предметы? — спросила Стелла Ивановна.

Поднялось много рук, а девочки на разные голоса тихо выговаривали: «Я... я... и я...»

— Видишь, Трушин, все знают.

Стелла Ивановна взяла тетрадь Зиночки-Льдинки, полистала и начала читать:

— «Летом я жила у бабушки. У бабушки есть огород. На огороде растут лук, морковка, огурцы и капуста. Я поливала грядки, помогала бабушке. Лук, морковка, огурцы и капуста выросли хорошие. Мы с бабушкой солили капусту. Потом ходили за грибами. В лесу пели птицы...»

Дальше Зиночка рассказала, как они с бабушкой мариновали грибы, варили брусничное варенье и связали к зиме Зиночке варежки и носки. Свое сочинение она кончила предложением: «Я поправилась на 1 кг».

Петьке понравилось сочинение. И всем понравилось — такое чистое, без ошибок, такое нежное, как сама Зиночка. Петькин сосед, Василий Степин, молчаливый и всегда какой-то немножко заспанный, не вытерпел и сказал:

— Вот это да! Учись, Старик.

Петьке передали тетрадь, и пока она шла от парты к парте, все заглядывали в нее. Петька посмотрел на двойку, большую, жирную, по ней несколько раз прошелся карандаш. Петька подумал: «Такую двойку ставят, наверно, когда очень радуются или сердятся».

Стелла Ивановна сказала:

— Ребята, а теперь попробуем написать о родителях: кто они, где работают, как вы им помогаете дома. Лучшие сочинения мы вывесим в классной стенной газете.

Стелла Ивановна села, раскрыла книгу, взяла карандаш. Петька так долго смотрел на нее, что она почувствовала себя неловко, подняла голову и, хотя Петька уже опустил глаза, уверенно проговорила:

— Пиши, Трушин.

Петька перелистнул страницу, чтобы не видеть двойки, погладил рукой белую прохладную бумагу, подумал о Зиночкином сочинении и начал так:

«Летом я живу у отца и матери. У отца и матери есть огород. На огороде растут картошка и капуста. Огурцы не могут расти, их съедает туман.— Петька подумал и вычеркнул «съедает». Туман — неодушевленный предмет; написал: «Огурцы не могут расти от тумана. Я поливаю капусту, а картошка сама вырастает. Ее только полоть надо и окучивать тоже. Отец не любит полоть. Он старый моряк-боцманюга и терпеть не может эти огороды. Все мамка тяпает да я немножко. Еще я рыбачить люблю. В речке ловлю форель, а в море — окуней. Если из окуней и форели сварить уху, адмиральская еда получается. Отец боцманом служил, он знает, чем питаются адмиралы. Лучше я про отца по порядку расскажу. Он давно, еще когда меня не было, боцманил на «Осколе». «Оскол» — такое судно, которое по маякам ходит, продукты развозит. И вот тогда давно пришел «Оскол» на Раманон. Раманон — это никакой не старик, а просто мыс так называется, говорят, такой мореплаватель был. Пришел «Оскол», и отец на маяк продукты повез на шлюпке, конечно, там мелко около берега. Привез на маяк и мамку мою увидел. Нет, не мамку тогда еще, а просто так, дочку хромого моториста Иннокентьева. Она красивая была, такая вся... симпатичная, и глаза тоже приятные. Наверно, такая, как Вы, Стелла Ивановна. Потому что папка сразу влюбился в нее. Говорит, поедем на ту сторону Татарского пролива. Татарский пролив тоже не старик, просто море в этом месте так называется.

Поедем, говорит, в город жить. А хромой Иннокентьев отвечает: не может она поехать в город, мы потомственные маячные, на разных маяках служили, и тут нам хорошо. И мамка моя, тогда еще просто дочка Иннокентьева, говорит: «Не брошу отца, он у меня последний родной». Боцман, значит, мой отец, уехал от злости. А на другой год опять приехал, увидел еще раз мамку и совсем влюбился, как говорят мореманы, пошел ко дну. И вовсе не ко дну, а перетащил на Раманон свой чемодан и поженился на мамке. Тогда она была еще так, просто дочка хромого моториста Иннокентьева. Свадьба была, отец мамке шелковый платок подарил и туфли «лакировки». Когда приходят гости, мамка теперь показывает платок и туфли, он сердится, а мамка не виновата же, что вещи новые. У нас некуда ходить на танцы. Потом я родился на свет. Это хорошо, что я родился, потому что без ребенка какая семья? И еще хорошо потому, что отец говорит: «Если б не Петька, махнул бы я на волю вольную», — и на Татарский пролив смотрит. Его еще капитан «Оскола» зовет. Теперь у капитана новая жена. Красивая, в голубых брючках ходит и курит. А то тельняшку наденет, как юнга бегает. Она на Вас, Стелла Ивановна, тоже похожа. Вот только брючки носить ей не надо. Все равно женщины штаны не умеют носить, даже стыдно на них смотреть. Из-за меня отец маячный начальник. Да я бы его отпустил, пожалуйста. Я сам вырасту — и на волю вольную. Только мамка говорит: маячные тоже нужны. И жить на маяке можно, только кино редко бывает, а лекций вовсе не бывает. И танцевать женщинам негде. Зато природа хорошая и свежего воздуха много. Мне нравится. И огороды здесь можно иметь хорошие. Все больше мы с мамкой огородничаем, папка у нас терпеть не может это сельское хозяйство. И правильно. Моряк должен море пахать. А я помогаю, поливаю капусту, картошка сама растет. И рыбачить еще люблю, форелька здорово ловится на красного червяка... И грибы у нас есть, и птицы тоже поют в лесу. А поправился я на 3 кг».

Чья-то рука потащила за край Петькиной тетради. Он глянул — дежурный стоял у парты с горкой тетрадей и ждал, когда Петька поставит точку. Петьке хотелось перечитать сочинение, но все шумели, хлопали партами, и Стелла Ивановна уже не читала книгу, а смотрела в окно и нетерпеливо хмурилась. Наверно, был звонок. Петька сразу забыл про все, что написал, бросил дежурному тетрадь и побежал за Василием Степиным — дать ему в коридоре одну горячую за «старика».

— Труш, — сказал Глеб Самохин от порога, ловко метнув пузатый портфель на свою койку, — ты опять сочинение писал? Смешно. Эта училка совсем не перевоспиталась. В прошлом году нас замучила сочинениями. Мне-то ерунда. Я как Чехов, на любую тему, даже про чернилку могу. А ты «два» оторвал! Чувак! Про огород и бабку не можешь сочинить?.. Летом жил у бабушки, у бабушки огород, на огороде капуста... Сочинять надо, понимаешь? Выдумывать, как писатели. Ну, если по-нашему, врать. Ври на «пять». Только не очень длинно — меньше ошибок. Понял?..

Петька понял. За это и нравился ему Глеб. Все он запросто знает. Глебу, пожалуй, и учиться не надо. В мореманы сбежать, на сейнер или на «Оскол», травить концы, драить палубу, красиво материться и за девушками на берегу ухаживать. Вот это жизнь для нормального человека!

Глеб вертелся на стуле, обкусывал зубами ногти на пальцах, косился в маленькое зеркало, которое бабка Сидорченко повесила повыше и с таким наклоном, что казалось: вот-вот оно упадет. Глеб выпячивал грудь, пучил глаза, опустив нижнюю губу, напускал пессимистическое выражение. Когда все это ему надоело, сказал:

— Учащимся полагается свежий воздух. И духовная пища тоже. Согласен? Сегодня два варианта. № 1 — крутить пластинки у одной

Copyrighted material

девочки. Мать с отцом в кино уйдут. Чай будет. Станцевать можно. Чудно танцует девочка. № 2 — кино «Ночи Кабирии». Заграничное. Про любовь и воров.

Петьке не хотелось к девочке. Он очень стеснялся с ними. Он просто молчал и потел. До того молчал и потел, что балдел, злился и убегал. А если не убегал, еще хуже было: ему начинало казаться, что он пьяный мужик, и он начинал идиотски хохотать. А на другой день жалел, что нет пистолета...

Отсчитали пятьдесят копеек, пошли в кино. Хорошо идти в кино. Рядом длинный Глеб. С ним всегда можно молчать. С ним можно поругаться, если надоест молчать, купить бутылку «Сахалинского освежающего», который, говорят, страшно тонизирует, потому что на корнях аралии настроен, разделить сто граммов конфет, съесть у бабки Сидорченки вчерашние прокисшие щи. Глеб никогда не жадничает, не просит лишнего.

У кассы Глеб поднялся на цыпочки, так, что стали видны порванные на пятках носки, изогнулся, влез головой в окно и грубо сказал:

— Прошу два билетика!

Наступило молчание. Петька не смотрел на афишу — пусть не думают, что это его касается: «Детям до 16 лет...» Это дети, которые с матерями живут, которые молоко утром пьют, которые говорят: «Папочка, купи велосипед». А которые сами в столовую ходят, платят за квартиру бабке Сидорченке, продают корюшку...

Хлопнуло деревянное корытце в окошке, и Глеб выдернул оттуда два билета. Петька не удивился. Которые сами ловят корюшку... Потом, может, в космос полетят...

Дождались, пока скопилась очередь, Петька встал на цыпочки, надвинул на глаза кепку, пошел, качаясь сбоку, подальше от контролерши, а Глеб сунул билеты. Получилось просто и толково. Только когда пробирались во второй ряд, чуть не попались на глаза Стелле Ивановне: она стояла в самом проходе и разговаривала с родительницей Зиночки-Льдинки. Зашли с другой стороны, сели, и, пока горел свет, не снимали шапок и не вертели головами. У Петьки вспотела спина, и он думал, что вот сейчас кто-нибудь толкнет сзади, скажет: «Нука, дошестнадцатилетний!..»

А потом погас свет, и по экрану побежала девушка с большими черными глазами, худенькая и, наверно, очень нервная. Через минуту здоровенный парень толкнул ее в речку, схватил сумочку с деньгами и убежал. Девушку спасли, когда она совсем тонула... Девушка сидит на крыльце в своей Италии, обхватила руками плечи, смотрит исподлобья черными несчастными глазами. Она хочет познакомиться с хорошим человеком и выйти замуж... В Италии живет Пепе, который из рассказа М. Горького, он поет песенку «Санта Лючия», ходит по берегу в широких краденых штанах, кидается яблоками. Теперь Пепе, наверно, уже вырос, работает в Риме и, может, скоро увидит Кабирию. Вот бы он познакомился с ней и женился. Он бы не стал сумочку отнимать... Девушка здорово танцует, ее приглашают капиталисты, но все равно ей хочется есть и выйти замуж. Потом ее привез домой богатый киноартист, ей так было хорошо у него. Она много наелась... Пепе каждый день кормил бы ее так. Они бы купили себе домик возле моря, возле тех камней, по которым прыгал Пепе, и лодку бы купили. Пепе пел бы песни и рыбачил, Кабирия продавала рыбу богатым и готовила обед. Потом Пепе сделал бы революцию, прогнал капиталистов в Америку, а Кабирия стала бы заведующей детсадом, и детишки пели бы песню про космонавта Гагарина... К девушке уже пристал другой тип, она смотрит на него черными несчастными глазами и не может угадать, что это просто тип. Такой никогда не сделает революции, такой только к девчонкам приставать умеет. Он сейчас сделает какую-нибудь гадость. Он уже позвал ее куда-то. Он ее ведет, но сейчас что-нибудь сделает. Вот он уже сделал — выхватил у нее сумочку и убежал... И ничего больше. И только большие, на весь экран глаза Кабирии...

Загорелся свет, и Петька стал искать шапку, она оказалась на полу, прижатая ногой Глеба. Наверно, Петька долго искал шапку, потому что Глеб толкнул его плечом: надо выбираться, пока у зрителей глаза не привыкли к свету.

Вместе с теплым паром, пахнущим духами, резиновыми ботами и воротниками, вывалились на улицу. Было лунно и бело. Иней покрыл землю, крыши домов, деревья, иней был похож на пролившиеся дождем и застывшие на земле лунные лучи. Море светилось розно, казалось занемевшим, и красные огни на столбах у рыбокомбината падали вниз, широко расплывались, как на чистом льду.

Сначала не говорили. Не говорили, и когда шли по улице. Около дома бабки Сидорченки Глеб отошел к забору и из темноты сказал:

— Вот гады!..

Вернулся, показал кулак.

— Попробовали б они у меня!..

И еще сказал Петьке:

— Запишись в секцию бокса. Чтобы таких гадов лупить. Сколько раз встретишь, столько налупи!

Было еще не поздно, но уроки решили сделать утром: бабка уже спала, свет действовал ей на нервы. Потихоньку легли, съели прихваченный Глебом на кухне кусок пирога с рыбой, и Глеб уснул, высунув из-под одеяла ноги.

Петька не мог спать. Сев на кровати, он до хруста сжимал кулак и сильно бил в темноту — сшибал с ног гада.

Петька любил географию. И Стелла Ивановна, наверное, тоже любила географию, потому что она рисовала на клочках бумаги колючие горы, пушистые деревья и черные, как змейки, речки. Петька видел ее рисунки, когда выходил к доске, а раз подобрал после урока две сопки, два дерева и кусочек ручья. Сложил вместе — получилась картинка; внизу было написано: «Весна». Еще Стелла Ивановна рисует море: проведет черту, снизу затушует все, а сверху крючков наставит — это чайки. Может, Стелле Ивановне лучше быть географичкой? Тогда бы она на доске рисовала...

За окном идет снег. Если долго смотреть, слепнут глаза. К нижним стеклам уже прилипли снежинки — получились зеркала, в них можно смотреться. Когда первый снег, делать ничего не хочется; надо просто бегать по двору или сидеть и смотреть в окошко.

Стелла Ивановна говорит:

— Учение о звуках речи называется фонетикой. Слова нашей речи состоят из звуков. Например, слово «ты» состоит... — она подходит к окну, на минуту замолкает, щурится, — состоит из двух звуков «т» и «ы», а слово «дом»... — Она выводит на доске «дом», снова подходит к окну; темное платье у нее испачкано спереди мелом, и кажется, что оно осыпано снежинками. — В образовании звуков речи, — тихо говорит Стелла Ивановна, — участвуют легкие, дыхательное горло, гортань...

Петька вздыхает с шипением, «согласным звуком» и смотрит в свою тетрадь. Под сочинением красным карандашом, красивыми сердитыми буквами написано:

«Что за чепуха? Чтоб этого больше не было!»

Правильно написано. Только почему двойки нет? Надо бы и двойку, еще пожирнее первой. Петька не обидится. Сам виноват: начнет сочинение, а потом чепуха всякая лезет. Надо же просто: «У бабушки был огород...» Зачем эти всякие старики, хромой Иннокентьев, «Оскол», брючки у капитанской жены?.. Петьке хочется попросить Стеллу Ивановну, чтобы она никогда не заставляла его писать сочинения. Пусть сразу ставит двойку. Он как-нибудь исправит на диктанте или по устному. Петька и сам не станет больше писать. Все равно у него не получится, как у Зиночки-Льдинки. Ее сочинение повесят в стенгазете. Здорово у нее про родителей, все по порядку: сначала они перевыполняют план на рыбокомбинате, потом дома отец читает газету, а мать готовит ужин, потом они проверяют Зиночкины тетради, потом Зиночка помогает им мыть посуду... И никакой чепухи. Даже у Василия Степина тройка в тетради. Он на тройку сочиняет. Из него, может, тоже со временем выйдет писатель. Он такой сонный и тихий, будто всегда про себя сочиняет.

Петька вздохнул отрывисто, без шипения, и подумал: «Гласным звуком». Гласными охают девчонки, когда получат двойки, гласными они кричат, когда их хватают за косы.

Шел тихий снег, и Стелла Ивановна тихо говорила про гласные и согласные. Ее слова, такие маленькие и чистые, падали, как снежинки. Она, наверно, не любила русский язык. Ей бы только географию да географию... Вот бы приехала на Раманон — там действительно география!..

Как рассказать ей про Раманон? Подойти Петька не сможет: сразу вспотеет и замолчит. Если бы написать без чепухи, как Зиночка... Совсем немножко. Потом дать Глебу подправить. А не получится — пусть Глеб сам напишет.

Петька колеблется: написать или не писать?.. А сам видит ручей — тот самый, из которого на Раманоне берут воду, — на перекате вскипает пена, ветер выбеливает ею берег, а в струях, если наклониться и пить, мелькает форель.

Он вырвал из середины тетради листок, перегнул пополам, чтобы меньше места занимал, положил в раскрытый «Учебник русского языка» и, много раз ткнув в него сухим пером, стал писать:

«Стелла Ивановна, вы, наверно, любите географию. Приезжайте на Раманон. Раманон действительно география. Там все география. И такие ручьи есть, как вы рисуете на бумажках. Только они не черные, они зеленые, и форелька в них живет. А деревья такие пушистые, как у нас бывают, когда иней на них насядет. И сопки бывают такие колючие весной, потому что листьев еще нет. Мой дед, хромой Иннокентьев, говорит, будто листья проклевываются от любопытства посмотреть, какое солнце и какая земля. Когда я был маленьким, я думал, что в каждой почке сидит липкий зеленый цыпленок, а потом стал думать, что по лесу летают птицы и проклевывают почки. На Раманоне первым пускает листья тальник в овраге, за ним ольха. Береза и тополь зеленеют, когда я уже из школы приеду. Дед всегда говорит: «И березы рады тебе, вишь, как наряжаются». Это он по малограмотности, я-то знаю, что деревья неодушевленные. Вы, Стелла Ивановна, когда приедете, не очень с дедом разговаривайте: он отсталый. Пусть только сделает свисток из медвежьей дудки, это он здорово умеет, и все. Отец — другое дело, отец на «Осколе» служил. Он сам покажет маячную башню. Подниметесь когда, голова закружится. Линзу посмотрите. Даже без света на нее больно смотреть, такая блестящая. Хрустальная вся. А я покажу вам пещеру под Раманоном, которая похожа на его рот, там в прилив грохочет вода, отрывает камни. Там можно найти потом живого краба, серого, лохматого, и сварить его на берегу в ведре с морской водой. Краб станет красный и красивый. Надо ломать его лапы, ножом резать панцирь и кушать мясо. Вкусное мясо, вкуснее даже, чем в банках, которые «Снатка» называются. Вечером бывает красиво, когда в Татарский пролив солнце тонет и ветер траву на Раманоне гладит, будто волосы гребешком ему чешет. А потом линза на маяке шевельнется, потихоньку обернется, и загорится маяк. Мигнет маяк в море, посмотрит: в порядке там все, — отдохнет немножко и еще посмотрит. Он, конечно, неодушевленный, но так кажется. Вы, Стелла Ивановна, будете сидеть и мечтать про географию... Приезжайте. Добраться до Раманона легко. Сначала на катере поедем, потом на машине, на лодке переедем речку, потом пешком десять километров. Ерунда!»

Три дня Петька носил в ранце письмо. На четвертый, когда они с Глебом, померзнув на речке, принесли домой полмешка корюшки, Петька вспомнил про него. Достал и дал прочитать Глебу. Руки у Глеба еще не отошли с мороза, он держал их в карманах и читал, согнувшись вопросительным знаком над столом.

На кухне трещало, лопалось масло — бабка Сидорченко жарила корюшку.

— Чувак! — сказал Глеб. — Ты что, девчонка, что ли? Художественный рассказ развел!

Он сходил на кухню, принес спички, чиркнул скрюченными, посинелыми пальцами и поджег письмо. Оно вспыхнуло, осветило сердитое лицо Глеба, и сухой пепел, ломаясь, тлея, рассыпался по комнате.

И правильно.

Стелла Ивановна больше не ставила Петьке двоек. Наверно, он научился писать сочинения.

Copyrighted material

Алексей МАРКОВ

НЕ РАСТРАНЖИРЬ...

Сынок, того не растранжирь,
Что до тебя отцами нажито.
Раздвинь и в даль, раздвинь
и в ширь
Сокровища лесов и пажитей.
И сердца путеводный свет
Не загаси в грошовых
помыслах,
Величья не утрать примет,
Не подмени искусство
промыслом!..

ТЕТЯ ДУСЯ

Тетя Дуся, бабуся,
Чистит утром картошку,
Поет «Летели два гуся...»
Да про стежку-дорожку.
Только больше по нраву
Песня ей про Каховку,
Про ночную заставу,
Боевую винтовку,
Фронтовую тачанку,
Про большие походы,
Пулеметчицу Анку —
Про веселые годы.

На тачанке несется
Не она ли красиво
И в руках краснофлотца
Гнется тонкою ивой?
По лесам, по пригоркам
Колокольчики смеха.
Ходит степью прогорклой
Орудийное эхо.

Тетя Дуся, не сетуй,
Что тачанок не стало,
Что романтики нету...
А бывало, бывало!..

Были косы тугие,
Но уменьшились вдвое!
Просто песни другие.
Просто время другое!

РАЙОННАЯ СТОЛОВАЯ

Районная столовая...
Здесь сам себя обслуживай.
Гремят подносы новые
За завтраком, за ужином.
Бетонщицы проворные,
Жестянщики неловкие,
Веселые, задорные
Процокают подковками.
Пушистою метелицей
За миской алюминьевой
Горячий пар расстелется,
На окна сядет инеем!..
А окна разукрашены
Серебряными елями.
Мы греемся над кашею,
Над теплыми пельменями!..

В другом конце, за ширмою
Проезжие начальники.
Стоят там пальмы жирные,
Белеют умывальники.
Официантки в венчиках,
До блеска накрахмаленных.
Кокетливые плечики,
Затянутые талии...
Хрустальные розеточки...
И в вазах полусонные
Сиреневые веточки,
Изрядно запыленные.
Сирень — бумажка тертая,
Ее пора выкидывать —
Искусственная, мертвая...
Чему же тут завидовать?!

УЕДЕМ

Не завтра. А прямо сейчас
Уедем с тобой на попутных
Подальше от суетных фраз,
Предчувствий знобящих
и смутных.
Там проще и мысли и речь,
Друг в друга мы влюбимся
снова...
Затеплится русская печь
В бревенчатом доме сосновом.
Поставим бочком табурет,
Усядемся рядом в обнимку...
Что нам электрический свет
И стулья с затейливой спинкой?
На окна сияньем зари
Метнутся от пламени блики.
В горящие угли смотри,—
В них смысл есть какой-то
великий.
Смотри и смотри до тех пор,
Покуда тоска не истлеет,
Покуда на стеклах узор
Не станет, слезами алея...
Хрустальный над крышею дым...
Захочешь — потрогай рукою!

Поедем, часок посидим
У русской печи. Успокоит!

ПАМЯТЬ

Я порою так привыкну
Ко всему, что значишь ты,
Вдруг одерну, вдруг прикрикну
С чувством полной правоты,
Кто-то кажется счастливым
Не тебя избравший в путь.
У кого-то очи — сливы,
Губы ярче, выше грудь.

Но припомнится весенний
День, когда пришла ко мне,
День цветения сирени...
Серебрился свет в окне,
Чешуей искрился дождик,
Пыль дорожную кропя...
Я повесил плащ на гвоздик...
И сказал: «Люблю тебя!».

Просто ты мне всех дороже
И тебя красивей нет.
Красота, она ведь тоже
Не на вкус и не на цвет!..

...В час разладов леденящих,
Отупления в крови
Вспоминайте, да почаще
Изначальный свет любви.

ГРАЧИ

Над Историческим музеем,
Где цвета крови кирпичи,
Весенней теплотою вея,
Кружатся шумные грачи.
Прохожим некогда подумать,
Откуда эти птицы здесь,
Над Спасской башней и над
ГУМом,
Как будто рядом гнезда есть...
Наитье древнее влечет их
Сюда, где роща в полный рост
Веками поднималась в сотах,
В добротных сотах грачьих
гнезд.

И слышу я начал начало,
Свое как есть небытие.
Русь не тогда ли простирала
Крыло могучее свое?
Я слышу, лес гудит дремучий,
Еще не знавший топора,
И под ногой асфальт, как сучья,
Мне чудится, хрустит с утра.
В рубиновых граненых звездах
Я вижу дальние костры.
Над площадью наполнен воздух
Парами канувшей поры.
Отраден, что ни говорите,
Грачиный в небе ералаш.
...Орите, милые, орите!
Мне так приятен голос ваш!

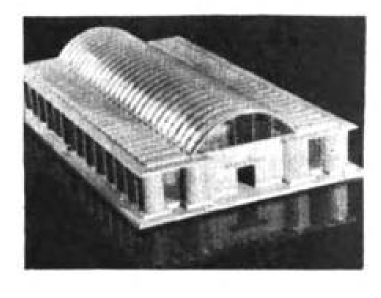
МАРТ

День расшит лучами синими,
Двое медленно бредут
И друг друга не по имени,
А по отчеству зовут.
Мокнут липы полуголые,
Пробуждаясь ото сна,
И к плечу склоняет голову
Приуставшая она.
Он ее за локоть бережно
Держит... Слушает скворца...
Все, как в юности безденежной,
Но богатой без конца...

Видно, дóлги были поиски,
Чтоб друг друга отыскать.
Я могу такие повести
По людским глазам читать.
Просто их дороги путали,
Приводя не в те дома,
Хоть и чудилось минутами —
Привела судьба сама.
Обоюдное свечение —
Наконец-то, наконец!
Здесь не просто обручение —
Обручение сердец.

Остается за галошами
На асфальте след рябой...
Мы ухмылкой нехорошею
Не проводим их любовь.
Дело это очень скверное —
Ухмыляться за спиной
Над весною этой первою
Иль последнею весной...

День расшит лучами синими,
Двое медленно бредут
И друг друга не по имени,
А по отчеству зовут...

ВИНО УХОДИТ ИЗ ПОДВАЛОВ

До пятисот сортов благородной, воспетой поэтами лозы выращивают виноградари Грузии. С давних пор эта лоза снискала мировую известность. На втором международном конкурсе мастеров виноделия «Цинандали», «Ахмета», «Киндзмареули», «Салхино» и «Напареули» были награждены золотыми медалями, а «Тибаани» — серебряной.

В ближайшие годы заметно возрастут площади, занятые виноградниками, увеличится производство вина. Для этого понадобятся новые заводы и хранилища.

По давней традиции хранили вино в подвалах. А теперь проектировщики тбилисского института «Грузгипропищепром» отказались во имя экономии от этой традиции. Вино уйдет из подвалов наверх в необычные здания.

— Да, да! Здания эти действительно необычны: они лишены стен,— рассказывает главный инженер института, лауреат Государственной премии Я. Гогоберидзе. — Кровлю несут железобетонные колонны. В них-то и будут храниться ординарные вина — основная продукция винодельческой промышленности.

Колонны-резервуары расположены в четыре ряда. Между каждыми двумя рядами — коридор, в котором размещаются контрольно-измерительные приборы, стеклянные винопроводы, трубы, присоединенные к холодильной установке. Если сделать покрытие, здесь можно поставить бочки. Всего хранилище сможет вместить до 110 тысяч декалитров вина.

К началу лета, когда запасы вина заметно сокращаются, наружные резервуары постепенно разгружают, а потом наполняют водой. От них исходит холод, защищающий от зноя внутренние резервуары и бочки.

Выгодность проекта, в разработке которого, кроме Я. Гогоберидзе, участвовали А. Сулаквелидзе, Г. Месхишвили, З. Чхеидзе и другие специалисты, не вызывает сомнений. Снижаются затраты на строительство винохранилищ, намного уменьшается расход металла.

Наконец, здания эти красивы. Их строгие, выразительные очертания радуют взор. Новые винохранилища сооружаются ныне в Енисели, Варцихе, Цинандали, Тамариси, Чхари, Зегаани, Болниси и других местностях Грузии. Несколько иные здания того же назначения возводятся в Карданахи, Гурджаани и Зугдиди.

Ан. ВЕТРОВ

Copyrighted material

МАТЕМАТИКА И КИПЯТОК

...Где-то среди вековых льдов Арктики под постоянной завесой тумана стоит удивительный остров. Островерхие обледенелые горы отгораживают остров от бушующей полярной пурги, горячие источники — целые фонтаны воды и паров — создают искусственный климат, зеленеют тополя, осины, цветет черемуха... Это под зловещими сполохами полярного сияния, на восьмидесятом градусе северной широты!

Фантастика, скажете вы. Нет, научная проблема, ответят вам ученые. И автор замечательного романа «Земля Санникова», где описан такой остров, Владимир Афанасьевич Обручев был не просто фантастом, но прежде всего ученым. В своих научных трудах академик В. А. Обручев не раз обращался к теме подземных вод, способных принести людям колоссальную пользу.

По разломам и трещинам в изверженных горных породах — гранитах, порфиритах, туфах — поднимаются горячие азотные воды. Полученные в лабораториях сведения указывают на атмосферное происхождение азота, содержащегося в водах. Значит, можно полагать, что эти воды проникают в глубину из наземных рек и озер. Там, под горячим дыханием ядерного котла нашей планеты, они кипят, переходят в пар и если встречают сквозную трещину или тектонический разлом, то вырываются на землю и образуют кипятковые ключи.

Особенно богаты кипятком недра Чукотки. Многие из кипятковых источников, но далеко не все, используются для парниковых хозяйств, лечебных целей. На берегу реки Буюнда уже давно построены курорт «Талая» и пионерский лагерь.

Сейчас в Магаданском комплексном научно-исследовательском институте Сибирского отделения Академии наук СССР в лаборатории мерзлотоведения и гидрогеологии поставлена проблема использования горячих вод. В первую очередь ученые собирают материалы по Чукотским термальным источникам. Почему? Именно на Чукотке по заданию партии и правительства в самое ближайшее время начинается развернутое освоение Севера. А горячие воды — это отопление городов, парники, целебные курорты. В ближайшее время будут изучены Чаплинские, Панкигнейские, Кукунские, Нешканские и многие другие источники, температура которых колеблется от пятидесяти до девяноста градусов тепла.

Но для того, чтобы использовать существующие источники и увеличить выход горячей воды, надо выяснить причины образования источников и создать теоретические предпосылки для поисков горячих вод в любом районе нашей области.

Вечная мерзлота даже в самых суровых районах нашей Магаданской области не бывает сплошной. Под большими водоемами она полностью оттаивает: ведь вода в этих водоемах не промерзает до дна и даже в долгую полярную зиму надежно хранит запасы солнечного тепла. Если в ложе таких водоемов или рек имеются тектонические разломы земной коры, то вода будет просачиваться вниз, в зону высоких температур.

В наших краях в отличие от центральных районов страны глубинная фильтрация воды по любым произвольным разломам невозможна. Она строго привязана к озерным и речным таликам, к этим своеобразным окнам в вечной мерзлоте. А поскольку таких окон на Севере сравнительно немного, то и места поисков ограничены. Сейчас наша лаборатория разработала строгую математическую теорию расчета одиночных и групповых таликов под водоемами. Эту задачу удалось решить только с помощью высших форм физико-математического анализа. Теория была проверена на электроинтеграторе.

Если наши исследования подтвердят наметившуюся связь между каким-либо озером и горячим источником, то мы сможем найти пути, по которым блуждает подземный кипяток. Тогда горные инженеры выпустят его на поверхность не там, где найдется случайная тектоническая трещина, а там, где он нужен нашему хозяйству. Но что самое важное, инженеры получат возможность регулировать мощность подземного котла.

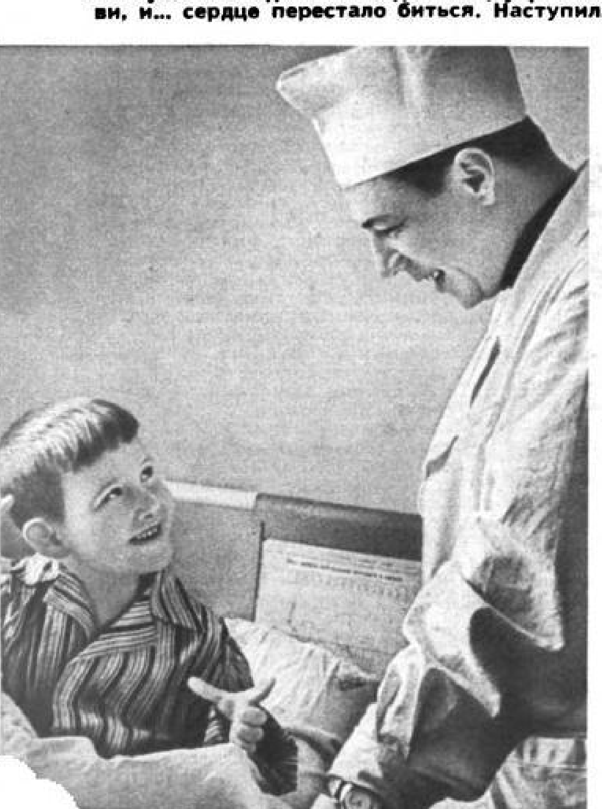
Возьмем Наяханский источник. Он дает горячей воды больше двадцати литров в секунду. Уже сегодня с его помощью можно выращивать не только редис, морковь, помидоры, а даже розы и дыни. А если мы найдем озеро, из которого питается этот источник, и при помощи плотины повысим его уровень, возрастут напор источника и выход горячей воды. Тогда можно будет всерьез подумать и о создании «парниковой индустрии» для снабжения овощами всей Чукотки.

Савелий ТОМИРДИАРО,
заведующий лабораторией Северо-восточного комплексного научно-исследовательского института.
г. Магадан.

ДВАЖДЫ РОЖДЕННЫЙ

Это было 23 сентября 1961 года в Новосибирске. В Институте экспериментальной биологии и медицины Сибирского отделения Академии наук СССР готовили к сложной операции на сердце маленького пациента — четырехлетнего Сашу Фомина. И вдруг в рентгенокабинете, когда шли уже последние исследования, у ребенка резко упало давление крови, и... сердце перестало биться. Наступила клиническая смерть.

Но жизнь Саши Фомина спас молодой хирург Игорь Андреевич Медведев. Он мгновенно сделал ему разрез грудной клетки и стал массировать уже остановившееся сердце. Оно подчинилось требованию этих умных рук и постепенно ожило.

Мальчика перенесли в операционную, и хирурги приступили к сложнейшей операции. Быстро и уверенно работал Игорь Андреевич Медведев, достойный ученик профессора Е. Н. Мешалкина и академика А. Н. Бакулева.

А через четыре дня Игорь Андреевич, усадив Сашу в кроватке, рассказывал ему веселую сказку...

В. ВАСИЛЬЕВА

Дважды рожденный Саша Фомин и хирург И. А. Медведев стали большими друзьями.

Фото К. Борисова.

«ОГОНЕК» РАССКАЗЫВАЕТ О НЕИЗВЕ

НЕТ, О

М. ЛЕБЕДИНСКИЙ

В июле 1941 года в деревню Вяжля, Аткарского района, Саратовской области, в семью колхозника Степана Акимовича Данилова пришла печальная весть: в первых воздушных боях, где-то на границе, погиб сын Андрей, летчик-истребитель.

Старый деревенский почтальон, знавший Андрея еще босоногим мальчишкой, долго топтался у двери, не решаясь взяться за щеколду. Потом в горнице он минут пять делал самокрутку, медленно насыпал в нее махорку из потертого кисета и наконец сказал, с трудом подбирая слова:

— Ты, Акимыч, того... крепись. Третий день ношу похоронную. Все молчал, а тут вот газета пришла. Про Андрея твоего пишут... Не утаишь, вот какое дело. Горе, оно быстро бегает.

Не хотелось верить. Но вот «Красная звезда» за 9 июля. В ней напечатан Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении Андрея орденом Ленина, а в передовой статье рассказывается о том, как он погиб.

Данилов один вступил в бой с девяткой фашистских истребителей. В первые же минуты он сбил двух из них, а потом, расстреляв все патроны, направил свою машину на вражеский самолет.

...Шли дни. В доме Даниловых тяжело переживали утрату. Степан Акимович еще больше поседел, осунулся. Все разговаривали шепотом. Но однажды вечером в дверь громко забарабанили.

— Акимыч,— кричал почтальон,— скорее открывай! Телеграмма! Жив твой Андрей, жив!

Старики молча обнялись, не в силах сказать ни слова.

...Об этой истории, происшедшей двадцать лет назад, я узнал случайно.

Как-то у одного из своих знакомых я увидел подшивку «Огонька» за 1941 год. Сам участник войны, я с волнением рассматривал первые фронтовые фотографии. Неожиданно внимание привлек портрет летчика. Его лицо показалось мне знакомым. Ведь это наш Андрей Степанович, председатель районного отделения Общества охраны природы. Читаю подпись — точно, он. Я заинтересовался судьбой этого человека.

Через несколько дней мне удалось найти еще номер «Красной звезды» и журнал «Красноармеец». Так я и узнал о том, что в то время все считали летчика погибшим. Теперь оставалось выяснить, как же это произошло.

Вскоре мне пришлось встретиться с Даниловым. Он заехал к нам, в редакцию районной газеты, и рассказал все, как было.

— В тот июньский день наша эскадрилья патрулировала над городом Гродно. Под нами дымят фабричные трубы, по улицам, как муравьи, ползут машины. На левом берегу Немана после бомбежки горят кварталы жилых домов. Дальше видны леса, светло-зеленые массивы хлебов. Неожиданно с разных сторон к городу стали подходить фашистские бомбардировщики и истребители. Эскадрилья рассредоточилась. Завязались групповые воздушные бои. Вдруг вижу: с востока плотным строем летит девятка двухмоторных самолетов. Это фашисты возвращались с бомбежки. Я решил атаковать их на встречном курсе, в лоб. Чтобы упредить противника, открыл сильный заградительный огонь. Строй фашистской эскадрильи распался. Самолеты шарахались в разные стороны. Мельком увидел, что один задымил и пошел к земле. Боевой разворот... В прицеле второй «Мессершмитт-110». Очередь почти вплотную. Убит стрелок. Вторая, третья очередь — и этот завалился в крутую спираль.

Спустя мгновение моя машина неожиданно с виража пошла в штопор. Вывожу из штопора, но «Чайка» слушается вяло. Иду с креном: левое верхнее крыло

Copyrighted material

На том месте, где упал самолет Данилова, сейчас построена школа.
←

Передовая газеты «Красная звезда» от 9 июля 1941 года.

Крылатые герои отечественной войны

С девятью самолетами противника вступил в бой заместитель командира эскадрильи по политчасти старший политрук Андрей Данилов. Спустя несколько мгновений два из них были сбиты. Расстреляв все патроны, бесстрашный летчик направил свою машину прямо на вражеский самолет. Андрей Данилов погиб смертью храбрых.

Красная армия осеняет своими боевыми знаменами тела павших героев. Миллионы советских людей обнажают головы перед беспримерной храбростью сынов нашего отечества и повторяют прекрасные горьковские слова: «О смелый сокол! В бою с врагами истек ты кровью... Пускай ты умер!.. Но в песне смелых и сильных духом всегда ты будешь живым примером,

Указ Прези...
О присвоении ...
летчикам Воен...

Часы и пуля.

Андрей Степанович Данилов.

...СТНЫХ ГЕРОЯХ

...Н НЕ ПОГИБ!

Фото Б. Кузьмина.

разбито снарядом. А тут, оправившись от неожиданного лобового удара, фашисты стали по очереди расстреливать меня в упор. Пулей ранило в левую руку, осколками — в ногу, голову. И вдруг стрельба прекратилась. Смотрю, гитлеровец пристраивается ко мне сбоку. Ну, прямо в десяти метрах! Мне стрелять нечем, да и у него, наверно, патроны все. Потом, гляжу, «мессер» стал уходить вперед, а в мою сторону разворачивается турельный пулемет стрелка-радиста: он хочет меня, безоружного, добить. И тут я решил. Раненая «Чайка» рванулась влево и ударила врага винтом в крыло.

После тарана «Чайка» заскользила на крыло. Кругом дымные трассы. Чувствую сильный удар в живот. Силы покидают меня, холодный пот заливает глаза. Ну, думаю, конец. Так бы оно и было, если бы не карманные часы. Когда-то один из часовых заводов выпускал такие часы, величиной чуть ли не с блюдце, на редкость прочно сделанные и очень точные. Так вот, пуля часы-то и не осилила. Потом, помню, за спинкой из броневой стали разорвался снаряд авиационной пушки. Голова в крови, левое плечо, видно, тоже ранено. Только бы не потерять сознание, думал я.

Самолет с убранными шасси врезался в густую рожь. В последний раз один из «мессеров» прошел над «Чайкой» и дал по ней еще пушечную очередь. Но ничего этого я уже не видел и не слышал, про это мне потом рассказали. Ударившись лицом о приборную доску, я потерял сознание.

Очнулся. Тишина. Слышно только, как кузнечики стрекочут да ветер шумит в колосьях. Помню, что выбрался я сам — боялся, что фашисты вернутся и подожгут самолет. Как я тогда вылез из машины, до сих пор не представляю. Потом пополз в сторону деревни, то и дело теряя сознание от боли. А тут снова над селом появились вражеские самолеты. Какая-то женщина выглянула из неглубокого окопа, схватила меня за плечи и втащила в это укрытие.

...Затем, как сквозь сон, видел, что какие-то люди несут меня. Окончательно пришел в себя в доме колхозницы села Черлены Степаниды Степановны Гурбик. Пролежал я там два дня. Степанида Степановна и ее товарищи старались сообщить обо мне на наш аэродром, но не успели. Наутро третьего дня вбегает колхозник Иван Лапа, бледный такой.

«Фашисты подходят, спасайся, товарищ летчик! — говорит. — Близко бой идет!»

Вскоре, гляжу, бежит Степанида Степановна, а с ней фельдшер и санитар из понтонного батальона. Это она разыскала их. После я узнал, что наутро гитлеровцы вошли в Черлены. Если бы не эта смелая женщина, то пропал бы я совсем.

* * *

Советские летчики наблюдали за воздушным боем и видели, как Данилов пошел на таран. Издали казалось, что оба самолета рухнули на землю.

Данилов не вернулся на аэродром, а тут полку пришлось отходить. Так и попал старший политрук Данилов в число погибших.

Но это не все. Ему еще пришлось доказывать тот очевидный факт, что он жив. В одном госпитале нашлись люди, которые рассудили так: раз в газете сообщили о гибели Данилова, значит, и нечего мудрить,— настоящий Данилов убит, а этот или самозванец, или... еще хуже. Андрею Степановичу ничего, конечно, не говорили, но тайком вызвали его жену. Так сказать, на очную ставку. И только тогда поверили...

После госпиталя снова фронт, воздушные бои под Ленинградом, на Курской дуге. В 1943 году Данилов служил заместителем командира по политчасти гвардейского авиационного истребительного полка, в который входила и эскадрилья «Нормандия». В одном из воздушных боев он снова был ранен.

В характеристике, хранящейся в личном деле Данилова, скупым военным языком рассказывается о боевом пути пилота. В 1933 году был выпускником Оренбургского авиационного училища, того самого, которое 24 года спустя окончил Юрий Гагарин. Имеет 98 боевых вылетов, лично сбил 8 самолетов и один в паре. Награжден восемью орденами и медалями.

Так в пору войны дрался с врагами коммунист, сын колхозника сельхозартели «Ответ интервентам» Андрей Данилов.

Совсем недавно, когда старые раны все чаще и чаще стали напоминать о себе, врачи буквально заставили этого человека уйти на пенсию. И первое, что сделал Данилов, — поехал в село Черлены. Туда его все эти двадцать лет влекла память сердца.

И вот, волнуясь, как перед своим первым полетом, старый пилот сошел с автобуса, ежедневно курсирующего по линии Гродно—Скидель — Черлены — Лунна. На окраине села его встретила высокая голубоглазая девушка.

— Простите, — обратился к ней Андрей Степанович, — где здесь живет Степанида Степановна Гурбик? Я когда-то лежал у нее раненый.

Девушка с нескрываемым любопытством рассматривала гостя. И сразу вспомнила.

— А вы, случайно, не летчик Данилов?

— Он самый.

— Вот это здорово! А меня зовут Женя, я племянница Степаниды Степановны. Она сейчас гостит у дочери в Кишиневе. Тетя мне столько рассказывала о вас! Так чего же мы стоим, — забеспокоилась Женя, — пойдемте к нам.

Дорогой она говорила без умолку.

— Вот новость-то! Сейчас же надо всем рассказать! У нас колхоз большой. Называется имени «Правды». А на том месте, где вы посадили свой разбитый самолет, теперь построена школа. Вон она, видите?

— Женя, — сказал Данилов, — я бы хотел встретиться со всеми, кто тогда принимал участие в моей судьбе.

В глазах девушки сразу погасли искры радости.

— Всех нельзя. Многих тогда фашисты убили. Сразу, как только заняли село.

...Вечером, когда в просторной избе собрались те, кто тогда, в сорок первом, видел, как дрался в небе Андрей Данилов, произошло еще одно событие, до глубины души взволновавшее почетного гостя. Вошла старшая сестра Жени, Вера, и подала ему узкую полоску белого шелка.

— Это мы хранили двадцать лет. Парашют свой помните? Так вот это от него. Когда пришли фашисты, наши женщины потихоньку разделили его на части. Косынок понаделали. Посмотришь на косынку, говорили тогда, и наших вспомнишь.

...Есть нечто символичное в том, что сегодня Данилов работает в Обществе охраны природы. Родные места! Деревенские выгоны пахнут чебрецом. Когда кукуруза выбрасывает пышные султаны и начинает цвести, пыльца, как туман, плавает над зеленым морем... Розовый песок на заре; сквозь прозрачную воду видишь, как на отмели деловито пасутся упитанные пескари с желобками на спинках, ну, прямо как у сытых лошадок... Над белыми и желтыми кувшинками шныряют зимородки с неправдоподобно изумрудными крыльями. Одуряюще пахнут заросли черемухи, а всю короткую майскую ночь гремит соловьино-лягушиный хор.

Хороша родная земля, много хороших людей живет на ней...

Copyrighted material

Звездные колодцы

Однотомник Ольги Берггольц необычен по своему составу. Здесь впервые под одним переплетом объединены произведения, самые разные по жанру и времени. Начинают сборник «Дневные звезды» — произведение, подобное открытому дневнику. Это не столько автобиография одного человека, сколько биография поколения. Включены в книгу редко печатавшиеся стихи, две прозаические повести тридцатых годов, и впервые после отдельного издания 1946 года публикуются радиовыступления писательницы «Говорит Ленинград». В предисловии Берггольц пишет: «Удалось ли мне сделать из этого разнообразного материала единую книгу, будет судить читатель».

По существу книга эта о поколении, которое восторженными детскими глазами встретило революцию, потом воздвигало леса первых пятилеток, потом воевало... За сорок с лишним лет Советской власти одним из самых тяжелых испытаний была схватка с немецким фашизмом, и, пожалуй, самой героической страницей в истории войны стали девятьсот дней ленинградской блокады. Еще много раз писатели, стремясь понять силу духа нашего человека, будут обращаться к тем дням, когда «исчез, отхлынул быт. И смело в права свои вступило бытие». Свидетельства очевидцев ленинградской эпопеи тут неоценимы.

...И даже тем, кто все хотел
бы сгладить
в зеркальной, робкой памяти
людей,
не дам забыть, как падал
ленинградец
на желтый снег пустынных
площадей.

В какие-то очень трудные минуты человек оставался наедине с собой; может быть, от него уже никто ничего не требовал; можно было лечь и, накрывшись грудой одежд и одеял, заснуть и не встать — от истощения и холода. Но люди вставали, двигались, помогали друг другу, рыли окопы...

Враг рассчитывал, что, подвергая город лишениям и пыткам, он пробудит в ленинградцах низменные, животные инстинкты, что голодающие, мерзнущие, жаждущие люди вцепятся друг другу в горло из-за куска хлеба, из-за глотка воды, возненавидят друг друга, начнут роптать, перестанут работать и — сдадут город. 30 января 1942 года Гитлер заявил: «Ленинград мы не штурмуем сейчас сознательно. Ленинград выжрет самого себя».

Фашисты не могли понять наших людей. Таких, как старый формовщик, который знал особый секрет своего ремесла и, умирая, решил передать его своей старухе — рядом больше никого не было. Он не мог умереть, не открыв своего секрета людям. Повела старуха мужа в литейную, и стал он там обучать ее составу земли, пропорциям. «Двое голодных, полуумирающих стариков одни в холоднющей литейной». Каждый день тащились на завод и копались в холодной земле. А старик еще заставлял жену съедать половину его вечернего супа и говорил: «Я так и так помру, а ты должна выжить, чтоб потом, когда завод заработает, секрет земли всем формовщикам открыть». И выучил ее.

Самые большие слова — время, жизнь, смерть, любовь, верность — обретают в книге осязаемость.

«Сказали когда-то: времени больше не будет. Верите ли вы, что это верно, — спрашивает героиня «Дневных звезд», — я знаю это, я знаю, как не бывает времени! В тот день его не было — все оно сжалось в один лучевой пучок во мне, все время, все бытие. И весело рухнули перегородки между жизнью и смертью, между искусством и жизнью, между прошлым, настоящим и будущим. О, как хрупки они оказались, как условны, как легко было мне наслаждаться всей жизнью сразу, всей поэзией и всей трагедией ее на самом ее краю, на краю жизни...».

И — верность. В один из дней безмолвия, охватившего цепенеющий город, у героини появилось ощущение полной, торжествующей свободы.

Это было ощущение единства нашей революционной эпохи, ощущение ее преемственности.

Именно в тяжелые минуты, когда, казалось, силы уже на пределе, лирическая героиня Ольги Берггольц испытывает «необычайное состояние сопричастности со всей жизнью народа во времени и пространстве», чувство кровной, жизненной связи со всей страной, ее прошлым, настоящим, будущим. «Это мое. Нет, это наше. И все наше — это мое! Это мое!»

Самое трудное в изображении героя нашего времени — показать эмоционально, заражающе его духовную жизнь. Щедрин в свое время много думал о трудностях создания положительного образа, постоянного, ровного горения веры героя, его убеждений. Гораздо легче изобразить всяческие метания ума и сердца, чем силу и красоту революционных идеалов.

Ольга Берггольц сумела передать в «Дневных звездах» это ровное горение коммунистической веры.

Чувство сопричастности с жизнью народа, выраженное горячо, непосредственно, и объединяет все разнородные произведения книги.

Мечтавшая умереть за мировую революцию героиня повести «Ночь в «Новом мире» Айна часто задумывается о призвании человека, о его главном деле, хотя самой Айне приходится исполнять дела технического секретаря, а потом радиста. Мечтавшая о настоящей любви, Айна не заметила, как прошла мимо нее, и когда встретила в колхозе «Новый мир» настоящего друга, было уже поздно...

В начале тридцатых годов написана повесть о журналистах. В ней много примет того времени: и в аскетическом отношении героев к быту, к чувствам и в точном описании атмосферы первой пятилетки. Размышления молодой журналистки Тони Козловой, уехавшей из Ленинграда в среднеазиатскую газету, — мысли о жизни, о высоких целях — вплетаются в общий пафос всего однотомника, который можно назвать большим раздумьем о судьбах русской интеллигенции, о ее преданности ленинским идеям, преданности осмысленной и осознанной.

Вот почему книга Берггольц стала волнующим человеческим документом времени. По жанру своему книга эта — исповедь. И тональность ее определяет, конечно, повесть, которая называется «Дневные звезды».

Когда-то в детстве героиня повести услышала от учителя, что, кроме звезд ночных и вечерних, есть еще и дневные звезды. Старый учитель рассказал, что их можно увидеть только в очень глубоких и тихих колодцах: высоко стоящие над нами звезды горят в глубине земли в черном зеркале воды... С тех пор героиню одолело желание — увидеть дневные звезды. И вот однажды, убедившись, что на огороде никого нет, девочка стремглав подошла к замшелому колодезному срубу...

Никаких звезд в колодце не было.

Но — удивительно — вера в дневные звезды не оставила героиню; правда, позже она узнала, что на дневные звезды надо смотреть не в колодец, а из колодца. И все-таки уверенность, что есть на земле звездные колодцы, осталась. «Больше того, — говорит писательница, — я хочу, чтобы душа моя, чтобы книги мои, то есть душа, открытая всем, была бы такой, как тот колодец, который отражает и держит в себе дневные звезды — чьи-то души, жизни и судьбы... души и судьбы моих современников и сограждан».

Эта душевная открытость не является исключительной привилегией лирической прозы. Один писатель видит свою Главную книгу в романе, другой — в стихотворении, третий — в пьесе... В любой форме автор может поведать о нравственных богатствах современника. Ольга Берггольц выбрала жанр автобиографической повести. Писательница свободно переносится из современности в прошлое, от публицистических рассуждений обращается к лирическому повествованию или к прямому разговору с читателем.

«Дневные звезды» еще только начаты. В такой работе, протяженной во времени, очевидно, неизбежны какие-то логические разрывы, повторения. Сам автор отлично сознает характер создаваемой книги; автор верит, что читатель поймет ее до конца. Не случайно в конце повести писательница говорит:

«Я раскрыла перед вами душу, как створки колодца... Загляните же в него! И если вы увидите хоть часть себя, хоть часть своего пути, — значит, вы увидели дневные звезды, значит, они зажглись во мне, они будут все разгораться в Главной книге, которая всегда впереди, которую мы с вами пишем непрерывно и неустанно...»

В. ВОРОНОВ

Ольга Берггольц. Стихи, проза. Гослитиздат. 1961. 550 стр.

...Уже много лет, раскрывая газеты и журналы, мы с улыбкой рассматриваем отмеченные веселостью, подлинным остроумием дружеские шаржи; и среди множества лиц без труда находим хорошо знакомых писателей, художников, артистов.

Мало кто смотрит на подпись автора шаржей. И так ясно: рисовал И. Игин, — до того характерен и своеобразен графический язык мастера.

В последние годы вышло пять книг — шаржей художника.

Задорные, жизнерадостные, умные работы И. Игина привлекательны. Манера автора созвучна нашему жизнеутверждающему времени.

Выставка И. Игина размещена в Доме культуры Московского авиационного института.

На фото: И. Игин и народный артист Армянской ССР Сурен Кочарян с группой студентов МАИ на выставке.

Фото Г. Санько.

ЦВЕТ ЖИЗНИ

На протяжении многих лет мы встречали в журналах и газетах стихотворения Натальи Кончаловской. Почти всегда они останавливали внимание, почти всегда перечитывались два-три раза.

Теперь эти стихотворения, вернее, лучшие из них, собраны вместе в книге «Цвет», изданной «Советским писателем». Прочитав этот сборник, я по-настоящему порадовался тому, что разрозненные стихи Кончаловской соединились между собой закономерно и цельно: перед читателем встает не просто одаренная личность, а поэт со своими убеждениями, своим восприятием мира, своей эстетикой.

Кончаловская родилась и воспитывалась в семье художника Петра Кончаловского, дедом ее был один из крупнейших русских живописцев — Василий Суриков.

Я рад на правах старого друга сказать несколько слов об этой книге, пронизанной зрительными ощущениями.

Мне очень по душе, что почти все стихотворения Натальи Кончаловской озаряет солнечный свет, как бы струящийся из верхнего угла картины. Этот свет присутствует чуть ли не в каждом стихотворении, определяя многообразие красок и самую суть сборника.

Ярослав СМЕЛЯКОВ

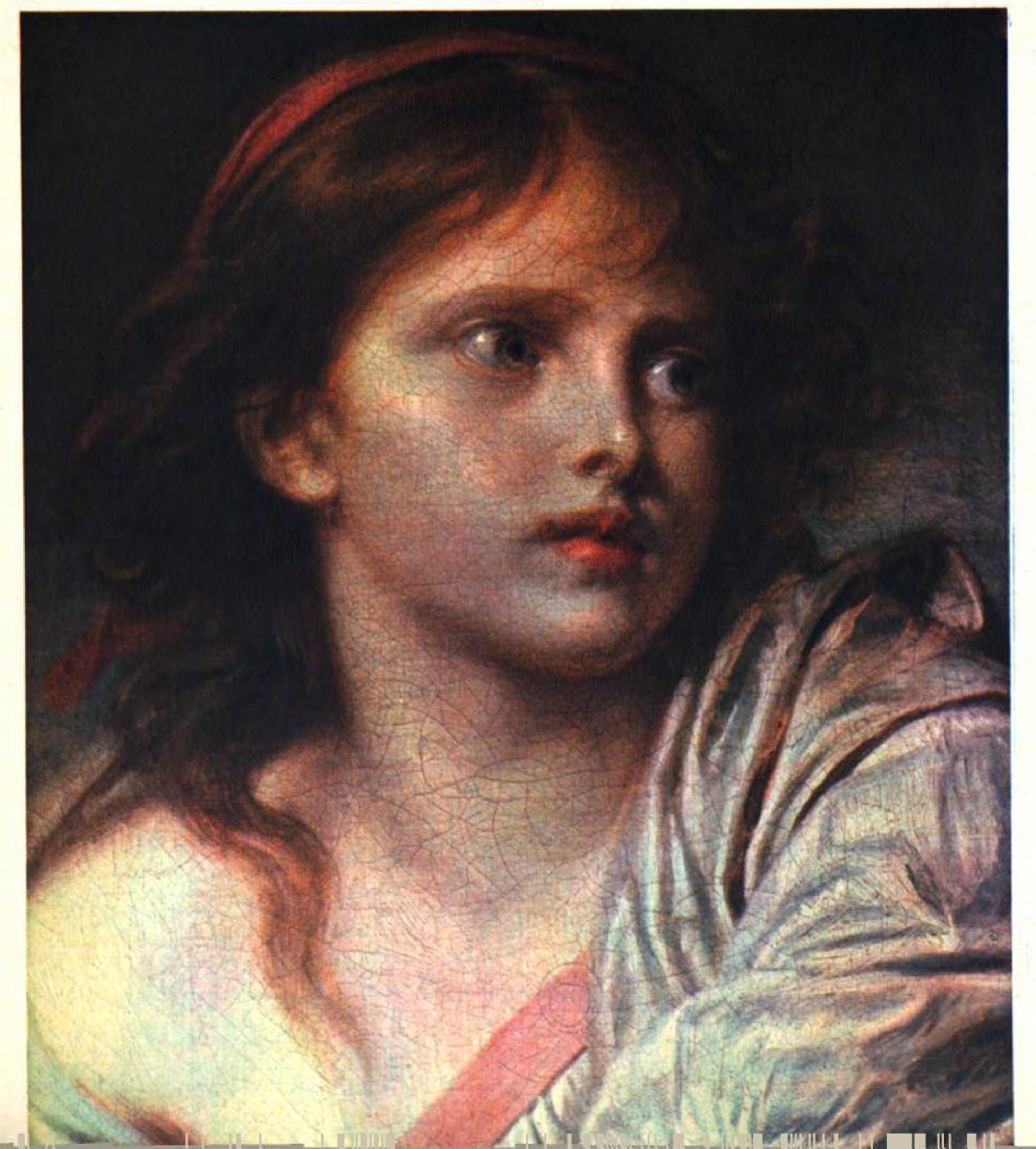
Наталья Кончаловская. Цвет. Стихи. Изд-во «Советский писатель». Москва, 1961, 85 стр.

Copyrighted material

Ф. Гварди.

ПЛОЩАДЬ СВ. МАРКА.

Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Жан Батист Грез. ГОЛОВКА.

Из собрания Ф. Е. Вишневского.

Copyrighted material

Д. Левицкий. ПОРТРЕТ ДОЛГОРУКОВА

С. Щедрин. ВИД С ГОР НА НЕАПОЛЬ И ВЕЗУВИЙ.

Музей «Усадьба Кусково XVIII века».

Copyrighted material

ЭНТУЗИАЗМ КОЛЛЕКЦИОНЕРА

Почти сорок лет занимается коллекционированием тонкий ценитель и знаток искусства старший научный сотрудник музея А. С. Пушкина Ф. Е. Вишневский. В его коллекции насчитывается несколько сот ценнейших произведений русской и западной живописи, преимущественно XVII—XVIII веков; миниатюры, скульптура, предметы прикладного искусства, изделия из бронзы, хрусталя, фарфора...

Братья Вишневские — его отец и дядя — были знаменитыми мастерами. Их изделия из бронзы были представлены на Всемирной выставке в Париже в 1900 году и получили Большую золотую медаль. Ими выполнены все бронзовые украшения в Ливадийском дворце. Отцу Вишневского, «мастеру серебряного цеха», принадлежит отливка «Хоровода ведьм» Врубеля, многих скульптур известных ваятелей. Когда были срочные заказы, мальчик помогал в мастерской. Он помнит, как работал отец.

Воскресные походы в музеи, где он учил сына определять мазок художника, узнавать направление в живописи, эпоху, ее стили, совместное чтение книг по истории искусств, самостоятельная работа в мастерской — это самые дорогие и памятные для Феликса Евгеньевича страницы из его детства.

В шестнадцать лет он смог стать экспертом в Обществе по изучению культурных памятников Московской губернии и чуть позднее — научным сотрудником в Коллегии по делам музеев.

В это время и была приобретена на первые заработанные деньги первая картина.

На аукционе продавался грязный холст с подрамником. Значилось — мужской портрет. Подписи художника не видно. Дома, промыв картину, Вишневский увидел подпись, да какую: «Левицкий. 1786 год». На портрете пожилой мужчина в парике, в военном мундире, с владимирской лентой. Лицо как будто незнакомое.

Осматривая картинную галерею в одном бывшем подмосковном имении, Вишневский увидел то же лицо, что и на приобретенном им портрете: пожилой мужчина в парике, в парадном мундире. Имя художника мало что говорило, зато имя изображенного на портрете было — Суворов! Значит, на приобретенном им портрете был тоже Суворов.

Постепенно коллекция росла. Аргунов, Рокотов, Левицкий, Боровиковский, Щедрин, Кипренский, Тропинин — редкостное собрание живописи XVIII — начала XIX века.

Истинный коллекционер, Феликс Евгеньевич приобретал картины для своей коллекции не в салонах и на выставках, а искал их на аукционах, в комиссионных магазинах.

Феликса Евгеньевича можно видеть в музеях Москвы, Дмитрова, Серпухова, Калуги. Знаток живописи, он безошибочно определяет руку великих мастеров.

Его картины тоже путешествуют часто. Побывали они на выставках в Рязани, Минске, даже в Якутии. Несколько картин там осталось как подарок коллекционера Якутскому республиканскому музею изобразительных искусств.

В столетний юбилей Третьяковской галереи он преподнес ей в дар бронзовый бюст поэта Жемчужникова работы скульптора Беляева, портрет художника С. Яснопольского.

Сейчас Вишневский готовит подарки иркутскому, новосибирскому, смоленскому музеям.

Лидия КУДРЯВЦЕВА

ОКНО В МИР

Начинаем разговор о самом молодом, быстро растущем искусстве телевидения. Мы надеемся, что зрители и работники телестудий не останутся в стороне от этого разговора, поделятся своими раздумьями, выскажут пожелания, как сделать еще более интересными, содержательными, яркими программы передач для маленького голубого экрана с огромной аудиторией.

Ираклий АНДРОНИКОВ

1

Все говорят о телевидении. Все смотрят программы телевидения. Телевидение стало таким привычным средством общения людей, что жизнь современного человека кажется без него немыслимой. Вечером — это беседа за чайным столом. Утром — обмен вчерашними впечатлениями на работе. Телевидение служит для нас источником информации, новых знаний, впечатлений, самых разнообразных, и прежде всего впечатлений художественных. Оно формирует наши мнения, понятия, вкусы. При этом ни одна книга, ни одна газета не может сравниться с его «тиражом». Шутка сказать: миллионы! Не многие авторы даже в нашей стране — с ее баснословными цифрами — могут назвать такие гигантские тиражи своих сочинений, выпущенных к тому же не в продолжение многих лет, а в один вечер. Достаточно напомнить, что телеаудиторию составляет около трети населения страны. Что программы одного лишь Центрального телевидения принимают все области России вплоть до Урала, Украина, Белоруссия и Прибалтика. Что нас уже видят Варшава, Прага, Берлин, Лондон, Париж... Все смотрят, все говорят. Надо поговорить и нам — о великих возможностях телевидения. О той огромной работе, которую оно выполняет. И о той — не менее огромной,— которую оно должно выполнять.

Начнем с информации. Вспомним тот ясный день, когда на экранах всех телевизоров приземлился «ИЛ-18» и от овальной рамки входного люка отделился невысокий майор, который легко и свободно под миллионами взглядов пошел по ковру почета рапортовать Никите Сергеевичу Хрущеву о выполнении космического задания.

Этот исторический день — 14 апреля 1961 года — для Всесоюзного телевидения стал историческим дважды. Потому что в этот день мы видели его самую лучшую передачу. И лучшей она была потому, что вместе с руководителями партии и правительства, вместе с десятками тысяч мы, сидя у своих телевизоров, тоже встречали Юрия Гагарина и чувствовали себя не наблюдателями, не зрителями, а участниками исторического события. Мы были т а м и видели все! Видели даже ближе и лучше, чем те, кто находился на аэродроме, но стоял в дальней шеренге встречающих. Мы видели выражения лиц — растроганных, радостных. Мы занимали самое удобное место и как будто даже выиграли оттого, что сидели у телевизоров. Во всяком случае, мы совершили вместе с Гагариным весь путь и побывали не только во Внукове, но следовали впереди его машины по Ленинскому проспекту и были на Красной площади... А за этой передачей последовали новые — встреча Титова, открытие XXII съезда... Впечатления неизгладимые! И великая благодарность Всесоюзному телевидению за эти и подобные передачи, во время которых мы становимся очевидцами исторического события в тот день и тот час, когда оно совершается. Самое слово «очевидец» обретает тогда свой изначальный смысл. Ибо снятые на пленку кино, отобранные и смонтированные режиссером, те же самые кадры представляют собою хоть и великий документ о событии, но не событие. И тут уже получается знакомство «заочное». Ибо эти же кадры увидят и наши потомки. Но они уже не будут современниками, не будут свидетелями события. А мы были!

Возможность показать зрителю, что сейчас происходит в твоем городе, в другом городе, в другой стране — одновременность свершения и восприятия,— беспредельно увеличивает нашу зоркость, делает нас «вездесущими». И это великое качество телевидения надо использовать не от случая к случаю, а всегда. Подобно волшебному зеркалу, оно может во мгновение ока забросить нас в заоблачные высоты, погрузить в морские пучины, перенести «за тридевять земель», как в сказке, войти неслышно в любой дом и показать все, что совершается в нашей стране чудесного в тот самый миг, когда оно совершается. Ни у кого нет таких безграничных возможностей — только у телевидения!.. Но почему-то оно не очень любит улетать за тридевять земель и даже не очень любит ходить в гости. Оно предпочитает принимать гостей у себя. А это — дело совсем другое. Там, где мы могли бы в и д е т ь происходящее, мы слышим пересказ происходившего. Вместо события мы видим свидетеля, который с таким же успехом мог выступить и по радио. Эти передачи из студии составляют подавляющее большинство в программах Всесоюзного телевидения. А надо бы подумать о том, чтобы почаще выходить в большой мир и показывать нашу советскую жизнь во всем ее многообразии и богатстве.

Что может заменить путешествие по Выставке достижений народного хозяйства? По Музею В. И. Ленина? Музею Революции или Историческому музею? Музею реконструкции Москвы?.. Картинки? Беседа? Нет! Здесь есть неуловимая, но в то же время очень существенная разница. Лектор с картинками, появившийся на экране, пришел к вам домой. Присоединившись к экскурсии по выставке, по музею, по Москве, по Ленинграду, Тбилиси, Севастополю, Новосибирску, Варшаве, Хельсинки, вы переноситесь в большой мир. Есть же разница между туристом, который видит новые земли, и теми, кто слушает отчет о его поездке! Самое понятие «телевидение» означает «далековидящий». Не отнимайте же у нас этой возможности, товарищи из телевидения! Почаще переносите нас на металлургический завод, на репетицию симфо-

нического оркестра, в хореографическое училище, на автомобильный завод, на читку новой пьесы, на лекцию большого ученого, на кинофабрику. И покажите не полуминутную съемку: «Вот идет плавка». Покажите самый процесс труда — от засыпки руды до выпуска готовой продукции. Покажите, как собирается автомобиль. Как рождается симфонический концерт. Покажите работу над кинокартиной, будничную, трудную, напряженную работу огромного коллектива — актеров, режиссера, оператора, осветителей, художников, ассистентов, гримеров. Дайте послушать лекцию, которую ученый читает не в студии, перед красным глазком телекамеры, а в аудитории, перед студентами — увлеченно, в привычной обстановке, не думая о телевидении. Поведите нас на вокзал, к прибывающим поездам. Покажите работу аэропорта. Дайте послушать школьный урок. Мы хотим побывать на почтамте, на ссыпном пункте, на скотном дворе, на еще не введенной в строй линии метрополитена. Перенесите нас в Ленинградский или Таллинский порт, на улицу Горького, на Крещатик, на Невский — просто так: посмотреть, походить, постоять и подумать. И поговорить — не избегая импровизации, а рассчитывая на нее. Времена, когда самый крохотный текст было принято читать по бумажке, прошли. Важны мысли — яркие, умные, свежие,— умение говорить дельно. И никого не должны страшить отдельные запинки в поисках нужного слова. Важно, чтоб люди, выступая по телевидению, говорили бы своим языком, каким говорят дома и на работе, а не вспоминали бы штампованные, гладкие фразы, сотворенные на бумаге, которые и произнести невозможно, так веет от них истасканным канцелярским слогом. Вот если такая информация будет, если сведущий инженер, учитель, председатель колхоза, кинотаботник, хороший экскурсовод, начальник аэропорта расскажут обо всем этом,— расскажут будто бы даже и не телезрителям, а той небольшой группе людей, которые ходят с ними по школе, по цеху, по выставке,— если удастся наладить такую широкую, увлекательную и наглядную информацию, не снятую на кинопленку, а импровизационную, «живую», то откроются новые — безграничные! — возможности телевидения.

— Позвольте,— скажете вы.— Писателей упрекают за то, что они изображают в романах технологические процессы, а вы предлагаете избрать этот путь телевидению?!.

Отвечу.

Писателей упрекают только в том случае, если описание производственных процессов долженствует заменить собою раскрытие человеческих характеров. Но в книге, где автор рассказывает, как человек изобрел тепловоз, теплоход, самолет, подводную лодку, телеграф, телефон, телевизор, радио, микроскоп, телескоп, космическую ракету, стал далеко видеть, далеко слышать, далеко говорить, далеко ездить, далеко плавать, высоко и далеко залетать, глубоко нырять, видеть невидимое и, наконец, оторвался от земли,— такую книгу никто не станет критиковать за подробный рассказ о том, как сделан электромагнит для телефонного аппарата, элерон для крыла самолета или герметический шлем космонавта.

И если даже рассказы о технических изобретениях могут быть увлекательными, то насколько же интереснее рассматривать все это своими глазами — по телевидению! Я — телезритель — хочу побывать на автоматической телефонной станции. Хочу знать, как создается книга, проследить ее путь от стола ученого до книжной полки. Хочу знать, где находится Палата мер и весов? Как сохраняются эталоны меры и веса? Как действует механизм часов, тикающих у меня на руке? Время от времени телевидение показывает нам цеха государственного часового завода — девушек в белых косынках, с пинцетами, с лупой в глазу, склонившихся над микроскопическими деталями. Зрителя интересуют не только люди, которые делают это, но самый процесс изготовления и сборки деталей. Он хочет изучить этот крошечный агрегат как коллективный труд сотен людей. Хочет воспринять часы как чудо человеческого искусства. Он мечтает узнать, как собрана его автоматическая ручка. Как изготовлена оправа и кто шлифовал стекла его очков? Как сделан радиоприемник? Скрипка, звуки которой он слышит по радио? Фортепиано, сопровождающее игру скрипача? Это долгоиграющая пластинка? Тем лучше: покажите, как изготовляется долгоиграющая пластинка!

На столе искрится в бокале вино. Дымится, положенная на край пепельницы душистая сигарета. Возле бутылки — свежий батон, кусок острого сыра. Рыжий помидор. Желтые яблоки. Изящный дагестанский кувшин. Цибик чая. Рассыпавшиеся куски пиленого сахара. Кто создал все это? Через чьи руки это прошло? В каждой вещи, которыми обставлена твоя комната, которые стоят на столе и виднеются сквозь раскрытую дверцу шкафа, заключен труд страны. Расскажите о нем, товарищи! Покажите, куда идет продукция завода, колхоза, издательства... Устраивайте «День открытых дверей» — передачи из научных институтов, лабораторий. Покажите, как работает само телевидение. Сколько людей и сколько труда стоит за сегодняшним номером газеты. Телезритель хочет знать все. Он хочет рассмотреть каплю под микроскопом. И вместе с астрономом — через сверхмощные линзы — увидеть далекие миры.

Что это? Телевизионная информация? Или телевидение выступает здесь в качестве своеобразного университета?

И то и другое.

Не умаляя значения Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний, можно смело сказать, что с такой наглядной формой пропаганды науки, передового опыта и самого уклада советского общества, основанного на вдохновенном труде, пожалуй, не сравнится ничто.

Вы, может быть, спросите:

— А что же, телевидение в этом аспекте до сих пор ничего не показывало?

Нет, конечно, показывало. Но, исключая спортивные передачи, на недостаток которых грех было бы жаловаться, показывало мало, редко, случайно. Между тем здесь необходима система. Прежде всего телевидение должно рассказать о тех задачах, которые записаны в новой Программе КПСС. Это — дело ответственное, большое.

Одного вечернего времени на это не хватит. Надо расширить часы телевещания. Надо превратить дневные передачи в своеобразную «генеральную репетицию» с публикой, в своего рода «прогоны», какие бывают в театрах перед премьерой. И лучшее из того, что будет по этой части достигнуто, повторять в вечернее время по первой программе.

Я бы организовал для этого две параллельных редакции, чтобы, соревнуясь между собой, они искали новые формы работы.

Однако для успеха этого дела необходимо еще одно условие. Немаловажное. Телевидение должно наконец превратиться в самостоятельное искусство.

2

Жалуются, что телевидение редко демонстрирует новые кинокартины, не показывает новых театральных спектаклей. Упрек справедливый. Но давайте подумаем: должно ли телевидение отучать публику от посещения кино и театров? Иначе говоря, «поглотить» их?

Думается, что дальнейшее развитие телевидения пойдет по иному пути. Почему? Да потому, что не только спектакль, но даже кинокартина в «стационаре» и на крошечном зеркале вашего телевизора воспринимается совершенно по-разному. Трехчасовой спектакль по телевидению кажется длинным. А те же три часа для театрального зрителя — совершенно нормальное время. Тут нет ничего удивительного. Подобно кинематографу, телевидение может за один час показать нам, что происходит под разными географическими широтами, совместить века минувший и нынешний, развивать, как в романе, несколько линий сюжета одновременно. Мы уже привыкли к быстрой смене эпизодов на телеэкране, к сжатой форме диалога. Театральные спектакли, переданные по телевидению, кажутся малоподвижными, возможности экрана — неиспользованными. Мы привыкли к иному соотношению времени и движения, соизмеряем то, что дает телевидение, с тем, что оно может дать. И на основании этого судим о театральном спектакле — и судим несправедливо.

В спектаклях, передаваемых из театров, редко удается приблизить лицо актера. Если же камера и выхватит его наудачу, то от этого наверняка разрушается замысел театрального режиссера, который рассчитывал на восприятие с расстояния — из зала. Что же? Может быть, телевидение должно отвергнуть драматическое искусство?

Разумеется, нет. Но в телевизионных спектаклях надо облегчать декорации. «Сжимать» мизансцены, приближая актера к экрану, к зрителю. Создавать специальные варианты драматических представлений.

Даже кинокартина, показанная на телеэкране в двадцати — тридцатикратном уменьшении, проигрывает, лишаясь многих важных подробностей, которые на общих и средних планах для телезрителя пропадают. Пейзаж выглядит чаще всего как на почтовой марке, массовые сцены кажутся микроскопическими движениями в глубине кадра и совершенно теряют свою импозантность. Ясно, что телевидение должно создавать свою кинодраматургию, утверждать свой тип кинокартины, накапливать библиотеку «телефильмов».

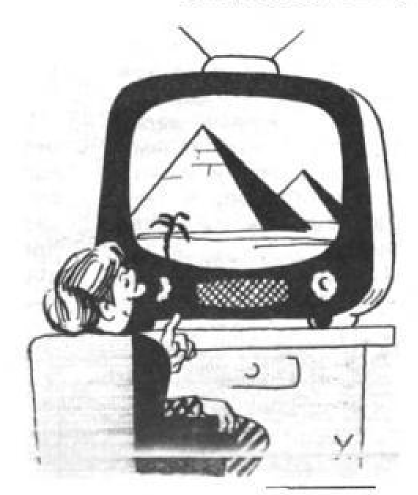
Но при этом фрагменты из новых кинокартин и спектаклей телевидение показывать просто обязано. Без этого зритель не получает полного представления о том, что нового происходит в культурной жизни нашей страны.

Налицо большие сдвиги в технике телевидения.
Рисунок В. Черникова.

По ассоциации.
— Да, не забыть бы утром купить пирамидон!
Рисунок М. Ушаца.

— Громче, а то заснет!
Рисунок С. Крылова.

И справедливо негодует, что телевидение не доносит до него всей полноты ее содержания.

Телевизионная камера должна видеть нашу культуру во всех ее многообразных аспектах и жанрах. Уверен, что нет в Советской стране человека, который упрекнет телевидение за передачу концерта Рихтера, Гилельса или Когана. До сих пор с величайшей благодарностью вспоминают телезрители концерт Вэна Клайберна, который передавался из Большого зала Московской консерватории. Благодаря этому не сотни, а миллионы людей могли слышать игру этого открытого нами американца. Но тут попутно хочется вспомнить некоторые подробности передач этого рода.

Представим себе, что мы купили билет и сидим в пятом или восьмом ряду партера Московской консерватории. Мы будем внимательно слушать игру, глядя на музыканта. И только после того, как он уйдет за кулисы, поднимемся с кресла.

Нет, телевидение лишает нас этой возможности! Оно показывает музыканта то слева, то справа, то издали, то вблизи. Временами показывает публику. Вместо того, чтобы сидеть спокойно и наслаждаться, мы поминутно пересаживаемся с места на место, как безбилетные; шныряем по залу, словно фотографы, выискивающие лучшую «точку»; отвлекаемся, разглядываем публику. Словом, ведем себя так, как никогда бы не повели себя на концерте.

Значит, не надо показывать публику?

Надо. В антракте. Перед началом концерта. После концерта. Может быть, даже обратиться к кому-то с вопросом — к музыканту, к любителю...

Укоренившееся в практике телевидения убеждение, что выступающего следует как можно чаще показывать в разных ракурсах, с разных сторон, приводит иногда к дробности кадров, которые начинают чередоваться случайно, словно в калейдоскопе. Причем эта дробность никак не обоснована внутренним содержанием действия или речи. Между тем планы и ракурсы в телевидении — это такой же мощный язык, как киномонтаж, выполняющий огромную эмоциональную и смысловую работу. И чередование «картинок» на телеэкране должно вести к таким же великолепным и обоснованным результатам, как монтажные стыки в кино.

Предвижу, что опять будет задан вопрос. И снова отвечу, что многое в этом отношении делается. Так много, что непосвященный даже представить себе не может всех трудностей, возникающих в этом новом, очень трудном и очень ответственном деле. Когда-нибудь о нынешних режиссерах, операторах и дикторах телевидения будут писать как о новаторах, первооткрывателях телеискусства. Будут изучать их находки, решения, преодоления ошибок, составлявшие этапы в работе. Но мы не историки. Мы зрители-современники, доброжелатели и друзья телевидения. И мы хотим, чтобы чуду техники соответствовали чудеса в сфере ее применения. Мы благодарные, но нетерпеливые люди. Мы исходим из предположения, что советский человек может все. И знаем при этом, что крупный и первый план, средние и общие планы на экране телевидения и кино — это как бы крупный и мелкий шрифт, курсив, жирный, разрядка. И что выделять крупным следует только самое главное. А переходить на мелкий можно только с нового абзаца, но уж никак не в середине фразы. И было бы странно, если бы в книге или газете мы выделяли разрядкой не самые важные положения и подчеркивали бы не самые существенные слова. Это не всегда соблюдается в передачах по телевидению. И об этом стоит напомнить. Разнообразить изображения надо. Но косноязычный оратор, с трудом выдавливающий наизусть заготовленную заранее речь — будь он автором хоть сотни трудов по химии, географии или спорту,— не становится интереснее оттого, что его показывают с разных «точек». И, напротив, интересная и важная речь слушается с напряженным вниманием даже в том случае, если «картина» не меняется в течение долгого времени. Снятый на пленку К. С. Станиславский в продолжение десяти минут объясняет ученикам «зерно» образа. Десять минут мы видим в кадре лицо Станиславского! Тем не менее зрители в восхищении. И никто не жалуется, что не видел Станиславского в профиль. Ведь в жизни, сидя в гостях у друзей, мы не пересаживаемся поминутно с места на место, а судим о проведенном вечере по содержанию и увлекательности беседы.

Кстати, способов разнообразить мизансцены в наших студиях в общем немного. А световые эффекты: скажем, темный фон и высветленная фигура, силуэтное изображение на светлом фоне или фигура в светлом пространстве сквозь темноту переднего плана — все эти и другие возможные способы показа из студии если и применяются, то так редко, что их почти не удается видеть. Разумеется, надо разнообразить изображения. Но не случайно. Так, например, любой танец — будь то адажио из «Щелкунчика» или русский перепляс — задуман, как зрелище, обращенное «лицом» к публике. Всякий иной ракурс, пусть даже очень эффектный с операторской точки зрения, будет случайным в логическом развитии танца. И поэтому скромный «фронтальный» показ, видимо, самый верный.

Некоторым кажется, что в танце важнее всего ноги. Ан, нет! Покажите ноги балерины отдельно — и разорвется непрерывность танца, пропадают грация, единство всех элементов, ощущение формы. И выявится не техника танца, а технология. Так бинокль в театре помогает увидеть детали, из-за которых вы упускаете целое.

Крупный план — средство весьма сильно действующее. Но он должен органически вырастать из замысла телевизионного режиссера и в собственно телевизионных программах играть важную роль. Когда же телевидение уступает свой экран на время другому искусству, крупный план надо применять с осторожностью.

Но это все еще идет речь о том, как показывать по телевидению концерт, хореографический номер, спектакль, кинокартину. Здесь телевидение по-прежнему представляет собой «окно в мир», выступает в роли посредника, «экскурсовода». А между тем оно призвано решать и другие задачи. Об этом мы сейчас и поговорим.

3

Вообразим на минуту, что кинематограф, изобретенный братьями Люмьер, до сих пор пробавлялся бы тем, что снимал кадры хроники, драматические и хореографические спектакли, движущиеся портреты известных людей. Что нет ни Эйзенштейна, ни Довженко, ни Дзиги Вертова, ни Чарли Чаплина, ни других замечательнейших художников, превративших кино в великое искусство XX века. Нет, это даже представить себе невозможно!

А между тем телевидение, которое мало-помалу становится еще более массовым и доступным, нежели кино, до сих пор живет главным образом за счет того, что «транслирует» достижения других искусств и недостаточно энергично ищет формы собственного своего выражения.

Но что ж, может быть, телевидение не искусство, а только техническое изобретение вроде телефонного аппарата, призванное передавать вам на квартиру последние известия и кинокартины?

Нет, телевидение, к нашему счастью, не телефон. И хотя в печати появлялись статьи, где телевизор трактуется как маленький киноэкран, не имеющий якобы собственных законов развития, с этим утверждением согласиться никак нельзя.

Что же отличает телевизор от киноэкрана?

Одна удивительная особенность. Актер, снимаясь в кинокартине, не должен смотреть в кинокамеру — иными словами, в глаза кинозрителю. Актер, выступающий перед камерой телевидения, непременно должен смотреть в глазок камеры, должен общаться со зрителем. Зритель в кинотеатре — наблюдатель происходящего. Телезритель — соучастник, вернее, молчаливый участник происходящего. Еще бы! К нему обращаются, с ним беседуют, телевизионное действие совершается в его доме!

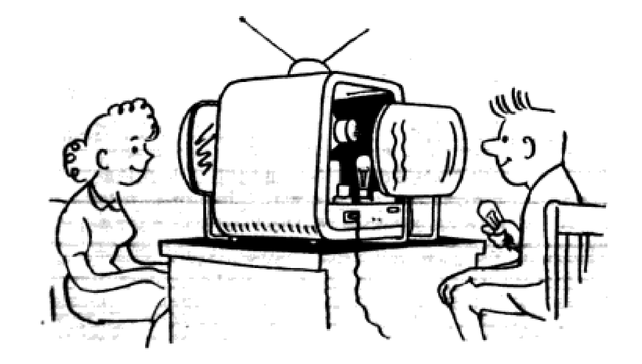
В этом важном отличии телевидения от кино и заключены, как мне кажется, перспективы его самостоятельного развития.

Благодаря этой особенности телевидение обладает качеством, не присущим киноискусству: с экрана телевизора можно рассказывать. Рассказывать полчаса, сорок минут, даже час.

Рассказывать час с экрана в кино, да так, чтобы в кадре все время было только лицо рассказчика, покуда никто не пробовал. Конечно, и телезритель будет слушать рассказчика только в том случае, если рассказ интересный, если рассказчик импровизирует, ощущает телеаудиторию. В таком случае он как бы входит в ваш дом и становится «своим человеком». Впрочем, вы сами знаете это по своему отношению к дикторам. Многие телезрители называют их сокращенными именами, даже здороваются с ними, когда они появляются на экране, и, отвечая на их приветствие, говорят: «Здравствуйте, Ниночка!», «Здравствуй, Игорь!» (или соответственно — Аня, Валя и др.). Актеров с такой ласковой фамильярностью не называют, хотя многих любят, наверно, не меньше. Но дикторы — это особые люди. Это «свои».

Надо полнее использовать эту «интимность» телеэкрана. И прежде всего понять, какие возможности заключаются в ней. А заключаются, по-моему, возможности очень большие. Сейчас объясню.

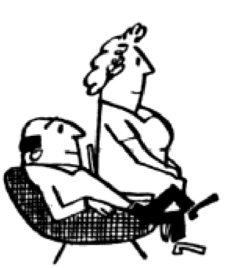
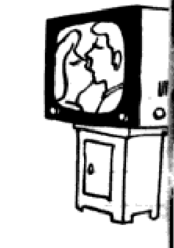
Ни один актер, ни один чтец не решится прочесть на площади лирические стихи. Даже если это стихотворение Пушкина «Я вас любил...». Было бы что-то неестественное в самой мысли прочесть интимное стихотворение перед такой огромной аудиторией. Да она и не смогла бы выслушать его на

В одной семье. Кому что нравится.
Рисунок М. Ушаца.

— Скучно! А в аду-то, небось, крутят «Девушку моей мечты»...
Рисунок В. Воеводина.

«Детям до 16 лет...»
Рисунок Р. Овивяна.

Copyrighted material

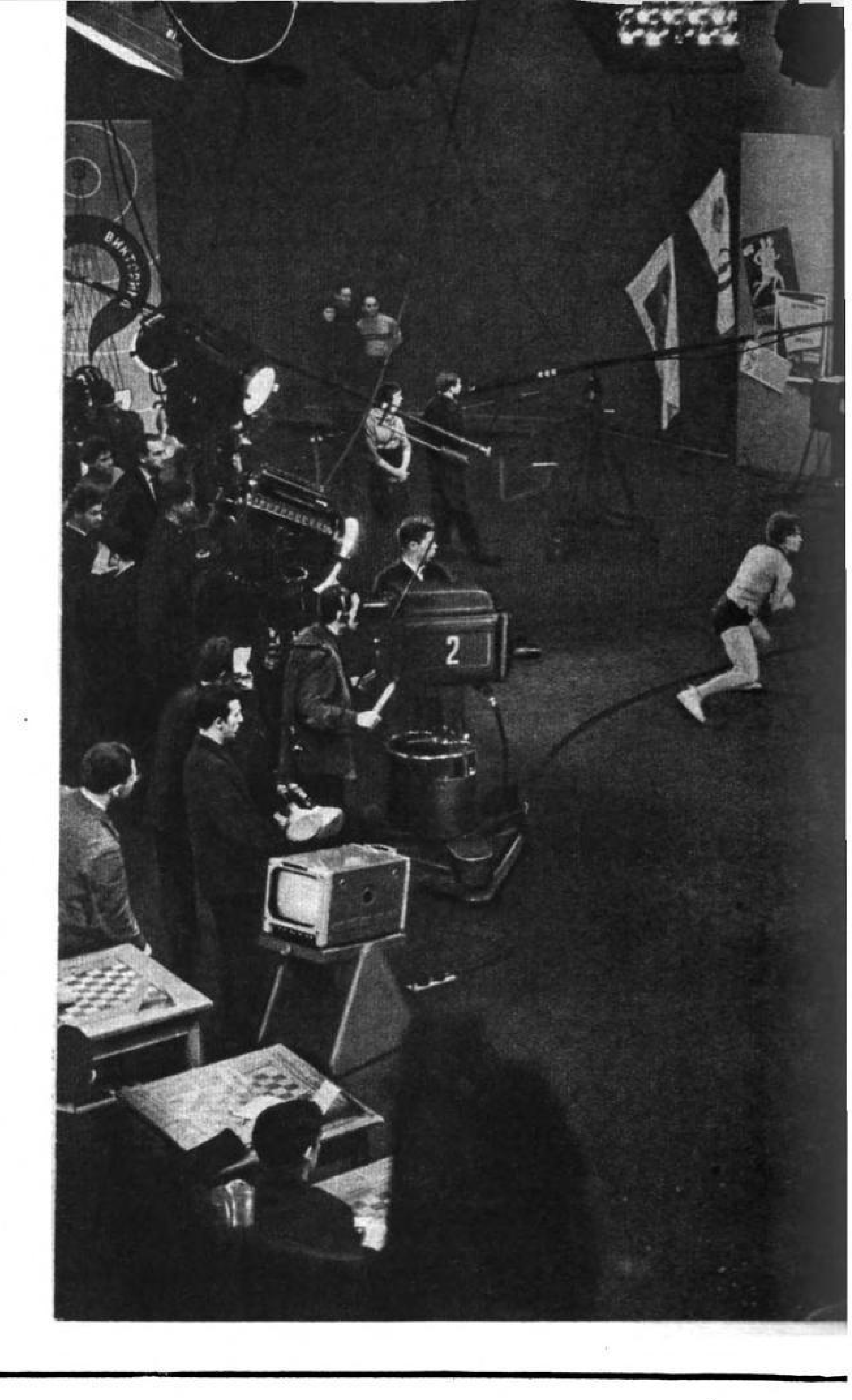
За кулисами телецентра

М. КВАРЦЕВ, Д. УХТОМСКИЙ

Здесь каждый вечер встречаются и дружат политика и музыка, наука и спорт, поэзия и торговля... В центральной аппаратной, где сходится на контрольных экранах все, что происходит в эти минуты в студиях и за их пределами, мы видели одновременно посланца далекой страны, выступавшего для москвичей, и сценку из спектакля, шедшего в Киеве, мастеров ручного мяча, атакующих ворота, и ученого, беседующего о кибернетике...

Отсюда жизнь с глазу на глаз разговаривает с нами. Конечно, потому такая сосредоточенная тишина в комнате дикторов. Они готовятся, они будут сейчас читать новости большого трудового дня страны, новости международной жизни. Здесь те, кого мы каждый вечер давно уже видим у себя на экранах: Нина Кондратова, Валентина Леонтьева, Анна Шилова, Виктор Балашов, Игорь Кириллов... Здесь молодежь, недавно пришедшая к экрану: Аза Лихитченко, Светлана Моргунова... Знаете ли вы, между прочим, что значит быть диктором телецентра? Триста человек держали в минувшем году конкурсные экзамены, и лишь трое оказались принятыми! Почти все дикторы с театральным образованием, а иные и с артистическим прошлым в крупнейших театрах.

...Посмотрите на эти снимки. Конечно, они не рассказывают всего, что происходит в здании на Шаболовке в час, когда мы отдыхаем у голубого маленького экрана. Это просто оконца в своеобразный хлопотливый и взволнованный мир телевидения, работающего на нас.

Вы были свидетелями и, может быть, заинтересованными участниками своеобразного «матча знатоков спорта», который состоялся между киевлянами и москвичами.

На ваших экранах — музыкальная передача. Ее ведет режиссер Лидия Васильевна Тимохина.

Юная исполнительница Ира Виноградова, ученица школы при Московской консерватории имени П. И. Чайковского.

площади. В этот момент ей нужны иные стихи, иные объединяющие ее чувства. Не прочтешь эти стихи и с киноэкрана. Но по телевидению и по радио эти же тысячи людей, сидя у себя дома, великолепно воспримут их. Только не вместе, а порознь.

Вот оно, различие между экраном и телевизором. И понятно, откуда оно идет.

В кино собирается большая аудитория. У телевизора — только семья.

В кино вы реагируете вместе с залом. Вас заражают смех, вздохи, напряженное молчание публики. Дома передачу воспринимает маленькая ячейка, независимая в этот момент от сотен и тысяч других таких же семей.

Общественное мнение на просмотре кинокартины формируется тут же — в зале, в фойе, при выходе из кинотеатра: вы видите сразу, понравилась ли новая лента, или показалась публике скучной, бессодержательной.

Широкое общественное мнение о телевизионной передаче составится только завтра, перед началом работы или в обеденный перерыв, когда люди обменяются впечатлениями.

— Вчера музыкальную передачу смотрели о Моцарте? Ужас!..

— А я включила и даже смотреть не стала — текст читал артист манерный такой, все время позировал; в передаче ни мысли нет, ни сюжета — набор отдельных номеров, да и то обрывки какие-то! А вообще я музыку готова день и ночь слушать. Прямо обидно!..

Но вернемся к различиям между теле- и кинoэкранами.

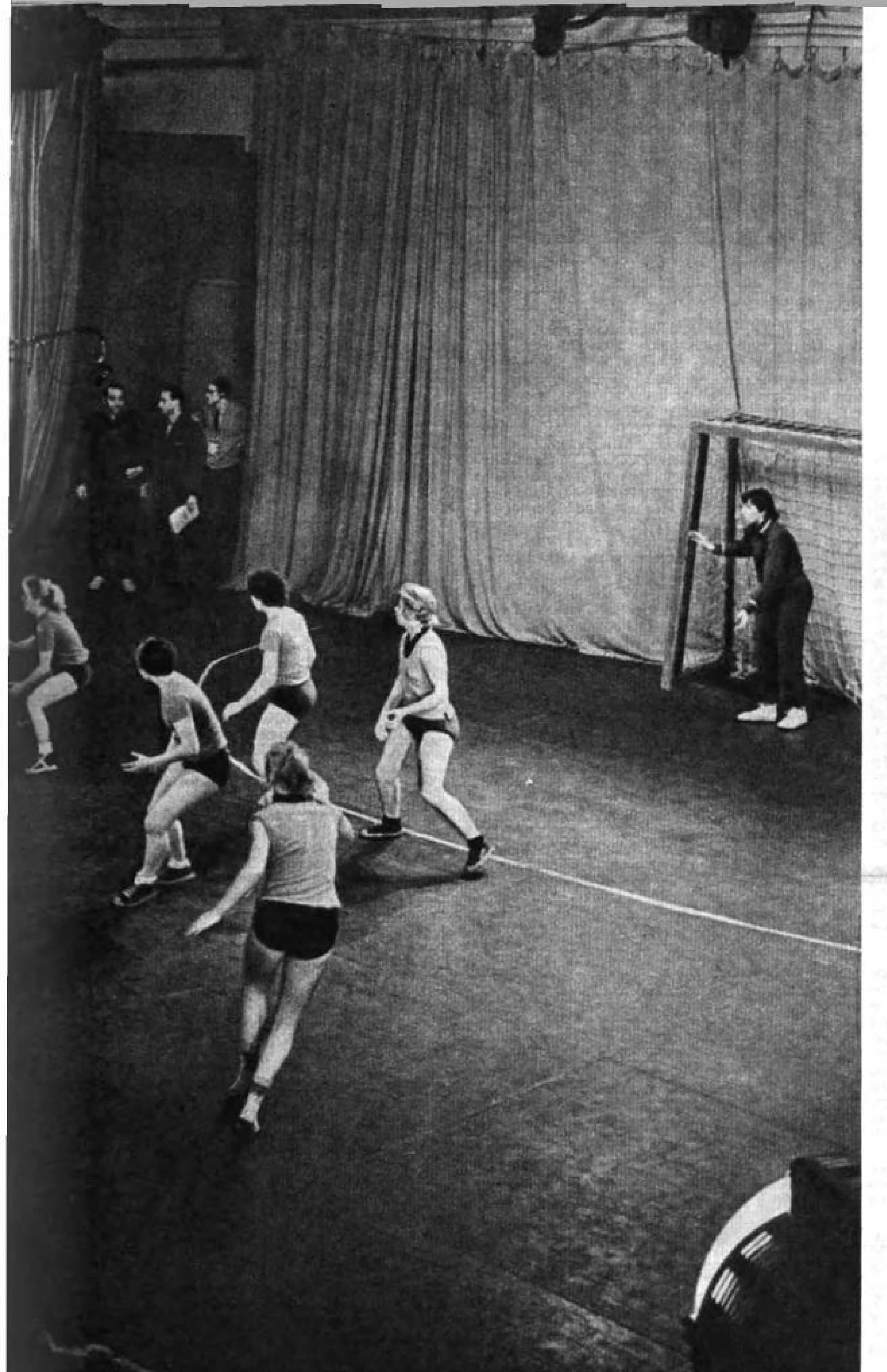
Все, что происходит на киноэкране, основано на диалоге или сопровождается дикторским текстом. Но даже в тех случаях, когда событие, скажем, в историческом фильме, происходило сто лет назад, в кинематографе это «сейчас». На экране кино событие заново рождается у нас на глазах. Даже в документальной картине в закадровом тексте господствует настоящее время: «Москва встречает гостей», «Сквозь льды пробивается атомный ледокол», «Голландцы очень любят цветы»...

В телевидении эти же кадры можно сопроводить другим текстом: «Москва встретила гостей...», «Атомный ледокол пробивался сквозь льды...», «Мы поднялись на гору...». А это значит, что телевидение легко вступает в соединение с повествовательной прозой.

Прошедшее время природе кино не присуще. Кино — это «есть». «Было» и «будет» — прошедшее время и будущее — в кинематографе возникают только в виде наплывов и вытеснений. Но проза — это почти всегда повествование об уже совершившемся. В прозе — все равно, будь это роман, повесть или рассказ,— события почти всегда отодвинуто от читателя временем. Оно «было». Вспомним: «Однажды играли в карты у конногвардейца Нарумова. Долгая зимняя ночь прошла незаметно...» («Пиковая дама»); «В ворота гостиницы губернского города N въехала... бричка» («Мертвые души»); «Все смешалось в доме Облонских» («Анна Каренина»); «Иван Акимович Самгин любил оригинальное» («Жизнь Клима Самгина»)... Теперь представим себе на минуту, что Пушкин написал бы: «Играют в карты у конногвардейца Нарумова». Значит, вторая фраза была бы уже другой: долгая зимняя ночь еще не прошла бы. И Пушкину пришлось бы описывать события, которых он не описывает. Все развивалось бы по-другому.

В отличие от кино по телевидению можно рассказывать о том, что было. А если так, если телезритель может слушать рассказ в прошедшем времени из студии, значит, он может слушать по телевидению тот же рассказ, снятый на пленку. А это открывает огромные перспективы, дает возможность утвердить в телевидении новый тип телевизионной картины, в основе которой лежит не драматический диалог, а повествование, проза. До сих пор прозу можно было читать глазами и слушать в исполнении авто-

Copyrighted material

ра или чтеца. Отныне ее можно слышать и... видеть. Ибо можно показывать на экране все то, о чем повествует автор: и въезд брички в губернский город NN, и события в доме Облонских, и оригинальность отца Самгина, и многое, многое другое. И развиваться это будет не на основе разговора между действующими лицами картины, а на основе авторского повествования. В такой картине можно передать и авторские ремарки и авторское отношение к происходящему, другими словами, создать телевизионные фильмы, отличные от кинофильмов принципиально. И такие картины уже появляются. Телевидение как бы идет здесь навстречу документальной кинематографии, которая, в свою очередь, давно уже стремится от подтекстовок прийти к органическому сплаву киномонтажа с рассказом.

Вот на этом пути и родится литература для телевидения. Другое свойство телеэкрана, которого нет у экрана кино,— одновременное, или, как говорят, синхронное отражение происходящего в жизни, — касается не только передач с места события. Возможность побывать разом в десяти городах (но не в десяти одинаковых студиях!), пройти по Воробьевым горам, по Дворцовой набережной Невы, постоять на Подоле, глядя на Днепр, погулять по проспекту Руставели или подняться на гору и поглядеть на огни ночного Тбилиси, полюбоваться слиянием Оки и Волги с откоса, зная, что это не снято на кинопленку три недели назад, а происходит сейчас, видеть с той быстротой, с какой видит мысль, переноситься, как в песне, как в сказке,— это ль не чудо! И неужели эти возможности пройдут для искусства бесследно? Не верю!

Телевидение сказочно по природе своей. И при этом совершенно реально. Оно открывает безграничный простор воображению, импровизации, воплощению сегодняшних впечатлений. Программа, посвященная Центральным телевидением встрече Нового года, не понравилась зрителям потому, что, говоря о будущем, оно руководствовалось слащавыми вкусами прошлого, что эталоном для себя оно избрало старые поздравительные открытки. Более того, я бы сказал, что, показав телезрителям «Карнавальную ночь» — бесподобного Ильинского-Огурцова, Центральное телевидение угостило нас вслед за тем передачей, о которой мечтал Огурцов!

Искусство не терпит штампа. А чудо—тем более. Тут нужны дальнозоркая выдумка, дальновидное воображение. Нужна фантазия, поспевающая за космическим веком.

Было бы, однако, несправедливо обращать все претензии и все пожелания к работникам телевидения. Дело не только в них.

Автор любой книги, выпущенной в Советском Союзе, вправе претендовать на рецензию. Театр выпускает спектакль — в газетах появляется подробная информация: кто поставил пьесу, чьи декорации, кто писал музыку, какие исполнители заняты в главных ролях. А потом мы читаем статьи, разбор спектакля, иногда чуть ли не во всех центральных газетах. Концерты. Кинокартины. Выставки. Шахматы. Спорт. Все в почете! А в какой газете, в каком популярном журнале мы можем прочесть о постановках хотя бы Центрального телевидения, о его передачах, концертах, беседах? Кто критикует? Кто отмечает удачи? Подает советы? Оценивает?

Телевидение не театр, не книга. Но по «тиражу», по одновременности воздействия на миллионы — не меньше театра, не меньше книги. Ни одно дело в нашей стране не могло бы развиваться нормально без поощрения и критики — без организованного общественного контроля. Телевидение заслуживает серьезной и повседневной оценки. Заслуживает очень большого и очень заботливого внимания к его великим задачам.

Давайте поддержим его!

Copyrighted material

ПРИЗ «ЗОЛОТАЯ НИМФА»

В Монте-Карло на II Международном фестивале телевизионных фильмов приз «Золотая нимфа» за лучшее исполнение женской роли (Катарина в телефильме «Укрощение строптивой») присужден заслуженной артистке РСФСР Людмиле Касаткиной.

Мы попросили Людмилу Касаткину рассказать об этой ее работе.

— Что значит создавать телевизионный фильм? Мне думается, прежде всего надо уяснить себе, что на маленьком голубоватом экране хорошо видны только актеры. Зритель сидит у себя в комнате, в привычной обстановке, и увлечь его, захватить может только очень содержательное, человечное, искреннее актерское искусство. Патетика, наигрыш, фальшь, трюкачество в этих условиях особенно заметны и неприемлемы.

Вот с этими мыслями мы и начали съемки. Нам помогало то, что творческой первоосновой нашего фильма был спектакль Центрального театра Советской Армии «Укрощение строптивой», в свое время замечательно поставленный мастером советского театра Алексеем Дмитриевичем Поповым. В спектакле стремление к острой, яркой театральности органически сочеталось с требованием создания полнокровных, психологически правдивых, глубоких характеров. В фильме главные роли играют те же актеры, что и в театре. Режиссер фильма С. Колосов использовал все возможности кинематографа: крупный план, позволяющий проникнуть в сокровенную глубину мыслей и чувств действующего лица, выраженных в глазах, мимике; возможность создания динамичных эпизодов и мизансцен, раскрывающих атмосферу эпохи.

Однако думаю, что главным все-таки было стремление к психологической достоверности, наполненности, сердечности актерского исполнения. Видимо, оно и принесло нашей работе признание.

Вот почему, мне кажется, телевидение — это в первую очередь область актерская.

КОГДА ВКЛЮЧЕН ТЕЛЕВИЗОР

Известно, что телевизионные передачи следует смотреть не в полной темноте, а в частично затемненной комнате. Медицина объясняет это нежелательностью контрастного воздействия на зрение. Кроме того, при дополнительном освещении изображение кажется для глаз более отчетливым.

К сожалению, обычные настольные лампы или люстры не могут дать нужного освещения. Поэтому телезрители обрадуются оригинальному светильнику, который начинает выпускать Голицынский завод электрических изделий.

По внешнему виду он напоминает известную всем настольную лампу. Но подвижный корпус с прорезями, скользящий по стойке, позволяет приглушать свет лампы. Если стойку опустить, то светильник можно использовать как обычный.

Благодаря своей форме и цвету такой светильник хорошо гармонирует с современным интерьером.

ПОЧЕМУ ГАСНУТ

Я. МИЛЕЦКИЙ

НЕУДАЧНИК ПЛАЧЕТ

С той самой минуты, когда человек привозит домой новый телевизор, ко всем многочисленным ипостасям — квартиросъемщика, пассажира, потребителя или клиента — добавляется еще одна: выражаясь языком инструкций и наставлений, человек становится «владельцем телевизора». В этой новой ипостаси ему придется выступать, быть может, долгие годы, и еще неизвестно, что она сулит ему — радость или горе.

В нашей стране насчитывается почти семь миллионов «голубых экранов». За ними коротают вечера десятки миллионов людей. Не всем, однако, телевизоры доставляют удовольствие. Немало и неудачников. О них и пойдет речь.

Неудачник плачет... Вот одно из писем, показанных мне в телетресте:

«Два года мы собирали деньги на телевизор. Долго стояли в очереди, пока наконец купили его. Но он проработал не больше часа и с тех пор все время выходит из строя.

Он назван почему-то «Рекордом». Почему? Уж не рекорд ли брака? Ведь из четырех месяцев и трех недель гарантийного срока он проработал не больше месяца.

Возле Красной площади вывешен многометровый плакат, там написано, что гарантийный срок на телевизоры будет увеличен до 12 месяцев. Но если заводу сходит с рук такое плохое качество, он никогда не сможет увеличить гарантийный срок и тем самым не сможет выполнить указания XXII съезда Коммунистической партии».

Справедливое замечание. Добавим от себя, что «Рекорд», выпускаемый Александровским заводом Владимирского совнархоза, отнюдь не худший по качеству телевизор. Он пользуется большим спросом у населения и составляет 20 процентов всего телевизионного парка страны.

Впрочем, многие из 23 моделей телевизоров, выпускаемых нашей промышленностью, не выдерживают установленного гарантийного срока. За шесть месяцев приходится ремонтировать более половины выпущенных приемников. По одному, два, три, а то и больше раз. Вот некоторые цифры, без которых нельзя обойтись.

За апрель — октябрь прошлого года, по данным Московского телевизионного треста, подверглись гарантийному ремонту следующие телевизоры:

«Радий» — 66 процентов из всего количества состоявших на гарантийном обслуживании,
«Темп-6» — 75 процентов,
«Знамя-58М» — 68,2 процента,
«Старт-3» — 67,9 процента,
«Енисей-2» — 68,5 процента,
«Беларусь-5» — 71 процент и т. д. и т. п.

Вот, оказывается, сколько их, неудачников!

В чем причина столь частых ремонтов, позорного положения с заводской гарантией?

На этот вопрос мне ответил начальник отдела Министерства связи СССР тов. В. Д. Кладовщиков:

— Конечно, вина за брак лежит на заводах, выпускающих телевизоры, но справедливости ради нужно сказать, что немалая доля вины падает и на заводы — поставщики деталей. По нашим данным, сорок процентов повреждений происходят из-за неисправности кинескопов и вакуумных ламп. Какие заводы здесь особенно отличаются? Пожалуй, Львовский ламповый завод. Впрочем присоединим сюда и ленинградскую «Светлану». Часто причиной повреждений являются недоброкачественные радиодетали.

Но, повторяю, достаточно велика и доля вины заводов, выпускающих телевизоры. Вот, например, «Рубин-102». В общем-то неплохой телевизор, но его, видимо, пустили в серийное производство недостаточно отработанным. Иначе чем объяснить, что с января по сентябрь прошлого года завод издал сорок два приказа об изменении 102 чертежей этого телевизора? Отсюда и быстрая порча «Рубина». Есть у него, я бы сказал, «фамильный» недостаток — неустойчивая синхронизация по строкам. Им страдали и телевизоры, выпускавшиеся еще в 1956 году, и «Рубин-102» производства 1961 года. Очевидно, схема не отработана до конца. В итоге мучается сам завод, мучаются ремонтники, а больше всего — владельцы телевизоров. А завод ни за что не хочет позаимствовать схему автоподстройки, работающую безотказно в «Темпе-3» и «Темпе-6».

Кстати, о «Темпе-6». Это, как ни парадоксально, и самый хороший и самый плохой телевизор. По качеству изображения, по звуку он, бесспорно, лучший. Тем печальнее, что он ненадежен в эксплуатации и вызывает много справедливых нареканий. Он, правда, несколько улучшился за последнее время, но возни с ним у ремонтников еще немало...

Плохая слава идет о «Беларусь-5». Одну из причин его частой порчи легко устранить. Речь идет о ручках управления. Они очень хрупки и быстро ломаются. А заменить нечем. Минский радиозавод выдумал «уникальную» ручку, какой не выпускает ни одно предприятие, а сам запасных ручек не присылает. Что же делать?..

Присутствовавший при нашей беседе управляющий Украинским телевизионным трестом Юрий Михайлович Захаров заметил со вздохом:

— Тысячи телевизоров ремонтируются, а тысячи их и вовсе стоят без толку из-за отсутствия запасных частей, кинескопов и радиоламп. У нас таких скопилось до двадцати тысяч...

РЕМОНТ НАЗЫВАЕТСЯ «ПРЕДТОРГОВЫМ»...

У входа в салон, где продают телевизоры, выстроилась очередь. Но полки пусты. Люди ждут: авось, привезут новую партию. Среди ожидающих немало приезжих: достать телевизор — дело далеко не легкое...

Больше всего телевизоров продает ГУМ: до пятидесяти тысяч в год. Но предварительная запись на «Рекорд» и «Рубин» уже намного превышает годовое поступление. Телевизоры других марок продаются свободно: за ними-то и стоит очередь.

— Неужели нет телевизоров? Когда же их доставят с заводов? — спрашиваю заведующего секцией П. М. Калугина.

— Телевизоры есть, но продавать их нельзя. Ремонта требуют...— мнется он.

— Какого ремонта? Ведь они с завода.

— Вот именно. Нуждаются в предторговом ремонте...

— Не понимаю. В каком?

— Когда привозят партию телевизоров, их просматривает бракер, самым тщательным образом, каждый экземпляр. Хорошие идут в продажу, а плохие откладываются в сторону. Их уже надо ремонтировать, хотя они только что покинули завод. Этот ремонт назвали предторговым. Еще не попав к своему будущему владельцу, телевизор уже ремонтируется. Это — дело узаконенное.

— И много ли бракованных?

— Да, пожалуй, четвертая часть всех поступающих.

Прибыло из далекого Красноярска 120 телевизоров «Енисей-2». Сорок одна штука была тут же, на складе, забракована. И в большинстве своем из-за поломки ручек управления. Разваливаются, как глиняные, от нескольких поворотов. Выпускают во Львове телевизор «Верховина». Присылают его в Москву, а здесь бракуют. То кинескоп подвел, то ручки ломаются, то замыкания.

— В декабре,— продолжает Калугин,— получили сорок пять телевизоров «Беларусь-5». Забраковали двадцать восемь. Предторговый ремонт. В октябре прибыло сто штук «Немана», есть и такой телевизор. Сорок девять пошли в предторговый. Ясно? Прислали двенадцать телерадиол «Харьков», семь из них пришлось сдать в ремонт, в тот самый, предторговый. Или вот еще есть телерадиола «Концерт». Раньше завод выпускал неважный телевизор «Жигули». Жалоб на него было — не оберешься! И появилась вместо него на свет божий телерадиола «Концерт». Теперь с ней хлопот полон рот: в октябре прибыло пятьдесят штук — в ремонт ушло двадцать. Тут же, в магазине, еще до прилавка...

Мы спускаемся вниз, в подвал, и, открыв массивную дверь, оказываемся в большом складе. Но, право, туда ли мы попали? Уж не заводской ли это цех? Взад и вперед катят на специальных тележках телевизоры разных марок. Молодые люди с инструментами возятся возле раскрытых приемников. Голубые экраны то вспыхивают, то гаснут.

Предторговый ремонт в разгаре.

Я насчитал несколько десятков радиомехаников, занятых исправ-

лением брака, доставленного в магазин.
— Откуда, товарищи, приехали в Москву? — спрашиваю одного.
— Из Ленинграда. С завода имени Козицкого.
— Много ли вас?
— Трое. В Москве сделаем «предторговый» и поедем в другие города. Так вот и катаемся.
— И нас трое, но мы из Львова... Латаем «Верховину».
— Вроде как Акуля у швейников...
Но больше всего радиомехаников, выполняющих Акулину работу, приехало с Александровского завода, где производят телевизоры «Рекорд». Правда, надо оговориться: этот завод поставляет ГУМу чуть ли не половину всех продающихся здесь телевизоров. Александровцы постоянно держат в ГУМе мощную ремонтную бригаду. Возглавляет ее Александр Васильевич Половинкин, он работает на Александровском заводе, а живет постоянно в Москве.
— Как,— спрашиваю я его,— работы по «предторговому» хватает?
— Хватает,— неохотно отвечает он, но затем, оценив иронию вопроса, быстро добавляет: — Все зло в поставщиках. Присылают плохие радиолампы, они и выходят из строя. Кинескопы тоже...
Я знакомлюсь с остальными теле-Акулями. Их много.
«Предторговый» ремонт заранее планируется заводами. На это ассигнуются специальные средства. Так узаконивается брак. Вот что рассказывает старший товаровед ГУМа С. Ф. Чесаков:
— Получили мы, скажем, триста телевизоров. Бракеры магазина начинают их проверять. На это уходит день-два. Добрая четверть телевизоров идет в брак. Посылаем об этом телеграмму заводу. Так, мол, и так, пришлите радиомеханика или отошлем товар обратно. Ждем. Хорошо, если он приедет через неделю. А то и вовсе не явится. Что тогда делать? Пишем письмо в госэкспертизу. А там работы по горло. Экспертов рвут на части. Еще неделька пройдет, объявится эксперт, начинается составление акта. А время-то все идет и идет. Штабеля плохих телевизоров растут и растут. А тут и новые поступают, их уже класть некуда. Так месяца по два возимся с каждой партией телевизоров, пока заводские радиомеханики их кое-как не отремонтируют и не сбагрят с рук. Наши мучения на этом кончаются...
— И начинаются мучения того, кто купит телевизор?
— Возможно, что хорошо отремонтируют, а возможно, приемник скоро опять выйдет из строя. Кто его знает!

«УГРЮМ-РЕКА»

Кто же об этом знает? Ну, конечно, телевизионное ателье. И путь мой лежит туда.
Одним из крупных телевизионных предприятий столицы считается ателье № 1. Оно помещается на Ленинском проспекте и обслуживает Юго-Западный район, район новостроек и новоселов. Какой же это новосел без «голубого экрана» в заново обставленной комнате?! На учете ателье почти девяносто тысяч телевизоров. И каждый год прибавляется еще по двадцать тысяч.
У ателье есть свой план на квартал, на год. План предусматривает количество ремонтов. Составлен он на основании опыта прошлых лет. А опыт этот раскрывает неприглядную картину. За шестимесячный гарантийный срок планом ателье предусматривается по два-три ремонта на каждый телевизор. Это не значит, что испортится обязательно каждый новый телевизор и что все их владельцы — неудачники. Нет, это средняя цифра. Какие-то телевизоры окажутся отличными, и радиомеханик даже не заглянет к их владельцам. Зато неудачникам во время «гарантийного полугодия» придется обивать пороги ателье по пять, шесть, а то и больше раз.
Итак, завод планирует «предторговый» ремонт. Телевизионное ателье планирует гарантийный ремонт. Все, как видите, делается честь по чести, по плану...
У окошек стоят очереди. Непрерывно звонят телефоны. Слышны возмущенные голоса:
— Уже пятый раз ремонтируют мой «Темп-6». Сколько же можно? Скоро кончается гарантия, и что же будет дальше? Я требую замены!
— По инструкции заменить не можем. Не беспокойтесь, исправим...
— Вам, гражданин, бояться нечего, вам исправят,— вступает в разговор сосед,— а вот мне так прямо податься некуда со своей «Угрюм-рекой»...
— А это что за телевизор?
— «Енисей». Его прозвали «Угрюм-рекой» за плохое качество. Создает угрюмое настроение. То одно портится, то другое. Конца-краю нет...
— А что у вас теперь приключилось? — спрашивает главный инженер ателье Л. М. Заблудовский.— Ручка полетела?
— Она самая...
— Когда будут кинескопы 40ЛК? — раздался чей-то голос.
— Неизвестно, честно скажу... На очереди за кинескопами в нашем ателье стоят шестьсот человек.
...Был полдень, и радиомеханики отправлялись «в поход». В ателье около семидесяти радиомехаников. Работы хватает всем. С некоторыми из них мне удалось поговорить.
— У населения находится около 60 различных моделей телевизоров. Сейчас выпускаются 23 типа. Зачем так много? Есть и такие, что дублируют друг друга. Каждый старается внести в модель что-то свое, отличное от коллег, но этим только затрудняется ремонт. Одних ручек переключения насчитывается 21 тип, причем, как правило, они не взаимозаменяемы. И так со многими другими деталями. Разве нельзя их унифицировать?
Это сказал бригадир радиомехаников Николай Кузьминов.
— Передайте привет «харьковчанам»,— добавил радиомеханик Виктор Шейн.— На днях был по вызову в Черемушках. Вскрыл телерадиолу «Харьков», купленную к новому году, и вдруг нашел там записку. От контролера ОТК. И даже за его подписью. В записке перечислены все дефекты телерадиолы. Но их не устранили, а вместе с запиской отправили для продажи...
— И я могу дать интересный адресок. Тоже в Черемушках. Но там поминают недобрым словом красноярцев и их «Енисей-2». В декабре я их навещал четыре раза. И вот опять вызывают, бедняги...— вмешался в разговор радиомеханик Сергей Воронцов.
— А я в течение недели переменил в «Рекорде» четыре лампы.
— Уже несколько месяцев нет строчных трансформаторов для «Темп-1» и «Темп-2»...
Жалобам не было конца.

ЧТО ЖЕ ТАКОЕ ГАРАНТИЯ?

Когда я уже собирался уходить из ателье, ко мне подошел невысокий старичок. Он, вероятно, принял меня за товарища по несчастью.
— Вот я все думаю,— меланхолично сказал он,— что это такое — гарантия? Что означает это слово?
— Гарантия? — задумался и я.— Ну, это когда ручаются за что-то. Продают товар с гарантией...
— Вот именно! С гарантией чего?
— Ну, качества, конечно...
— А на телевизор тоже дают гарантию?
— Как будто...
— Никакой гарантии не дают! Какая же это гарантия, когда телевизор портится и за это ни с кого не взыскивают! Фактически завод только гарантирует бесплатный ремонт телевизора в течение полугода. А гарантии его качества он не дает никакой.
— Но...
— Не спорьте... Вот я врач. И, скажем, я делаю человеку прививку против оспы. Сделал и говорю: «Живите спокойно, голубчик, никакой оспы у вас не будет». Гарантия? Твердая гарантия! И качество нашей продукции должно быть также гарантировано. Вот так-с! Не правда ли?..
Что тут можно было ответить? И кто ответит?

Как это делается

Ян ПОЛИЩУК

Фельетон

ПРЕДИСЛОВИЕ

Автор просит у читателей извинения за несколько традиционное название и несколько банальный сюжет. Но так как наше повествование основано на истинном происшествии, мы изменили в нем лишь имена действующих лиц и исполнителей, во всем прочем оставаясь покорными жизненной правде.

x x x

Замечено, что большинство договорных связей между организациями и отдельными авторами завязывается при помощи телефона. По-видимому, это объясняется похвальным желанием быть на уровне современной техники. Войди в обиход видеотелефон или карманный радиотелеграф, наверняка творческие переговоры велись бы на более высокой технической ступени.
...В полночь в квартире Берендеева заверещал телефон. Не подозревая ничего худого, Берендеев расслабленно взялся за трубку. Вкрадчивое контральто проворковало:
— Это говорят с телевидения.
Берендеев вздрогнул.
— Не вешайте трубку! Ради бога, не вешайте трубку!.. Я знаю, что вы недооцениваете ведущую роль телевидения в области просвещения широких зрительских масс. Я знаю, что вы объезжаете нашу студию на трамвае... Но учтите. Мы перестраиваемся. Инстанции отменены, и теперь даже самые маститые авторы идут к нам гурьбой...
Берендеев слыл стреляным воробьем. К его творческим услугам охотно прибегали и бойкие конферансье, и величавые мастера художественного слова, и бесцеремонные коверные клоуны. Любой социальный заказ для эстрады или театра миниатюр он выполнял с присущим ему тактом и эрудицией. А однажды даже выступил с собственной киномикрометражкой. Однако маститым он себя не считал. Но какой исправно платящий взносы член групкома драматургов будет опровергать этот титул?
Берендеев промолчал. Это его погубило.
Контральто продолжало завораживающе ворковать:
— Вся редакция припадает к вашим стопам. Ну, отобразите! Ну, создайте! Хотя бы коротенькую сцену. Ну вот с полминизинца... Или инсценируйте какого-нибудь классика, а? Мы теперь боремся за пропаганду высоких образцов. Пройдет пулей. Космической ракетой. Учтите, телевидение перестраивается.
— Ладно,— согласился Берендеев.— Продаю свою бессмертную душу.
Приятель, с которым Берендеев поделился своими планами, демонически рассмеялся:
— А ты когда-нибудь видел пожар в птичнике во время наводнения? Не видел? Ну, тогда иди, иди на студию... А меня туда и гонорарным калачом не заманишь.
— Консервативная ты личность,— пытался оборониться Берендеев.— За телевидением будущее, за телевидением перспективы... И потом, для меня это новая область познания.
— А разве не достаточно тебе подсобных материалов: ругательных рецензий, пародий, фельетонов?
— Достаточно. Но они отображают, так сказать, внешнюю сторону вопроса, так сказать, видимый результат. А мне хочется взглянуть, так сказать, изнутри. Как это делается... Минуточку! Вот, кстати, и тема... «Как это делается». По Чапеку. Типичный классик. А нам надо бороться за пропаганду высоких образцов...
Приятель безнадежно махнул ручкой и исчез.
Переступив порог телередакции, Берендеев изумился. Вопреки пророчеству приятеля он встретил здесь почти могильную тишину. За столами, заваленными папками, сидели задумчивые девы в аспирантских очках. Завидев автора, они смахнули на пол забракованные рукописи и кинулись к Берендееву на шею.
— Наконец-то! — вскричали задумчивые девы, не размыкая железных объятий.— А мы уже истомились. Истосковались мы уже. Вся редакция не спала целую неделю, ожидая вашего визита. Немедленно обсуждать! Срочно редактировать! Экстренно сдавать в производство!
Берендеева усадили в самое мягкое кресло, какое можно было отыскать на студии. Его прикатили из кабинета главного редактора, пребывавшего в очередной туристской поездке. Задумчивые девы уселись в кружок. Берендеев водрузил на нос очки, раскрыл подарочную папку и начал:
— Значит, так. На экране появляется титр: «Как это делается. По Карелу Чапеку. Автор сценария — Н. Берендеев». Затем, после легкого вальса, начинается действие. Бедная заснеженная мансарда. Писатель Ян Дуган нянчит малолетнего сына. Эта идиллия нарушена резким стуком в дверь. «Войдите»,— говорит писатель, хватаясь за сердце. Входит почтальон...
— Стоп! — милицейским голосом произнесла старшая редактриса.— Очень мило. Это то, что нам сейчас нужно. Это то, чего мы давно уже ждем. Только, понимаете, не все понятно. Не дойдет до широких зрительских масс. Почему «Как это делается»? Зачем по Чапеку? Отчего Н. Берендеев? Все это надо заземлить, расшифровать, растолковать.
— Это вам не кинематограф,— сказала задумчивая дева рангом пониже.
— И не театр,— объяснила ее соседка.
— И не цирк,— уточнила третья.
— Понимаю,— закивал Берендеев.— Это мне не кино, не театр, не цирк, не консервный завод, не детский сад, не хлебопекарня...
— Стоп! — тем же милицейским голосом скомандовала старшая редактриса.— Вы уже улавливаете нашу специфику. Хотелось бы, чтобы этой волнующей сцене в мансарде было предпослано вступление... Дайте мне из шкафа собрание сочинений... Так... Ну, что-нибудь в этом роде: «Известный чехословацкий писатель Карел Чапек родился в 1890 году в небольшом местечке Мале-Сватоневице, в семье врача. Получив образование в Пражском университете...» И так далее. Понятно? Просветительно. Познавательно. Вот в чем наша специфика. Попробуйте такое дать в кино — не пройдет... А мы можем. Мы все можем.
— Понятно,— трусливо сказал Берендеев.— Вы все можете. Ну, так я пойду.
— Что вы! — вскричали девы хором.— Куда пойдете? Никуда не надо идти. Оставьте, мы сами доведем до уровня. Все равно вы еще не овладели спецификой. Впрочем, никто еще не овладел... Через месяц заходите.
В назначенный день состоялась встреча Берендеева с режиссером Сердечным. Это был энергичный теледеятель в синем кокетливом берете и пиджаке в крупную зоопарковскую клетку. Ходили слухи, что еще в отрочестве он присутствовал на беседах со Станиславским. Редактрисы перед ним благоговели.
— Приступим,— замораживающе сказал Сердечный.— Тут у вас написана какая-то мура. Не обижайтесь. Я человек нелицеприятный. Константин Сергеевич не раз говаривал: «А ну, Гриша! Оцени продукцию. Только на тебя и надеюсь». Так вот. Накропали вы ерунду. Это все не телевизионно.

Copyrighted material

Не прогрессивно. Не агрессивно. А нам нужны экспрессии. Депрессии... Эту легкомысленную музычку снимем. Дадим Бетховена. Очень углубляет. Почтальон в экспрессии. Дуган в депрессии. Стук в дверь дадим на литаврах. Содрогает. И не к чему всякие «Войдите!». Слова снимем. Это расслабляет. А нам надо психологично. Пусть писатель не вздрагивает при виде почтальона, а падает в обморок. И за сердце хвататься — сентиментально... Дадим сердце во весь экран. Из папье-маше. Вот в таком крупном плане. Лаконично. Специфично. Телевизионно. Константин Сергеевич недаром говорил: «Меньше слов, больше дела. Незаменимый ты человек, Гриша! Все что-то болтают, критикуют. А ты молчишь...»

— Какой Константин Сергеевич? Станиславский?

— При чем тут Станиславский? Это наш самый главный...

Получив через два месяца сценарий, начальник производства Понтонов почесал за левым ухом и сказал:

— Не пойдет!

Берендеев насупился.

— Почему не пойдет? Редакторы в восторге. Режиссер одобрил. Лишние диалоги я устранил. Лаконично. Психологично. Реалистично.

Начальник производства почесал за правым ухом и сказал:

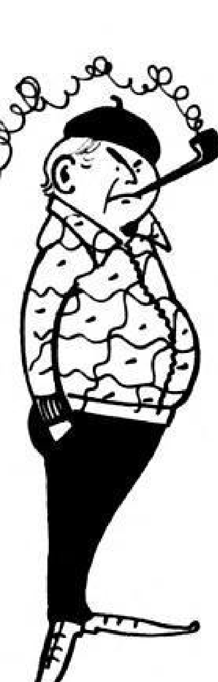
— Реалистично, не пойдет. Здесь у вас вон сколько пиломатериалов на мансарду надобно. А где я достану тес? Это вам не театр — капитальные декорации строить. Тут нужно наше родимое, телевизионное... Дадим рисованный задник. А из мебели — одну табуретку. Она по смете предусмотрена. Ага! Мансарда заснеженная! А где я вам добуду снег? Во дворе? А как его с баланса на баланс передать? То-то... Специфика, брат писатель!

Через некоторое время эстафета добралась до оператора Мудренко. Он зажмурил один глаз, а другим прицелился сквозь кулак на рукопись.

— Треба все переделать.

— Все? — кротко спросил Берендеев.

— Все. Вот у вас сцена у табуретки. Гарная сцена. Аж серденько захолонуло. Но нехай она проистекает не при ясном дне, а когда солнце низенько, вечер близенько. Сами понимаете, специфика!

— Какая специфика? Где специфика? — заскулил Берендеев.

— А як же? Это вам не кино. Там, понимаете, софиты, юпитеры, сатурны разные. Аппаратура — перший класс. А у нас?..

Сцена пошла при смутном, призрачном освещении. Впрочем, режиссера это не смутило. Он нашел, что психологизм и лаконизм будут еще более углублены.

— Полумрак. Светотени. Блики. Разве в кинематографе так могут? Не могут так в кинематографе. И в театре не могут. Ну, а если зрители кое-что не разглядят, сошлемся на неисправность телевизоров. Вот так. В таком крупном плане.

...Разумеется, в назначенный день Берендеев сидел у телевизора, как зачарованный. Он ждал своего часа. Наконец после волнительного репортажа из детских яслей № 16 и кинохроники Закарпатской студии «Из личной жизни бобров» появился диктор и взвинченным голосом объявил:

— Начинаем передачу, посвященную творчеству известного чехословацкого писателя Карела Чапека.

Диктор перевел дух и, делая вид, будто вызубрил весь текст наизусть, стал читать лежащую перед ним книгу:

— «Известный чехословацкий писатель Карел Чапек родился в 1890 году, в небольшом местечке Мале-Сватоневице, в семье врача. Получив образование в Пражском университете, он отдается литературной деятельности. Ранние рассказы Чапека отражают растерянность и смятение, вызванные в умах мелкобуржуазной интеллигенции обострившимися в связи с войной противоречиями общественной жизни...»

Передача продолжалась пятнадцать минут. Изложив основные вехи жизни и творчества Чапека, диктор болезненно улыбнулся и объявил, что через минуту будут передавать журнал «Для вас, деточки!». На экране появились бумажные розы, и Берендеев понял, что с ним покончено. Он бросился к верному телефону. Воркующее контральто пленительно залепетало:

— Не правда ли, как мило получилось, а? Познавательно. Просветительно. Телевизионно... Что? А как ваша инсценировка? До последней минуты держалась. Вам здорово повезло. У других снимают в самом начале. Специфика!.. Зато в следующий раз...

Когда Берендеев повстречал своего приятеля-скептика, тот рассмеялся испытанным демоническим смехом.

— Ну, как, вскрыл специфику изнутри?

— Вскрыл,— нервно ответил Берендеев.

— Объезжаешь студию сторонкой?

— Что ты! — вскричал Берендеев.— Каждый день туда езжу.

— Неужто увлекся?

— Как бу́лто.— махнул рукой Берендеев.— Собираю материал для фельетона.

И он, придерживая подарочную папку, бросился к трамваю.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Автор предвидит возражения телевизионных деятелей:

— Конечно, есть у нас кое-какие неполадочки, кое в чем недостаточки. Но не похоже ли все это на огульное охаивание? Нет ли здесь выпада против ведущей роли телевидения в области просвещения широких зрительских масс? Разве мы не идем вперед и выше? Разве не совершенствуемся? Разве не показываем раз в квартал интересные самостоятельные передачи?

— Идете. Совершенствуетесь. Показываете.

— Ага! Признаете. А вот как они получаются?..

Ах, если бы кто-нибудь мог ответить на этот вопрос!

После выступления «Огонька»

В фельетоне «Равнодушие» («Огонек» № 40 за 1961 год) шла речь о неблагоустроенном подмосковном поселке Толстопальцево, о плохом обслуживании его населения.

Заместитель председателя исполнома Мособлсовета тов. В. Артемьев сообщил редакции, что фельетон обсуждался в исполкоме Мособлсовета. Решено в скором времени открыть кинотеатр в поселке Толстопальцево, в августе этого года закончить строительство школы, сдать в эксплуатацию двухкилометровый участок водопровода. За нарушение правил торговли председателю правления Наро-Фоминского райпотребсоюза тов. Цыганову объявлен строгий выговор.

В № 51 журнала за 1961 год был опубликован очерк О. Кнорринга «Пятьсот метров от жизни», в котором рассказывалось о бездушном отношении к инвалиду Николаю Васильеву.

Как сообщил редакции секретарь Озерского РК КПСС тов. Костечко, очерк обсуждался на партийном собрании в колхозе «Власть труда» и на бюро Озерского РК КПСС. Все факты признаны правильными.

«За бездушное отношение к судьбе Васильева и фальсификацию документов по взиманию членских взносов секретарю парторганизации т. Анохину А. Н. объявлен выговор с занесением в учетную карточку, председателю артели т. Сарвину указано на его бездушное отношение к Васильеву и другим колхозникам.

Бюро райкома партии одобрило меры, намеченные партийной организацией и правлением колхоза «Власть труда» по оказанию материальной помощи семье Васильева Н. И., а также другим нуждающимся колхозникам, и потребовало от руководителей всех колхозов и совхозов, предприятий, организаций и учреждений района, партийных, комсомольских и профсоюзных организаций, сельских советов проявлять больше заботы об улучшении материальных и культурных нужд и запросов трудящихся».

КРОССВОРД

По горизонтали:

5. Немецкий писатель. 8. Государство в Африке. 9. Древнегреческий драматург. 10. Узкий поток воды. 13. Французский литератор, восстановивший роман «Тристан и Изольда». 15. Город в Эстонии. 20. Ночная птица. 21. Крытая повозка. 22. Советский историк литературы. 23. Река в Южной Америке. 24. Почтовый знак. 27. Грубое волокно. 30. Доля, часть, норма. 32. Часть города. 33. Отражение, ответная реакция. 34. Роман Г. Сенкевича.

По вертикали:

1. Единица исчисления времени. 2. Мастерская живописца, скульптора. 3. Травянистое растение со съедобными листьями. 4. Ткань. 6. Единица длины. 7. Система условных знаков. 11. Сорт конфет. 12. Узбекский астроном, внук Тимура. 14. Стрелка для очистки смотрового стекла автомобиля. 16. Герой фильма «Чистое небо». 17. Стихотворение в восемь строк. 18. Спортивная лодка. 19. Деревянная стена, ограда. 25. Театральное представление. 26. Исторический крейсер. 28. Научно-фантастическое произведение А. Толстого. 29. Персонаж «Евгения Онегина». 30. Гимнастический снаряд. 31. Оптический прибор.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

4. Панджим. 9. Морфема. 10. Козерог. 11. Тумба. 12. Пауза. 13. Рысак. 15. Заметка. 18. Баркас. 20. Соната. 21. Серебрякова. 24. Артель. 26. Кречет. 27. Картина. 28. Алиса. 30. Брамс. 31. Шприц. 33. Матрица. 34. Веттерн. 35. Комната.

По вертикали:

1. Салат. 2. Шипка. 3. Чернушка. 5. Джемпер. 6. Парусина. 7. Сера. 8. Узор. 12. Плацкарта. 14. Котангенс. 16. Антенна. 17. Клаксон. 19. «Степь». 20. Совок. 22. Медиатор. 23. Мегагерц. 25. Штурман. 29. Азия. 30. Бита. 31. Шамот. 32. «Цветы»

На первой странице обложки: Диктор московского телевидения Анна Шилова.

Фото С. Фридлянда.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление И. Михайлина.

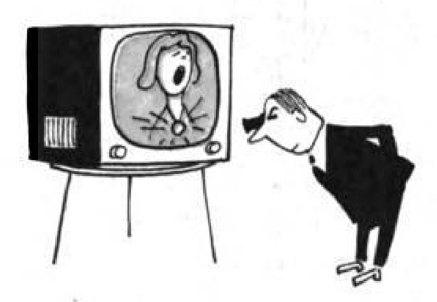
Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00427. Подписано к печати 21/II 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 186. Заказ № 482.

Ордена Ленина типография газеты «Правда».
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Copyrighted material

Профессиональная привычка.
Рисунок Р. Овивяна.

— Вот и ставь после этого полупроводники!
Рисунок М. Ушаца.

— Так и знал! Нельзя показывать по телевизору широкоэкранные фильмы.
Рисунок М. Ушаца.

Дуэт.
Рисунок В. Черникова.

Подготовка к передаче в телестудии

Фото Д. Ухтомского.

Без слов!

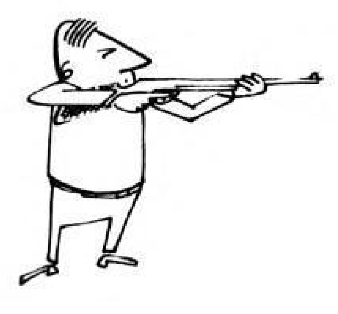
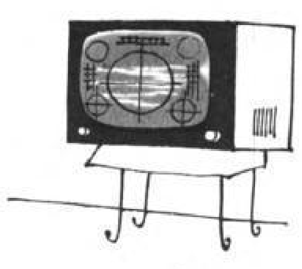

Рисунок Р. Овивяна.

— Земля! Срочно заберите тел
визор: погибаю от скуки!
Рисунок В. Воеводин

Copyrighted material

ГОВОРИТ СЕВЕРНЫЙ ПОЛЮС

Более четырех месяцев тому назад над льдиной, затерянной в Северном Ледовитом океане, был поднят Государственный флаг Советского Союза. Здесь начала свою деятельность станция «Северный полюс-10». Недавно редакция «Огонька» связалась по телеграфу с полярниками станции, попросила их рассказать о своей жизни и работе. Вот какой ответ принес телеграф.

Наш лагерь, состоявший вначале из нескольких домиков, теперь превратился в небольшой поселок. Построены служебные помещения, кают-компания, баня, гараж.

Программу научных наблюдений выполняем полностью. Два раза в сутки поднимается в небо радиозонд: это аэрологи исследуют верхние слои атмосферы. Магнитолог Ю. В. Захаров, он же и астроном, ведет запись магнитного поля Земли, определяет координаты нашей станции. Метеорологи следят за состоянием погоды. Один доктор Н. Д. Исупов работает не по специальности: лечить ему некого, все здоровы. Он помогает гидрологу.

Погода нас не балует. Пурга и метели прибавляют работы, застилая грузы толстым слоем снега. Откапываем их всем коллективом. К сожалению, такие «авралы» бывают часто.

Сейчас у нас светло уже два часа в сутки. Стало видно, что контуры льдины, на которой расположена станция, несколько изменились: появились новые гряды торосов, трещины.

Свободное время мы проводим в кают-компании. Читаем книги, смотрим кинофильмы, играем в шахматы, домино, шашки. Хорошо налаженная радиосвязь позволяет нам регулярно слушать последние известия. Мы в курсе всех событий, происходящих в нашей стране и во всем мире.

Сейчас мы, как и вся страна, готовимся к выборам в Верховный Совет СССР, стараемся еще лучше выполнять порученную нам работу. Читателям «Огонька» полярники «СП-10» передают свои искренние пожелания дальнейших трудовых побед.

Н. КОРНИЛОВ
Начальник станции «СП-10»

Фото Г. Копосова.

Copyrighted material